

МИРВОРИ

ЛИТЕРАТУРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ № 8

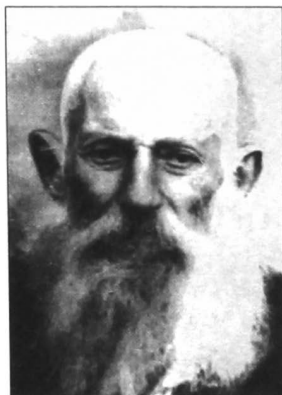
МИРВОРИ

ЛИТЕРАТУРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ №8

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
МИРВОРИ

ИЗРАИЛЬ, 2011

Шаул Симанду
(1856-1939)

Александр Семендуев
(1916-1999)

Этот выпуск альманаха посвящается 155-летию народного поэта Шаула Симанду и 95-летию поэта Александра Семендуева.

«МИРВОРИ»

Литературно-публицистический альманах
Издаётся с июля 2006 года
Выпуск № 8, 2011 год

מירורי

אלמנך ספרותי-פובליציסטי

יוצא לאור מיולי 2006
מהדורה 8, שנת 2011

אורך ראשי וניהול הפרויקט: יהונתן משייב
עריכה לשונית והגעה (רוסית): מרגריטה קוזקוב
עריכה לשונית והגעה (ז'אואורית): של המחברים
עיצוב ועימוד: אלדר אלייב
איורים: שימחה אשורוב

אושר להדפסה: 20.08.2011
פורמט: חצי שמינית
הדפסת אופסט: 70x100 1/16
נייר: אופסט ני"ע 110 גר'
גופן: Times New
גיליונות: 12,9

בית ההוצאה «מירורי»
מערכת: רח. ברנר 10, נתניה

כתובת למכתבים: ת.ד. 359, נתניה, 42441
טל: 09-8840855, 09-8870811, פל: 054-7766822
מייל: mirvori@mail.ru, joni-m@013.net

«Мирвори»: литературно-публицистический альманах №8: стихи, проза, публицистика на русском, горско-еврейском и азербайджанском языках / Гл. ред. Й. Мишиев; [худож. С.Ашуров] – Израиль: издательский дом «Мирвори», 2011. – 160 с.:ил.

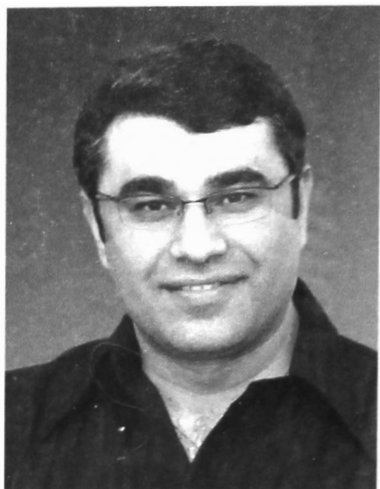
ISSN 1565-8228

Литературно-публицистический альманах «Мирвори» является на сегодняшний день единственным в мире изданием подобного рода. В нем публикуются произведения современных поэтов и писателей, выходцев с Кавказа, проживающих ныне в Израиле, США, Канаде, Германии и России.

В восьмой выпуск литературно-публицистического альманаха «Мирвори» вошли произведения как известных, так и начинающих свой путь и публикующихся впервые авторов на русском, горско-еврейском и азербайджанском языках.

ISSN 1565-8228

© Издательский дом «Мирвори», 2011

Уважаемые читатели!

Вот и настал тот день, когда мы не без гордости можем заявить, что альманах «Мирвори» дожил до своего первого юбилея. В июле 2011 года исполнилось ровно 5 лет с того дня, как «Мирвори» №1 увидел свет.

Я прекрасно помню день презентации первого альманаха. И не потому, что мы долго его ждали, хотя так оно и было. И не потому, что все, включая нас, его создателей, сомневались, имеет ли вообще смысл ввязываться в эту историю, и будет ли у неё продолжение (надо сказать, сомнения были небезосновательными, и

мы даже из суеверных соображений не поставили на первом выпуске №1).

И всё же главное, чем запомнился мне день презентации первого альманаха, а было это 28 июля 2006 года, так это тем, что в Израиле полным ходом шла война. Презентация была запланирована за несколько месяцев, никто тогда и предположить не мог, что 12 июля север нашей страны подвергнется массовой бомбардировке. Через несколько дней меня как резервиста призвали в армию.

Когда до презентации оставалась неделя, а военным действиям не видно было конца, мы решили отменить мероприятие. Проблема была не во мне. Меня командование на один день отпустить соглашалось. Но как быть с гостями и авторами, многие из которых жили в районах бомбардировки? Но именно со стороны авторов мы получили бурный протест. «Не надо ничего отменять! Мы обязательно приедем! И так вокруг беда и слёзы, дайте хоть пару часов радости», – требовали они в телефонных разговорах.

И презентация состоялась. К сожалению, многие желающие в условиях военного времени не смогли приехать, некоторых прямо у выхода из дома захватила воздушная тревога, и вместо поездки в Нетанию им пришлось отправиться в бомбоубежище. Но было очень трогательно видеть тех людей, которые всё же добирались до нас. Они много часов ехали на перекладных, чтобы попасть на этот праздник. Разве такое забывается?

Прошло 5 лет. За эти годы мы многого достигли: выпустили в свет восемь альманахов, открыли немало новых талантливых имён, познакомили читателей с авторами, которых до альманаха мало кто знал, а сейчас их знают не только в нашей общине, но и за её пределами.

Сегодня уже никто не сомневается, что альманах состоялся, что он имеет право на жизнь и будет жить... Как долго? Об этом сложно судить. Хотелось бы, чтобы подольше. Ведь талантливые писатели и поэты в нашей общине были всегда, а, значит, не переведутся и впредь.

Ну и пару слов о «Мирвори» №8, который вам предстоит сейчас прочитать. Помимо традиционных разделов: поэзия, проза и публицистика на русском языке, произведения на азербайджанском и горско-еврейском языке «джуури» – мы продолжили разделы, появившиеся в предыдущем выпуске: «Библиотека» и

«К юбилеям классиков», поскольку считаем, что они обогащают альманах. Благодаря этим новым рубрикам, наши читатели имеют возможность познакомиться не только с произведениями наших современников, но и узнать подробности о выпущенных ими книгах, а также почитать произведения горско-еврейских авторов, написанные много лет назад и составляющие классику нашей литературы.

Как всегда интересны графические работы Симхи Ашурова, выполненные специально для альманаха.

И по традиции хочу обратить внимание любителей родного языка на следующий немаловажный факт. Поскольку как среди писателей, так и среди читателей никак не утихнет спор о том, какой алфавит для нашего языка лучше «дербентский» или «кубинский», мы будем, как и прежде, публиковать на страницах «Мирвори» произведения, написанные и «кубинским», и «дербентским» алфавитом.

Эти алфавиты очень похожи. Оба они созданы на основе кириллицы. Но кириллица – алфавит, предназначенный для славянских языков, в ней нет и не может быть букв для обозначения некоторых звуков горско-еврейского языка. Вот здесь-то и начинается та проблема, которая, собственно, и служит причиной споров. Всё дело в начертании нескольких букв, которыми отличаются друг от друга «кубинский» и «дербентский» алфавиты.

Для того чтобы читатели альманаха смогли без особого труда познакомиться со всеми произведениями на горско-еврейском языке, которые они здесь найдут, мы, как и предыдущих номерах, приведём список спорных букв и объясним, как они употребляются. Внимательно ознакомьтесь с таблицей и читайте себе на здоровье!

*Йонатан МИШИЕВ,
директор издательского дома «Мирвори»,
главный редактор «Кавказской газеты»*

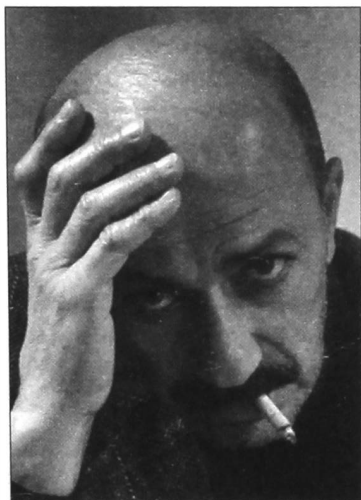
«Кубинская» буква	«Дербентская» буква	Пример употребления
ә	е или э	мәрд – мерд или әз – эз
ү	уь	мүнүк – муьнуьк
к	г	кәшдә – гешде
һ	гь	һәр – гьер
г	гъ	Губә – Гъубе
һ	гІ	һәзизи – гІәзизи
һ	хь	һофт – хьофд
ч	ж	чуһур – жутъур

ПРОЗА

на русском языке

АБРАМОВ **Ифраим (Ефим)**

Родился в 1948 г. в Баку. Режиссер, кинодраматург. Окончил Всесоюзный Государственный институт кинематографии (ВГИК) в г. Москве. В 1990 году репатрировался в Израиль. Живёт в Ашдоде.

Как режиссёр и автор сценария снял ряд фильмов в Баку, Москве и в Израиле. Одними из последних работ стали известный 8-серийный художественный фильм «Под небом Вероны» и документальный фильм о герое Азербайджана Альберте Агаарунове.

СОБАЧЬИ РАДОСТИ...

(Рассказ для кино)

Голос Александры, монотонный, почти лишенный какой-либо интонационной окраски, вызывал легкое раздражение и, как ни странно, не мешал погрузиться в то состояние полусна, когда окружающий мир и звуки кажутся нереальными, а собственное тело невесомым. Сквозь прикрытые веки, Ирина заметила увесистый булыжник и подумала, что легче было бы убить её, чем попросить замолчать. Но была ли в природе сила, которая могла заставить Александру умолкнуть?!

– И любовь, и ненависть, милочка моя, в равной степени могут быть источником одинаково сильных страданий, – продолжала развивать свою мысль Александра. – Будучи женщиной интеллектуальной, с нестандартным мышлением, ты, Ирочка, не можешь, точнее, не хочешь понять, что находишься в состоянии фрустрации. Да, да, милая моя, ты разочарована, чувствуешь необъяснимую тревогу, неизвестно как возникшую безысходность, отсюда и агрессивность... Мой горький опыт общения с тебе подобными, Ирочка, говорит только об одном – в таком состоянии рукой подать до психушки. Это ведь первые признаки шизофрении, поверь мне! Неужели ты думаешь, что, сорвавшись в некую дыру, поближе, так сказать, к народу, ты сможешь увидеть что-то новое, неожиданное и родить оригинальное?..

– Ты прекрасно знаешь, зачем я еду, – вяло отозвалась Ирина, лёжа в шезлонге. – В проект заложено много денег, предполагается относительная свобода, и не будет никаких тусовок. Дышать хочу!..

– Мелкие собачьи радости! – отрезала Александра. – Твои очередные попытки вырваться из оков тривиальности опять приведут к разрушительным для тебя же итогам. Не создавай себе иллюзию смысла жизни! Это губительно!..

«Интересно, в котором часу он её начал душить», – подумала Ирина, лениво размышляя о шекспировском мавре. Но этот самый сложный вопрос, который будоражил умы нескольких поколений, окончательно уморил её, и она уснула...

...За рулём своего автомобиля Ирина сидела с вальяжностью барина. На дорогу она смотрела рассеянно и, кажется, не слышала приятного мужского голоса, доносившегося из радиоприёмника. Александра, расположившись на заднем сиденье, вздохнула, посмотрела на утонченный профиль Ирины и громко сказала:

– Мурлыканье этого потасканного кота невозможно слушать... Убери звук...

Выражение лица Ирины не изменилось: то ли она была во власти разыгравшейся в радиоспектакле любовной драмы, то ли ей было наплевать на просьбу подруги.

– Убери звук, Ирина Николаевна, – повторила Александра, глядя в окно на светлеющее небо. – Ты сможешь лицезреть его уже через несколько часов...

...Ирина Крымова была режиссером разносторонним и разноплановым, не желавшим надолго связывать себя с какой-либо конкретной театральной труппой. Она с шумным успехом поставила несколько спектаклей в различных столичных театрах, сняла для телевидения восьмисерийный фильм о судьбах дураков и интеллектуалов и несколько месяцев назад завершила работу над полнометражной картиной для большого экрана... Затем наступила пустота – душевная и творческая. И была попытка поисков темы – темы для разговора, для новой волны активной работы, темы для себя...

А Александра, как всегда, была рядом. Вот уже более десяти лет. И все эти годы она была для Ирины самым придирчивым и резким критиком, тонким, умным и оригинальным толкователем традиционной литературы, незаменимым помощником, домохозяйкой и кухаркой, и даже нянькой...

«Талисман ты мой ненавистный», – то и дело говорила Ирина, когда многообразие Александры, порой достаточно точное и верное, становилось невыносимо долгим и нудным. За эти годы Александра была свидетелем её многочисленных романов и увлечений, взлётов и падений, депрессий и даже одной попытки самоубийства. Она считала Ирину легкоранимой и абсолютно незащищенной и пыталась уберечь от бестактности окружающих. Александра ревновала её к новой идее, новому театру и новым актерам. И вместе с тем, она умела работать, работать до самозабвения, не зная сна и усталости, умела держать коллектив в руках и сутками не покидать театра. Все эти годы она активно и целенаправленно подпитывала воображение Ирины новыми идеями, новыми авторами и пьесами. У неё не было семьи, не было даже, как говорила она с грустью, собаки. Ей уже было сорок восемь, и единственное, что держало её на земле, в театре и рядом с этой молодой, утонченно-красивой женщиной была любовь.

Да, она любила Ирину. И даже сейчас, в это предутреннее время, сидя в машине и, глядя на её профиль и нежный овал лица, Александра чувствовала, как душит её ревность – ревность к этой сумасбродной идее тотального театра

с элементами кинематографа. К этой пьесе, не пьесе даже, а наброскам, написанным каким-то древним стариком по мотивам шекспировской трагедии, к декорации, которая должна вписаться в местный ландшафт и стать, по словам художника, продолжением сотворенного Всевышним райского уголка... Сейчас она даже ревновала её к этому актеру, на встречу с которым они ехали, к этой баранке, автомобилю и вообще всему, что имело к ней непосредственное отношение.

– Предчувствие крови, – пробормотала она. – Предчувствие крови...

На губах Ирины мелькнула едва заметная ироничная улыбка. Рука её лениво оторвалась от баранки и медленно поползла к радиоприемнику.

– И без комментариев, пожалуйста, – добавила Александра.

– Доброе утро, – отозвалась Ирина.

В наступившей тишине её голос прозвучал вполне миролюбиво...

...В крохотной подвальной комнате, вытянувшись у узкого зарешеченного окна, тонюсенькая Верка терпеливо вглядывалась в темноту вечерней улицы. Редкие прохожие, бездомный кот, лениво переходящий мостовую, рванный целлофановый пакет, взлетающий от порывов осеннего ветра... Тоска... Наконец, на улицу медленно, с достоинством покачиваясь на неровностях разбитого асфальта, въехал большой «Мерседес». Тускло блеснув надраненным никелем, машина остановилась на противоположной стороне. Потрясенная роскошным автомобилем Верка секунду стояла с разинутым ртом, затем стремглав бросилась из комнаты, выскочила во двор и истошно закричала:

– Приехали!

Забежав в ближайший подъезд, она взлетела на второй этаж, вбежала в квартиру, бросилась к письменному столу и, выдвигая ящики, стала что-то искать.

– Ма! – позвала она нетерпеливо.

– Чего тебе? – послышался голос матери.

– Где бинокль?

– Какой ещё бинокль? Папин что ли?.. Не смей трогать его вещи...

Мама появилась в комнате, но Верка уже нашла маленький отцовский бинокль и, обогнув растерянную-сердитую мать, выбежала из квартиры. В подъезде она ринулась наверх, на последний этаж, к квадратной двери над пожарной лестницей, которая вела на крышу...

...Запахавшаяся Ирка, прижимая к груди длинный футляр, появилась на крыше буквально через несколько минут, и застала вот какую картину: Пашка Крохин, двенадцатилетний соседский мальчишка, пытался вырвать из рук Верки бинокль, а она упиралась и готова была вот-вот заплакать.

– Кроха! – подала голос Ирка. – Отдай!

– Чего?

– Отдай, не то плохо будет, – пригрозила Ирка и шагнула к Пашке.

– Ой, ой, ой, испугала, – обиделся Пашка, но бинокль отдал.

– Дурак, – сказала Верка.

– Ещё хоть раз обидишь её, – процедила сквозь зубы Ирка, – я тебя по стенке размажу. Понял, Кроха?

– А чё я, – опустил голову Кроха, – рыжий что ли?

– Не рыжий, – великодушно согласилась Ирка, – только молодой ещё.

Девочкам недавно исполнилось по тринадцать, а Пашке Крохину, до столь знаменательного события, тянуть надо было ещё месяцев пять. Да и ростом он не вышел – был на полголовы ниже девчонок.

– Я мужчина всё-таки, – привел последний аргумент Пашка.

– Мужилка не подросла, – заметила Ирка, открыла футляр, достала подозрную трубу, треножник и вместе с Веркой установила напротив высоких окон соседнего дома. – Всё, Кроха, – добавила она. – Иди отсюда. .

– Ну! – подала голос и Верка.

Пашка попытался было возразить, но Ирка перебила:

– Плыви, плыви, Кроха. Аудиенция закончена. .

Пашка молча направился к лестнице. Ирка прильнула к окуляру подозрной трубы.

– Только бы он шторы не задернул, – пробормотала Верка.

– Пусть только попробует, – отозвалась Ирка. – Это будут его последние съемки. Я сама его подорву вместе с тёлками... Ну-ка!

Ирка секунду-другую вглядывалась в ярко освещенные окна.

– Вошли... К окну идут. А-а!..

– Я ничего не вижу, – простонала Верка, пытаясь что-то увидеть в отцовский бинокль.

– Сейчас, сейчас, сейчас, только резкость наведу, – проговорила Ирка. – Вот!..

Желтое пятно превратилось в молодую женскую грудь. Обнаженный, стройный мужчина передал женщине бокал с шампанским. Проплыли женские ноги, мускулистая мужская спина, целующиеся губы, красивые лица, оператор с кинокамерой, ваза с фруктами, и опять лица, обнаженные тела, страстные поцелуи...

...Ирка, наконец, уступила место подруге. Верка посмотрела в одно окно, перевела на другое, затем вернулась, опять перевела.

– Не суетись, – сказала Ирка.

– Что? – не поняла Верка и обернулась. Лицо её сияло.

Ирка невольно улыбнулась, но в следующую секунду Верка возмущенно запрыгала вокруг трубы – высокие окна дома напротив оказались зашторенными.

– Ну, Кроха! – догадалась Ирка, сжимая кулаки. – Ну, штымп недоразвитый! Ну, карлик с кепкой! Я тебе устрою сон в летнюю ночь!..

...В подвальной комнате было темно – сюда едва доходил тусклый свет редких уличных фонарей.

– Трубу домой заberi, – сказала Верка, видя, как подруга прячет футляр под разбитую кушетку. – Мало ли что.

– Не могу, Верка, – сказала Ира. – Я ж потом её забрать не смогу. Ты главное не забудь дверь на замок запереть.

– Уходишь?

– Мне бежать надо, – сказала Ирка, направляясь к выходу, – мама на дежурство, а отец, как всегда, злой как черт. Ну ладно, пока. Пошла я.

Дверь за подругой осталась приоткрытой. Вера постояла одна, вздохнула печально, вышла, закрыла дверь, спрятала ключ в карман короткой куртки. В темноте едва можно было различить захламленные разбитые ступени, которые вели наверх, к покосившимся дверям подъезда. Вера неожиданно замерла и спросила осипшим от страха голосом:

– Кто здесь?

– Я! – услышала она голос Пашки Крохина.

– Ты?! – искренне удивилась Верка.

Паша оказался рядом, и она почувствовала на щеке его горячее дыхание.

– Верка!.. – прошептал Паша.

Совсем близко она увидела его глаза и чуть открытый рот. Пашка нашел в темноте её руку и легонько сжал.

– Ты чего, Кроха? – спросила она и осеклась.

– Верка, – повторил Паша и нежно коснулся губами её щеки.

Верка застыла, а он поцеловал её ещё раз, и ещё, а когда оцепенение прошло, и она открыла глаза, рядом уже никого не было. Она бросилась наверх, на улицу, но и здесь Пашки не было – только порывистый осенний ветер и далёкие огоньки удаляющейся машины...

...Ранней весной, когда прошли несколько премьерных спектаклей её новой постановки и порядком надоели всевозможные встречи и тусовки, ей, наконец, удалось сбежать к Верке, единственной и самой близкой подружке, в её крохотную квартиру с многочисленными друзьями, приятелями и просто знакомыми, к её непрекращающимся застольям с водкой, пивом и легкими наркотиками, к её собаке, кошке и трёхлетней Наташке. Здесь она отдыхала, могла часами валяться на диване и слушать знакомую с детства болтовню Верки. Время над подругой было бессильно. Для Ирины она была и оставалась самым великим мечтателем и уникальным, неповторимым, талантливым бездельником. Она никогда нигде не работала и никогда не была замужем. При этом у неё всегда было необходимое количество денег, и даже появился ребенок, которого она боготворила и выполняла все его прихоти. Ирина никогда не видела Верку в плохом настроении, удрученную невзгодами и проблемами. Их у неё не было. Как и не было для неё плохой погоды, недосоленной еды, пережаренных котлет. Она радовалась каждому дню и каждому часу своего существования. Она была добра, бескорыстна и преданна. Она могла подбодрить добрым словом, накормить и выслушать. Она знала, что человеку нужна самая малость – призрачная надежда хотя бы на завтра.

Вера была её отдушиной, её отдохновением, её единственной привязанностью. Именно к Вере приходила Ирина в самые трудные минуты своей жизни,

и именно Вера не отходила от неё и кормила с ложечки все пятнадцать дней её тяжелейшей болезни...

...Сейчас Ирина здесь отдыхала, но, как известно, всё хорошее быстро кончается. Семь беззаботных, веселых, ничем не омраченных дней прошли незаметно, и надо было возвращаться в свет, вновь погружаться в работу, общаться с Александрой и думать о новой постановке. Но возвращение оказалось тяжёлым. Её всё стало раздражать, всё стало казаться фальшивым и неискренним, чужим и далеким. Она почувствовала себя узником, заточенным в узкую камеру с бетонными стенами, где невозможно было увидеть голубизну неба и где ей не хватало воздуха. Ей хотелось вырваться и бежать без оглядки в какую-нибудь тьмутаракань, где были бы тишина и простор, осенний дождь и шелест деревьев...

...Ирина бросилась к ящику письменного стола, к старым, почти забытым проектам, записям и наброскам. На самом дне она обнаружила тридцать страниц, исписанные ею когда-то мелким торопливым подчерком. Фразы, диалоги, комментарии, попытки уточнить характер, разобраться в ситуации, придумать обстановку. Всё вдруг показалось интересным, достойным того, чтобы попытаться это реализовать. Она придумала старика-автора и подсунула рукопись Александре. Переговорила с художником, с которым работала постоянно, и которого искренне уважала. Встретилась с предполагаемым спонсором, позволив ему приложиться к ручке и томно глядеть в глаза. Позвонила руководству провинциального театра восторженно принять её предложение, сулившее немалое финансовое вливание в их скудный бюджет, и уже через несколько дней побросала необходимые вещи в багажник автомобиля и, мысленно помолвившись, села за руль...

(Наброски). Он. Она. Чувства, которые казались когда-то искренними, на самом деле оказались суррогатом скудости души и мелкой зависти чужому счастью.

Она не удовлетворена. Она на грани нервного срыва. Она не видит выхода из этого запутанного душевного лабиринта.

Но вот она знакомится с мужчиной лет сорока. Знакомится случайно, поздно вечером, в аптеке. Он ей интересен. Она ловит себя на том, что ночью, проснувшись, мысленно разговаривает с ним. Она сознает, что влюблена и понимает, что это взаимно. Она вдруг начинает бояться, что этот человек может исчезнуть из её жизни так же внезапно, как и появился.

Может уйти в вечернюю мглу и растаять.

Сесть в последний трамвай и скрыться за поворотом.

Но сейчас! Сейчас она безумно влюблена. Они отдаются своему чувству, они вместе, они не расстаются...

Но отвергнутый муж жив.

Отвергнутый не хочет сдаваться. Он пьян. Он оскорбляет её. Он говорит всем, что она неблагодарная уличная девка, и что она достойна только смерти. И он ищет драки. Ищет крови.

Улица. Кафе. Люди.

Появляется муж. Он что-то говорит. Они молчат. Кто-то просит пьяного удалиться. Он опрокидывает стол. Начинается драка.

Она мечется между сплётёнными телами.

Их разнимают. Её любимый в крови.

Она своим платком вытирает ему лицо. Она целует его разбитые губы.

Она с ним, она рядом, он жив.

Отвергнутый муж, которого пытаются увести, видит её, склоненную над ним, и видит платок... Господи!

Тот самый платок, который он старательно гладил и душил для неё. Платок, которым вытирал её мокрое от дождя лицо, платок, который...

Нет, кричит он из всех сил. Нет, говорит он, задыхается и плачет... Болит душа, и сердце разрывается на части...

Тотальный театр. Постановка-провокация. Увлеченность поисками формы. Зритель – актер. Зритель – участник спектакля.

Действие в толпу, в естественную среду, в атмосферу правды, чтобы через несколько минут зритель забыл, что он просто зритель, а активный участник происходящих событий.

Всё это снимать, как минимум, двумя камерами, включить в спектакль, дать возможность и зрителям, и актерам увидеть себя со стороны и попытаться рассудить, кто прав, кто виноват, кто ударил первым, а кто счёл возможным остаться сторонним наблюдателем.

И ещё... Нужна музыка. Феерическая, ироничная, почти легкомысленная, чуточку озорная, которая разрушила бы драматический накал действия...

...Ирине собственная идея нравилось. Она успела даже кое-что отснять. Она сидела в просмотровом зале, глядела на экран, прокручивала очередные пробы, лениво и сонно выслушивала актеров и актрис, отмахивалась от замечаний и предложений Александры и хотела только одного – уехать. Уехать далеко, и там, на площадке далекого провинциального театра, попробовать окунуться в эту атмосферу придуманного ею действия, смеси площадного искусства с кино и сценой.

Было страшновато, но привкус чего-то неизведанного в сочетании с рискованным авантюризмом манил и рисовал неясные перспективы...

Первым живым существом, которое увидела Ирина у двухэтажного здания местной гостиницы тишайшего маленького городка, была собака. Она приветливо завиляла хвостом и подошла. Ирина, увидев в глазах пса бесконечную доверчивость, присела на корточки и сказала ласково:

– Ну, что, Яшка, будем дружить?

Случайно возникшее имя «Яшка» псу явно понравился, и он завилял хвостом пуще прежнего, а когда Ирина протянула ему кусочек колбасы, он обернулся и посмотрел на своего хозяина – мужчину неопределенного возраста с

густой бородой и немытой шевелюрой. Мужчина прошел к машине, достал из багажника вещи Ирины и Александры, и отнес в гостиницу. Александра, настороженная и чуть испуганная, благодарно кивнула, вошла в прохладный полумрак фойе и подошла к администратору. Яшка тем временем доел колбасу, ушел в тень и там прилег. Ирина подошла к мужчине.

– Спасибо вам! – сказала она.

Мужчина едва заметно кивнул и поднял на неё глаза – бездонные и печальные. На короткий миг их взгляды пересеклись, затем он отвернулся и ушёл. Собака побежала рядом.

«Лир», – подумала Ирина, а администратор словоохотливо объяснил, что этот мужчина самый что ни на есть обычный городской сумасшедший, абсолютно безобидный и тихий, который кормится тем, что подадут люди, а ночует за городом в заброшенном складском помещении...

...Вечером в гостинице объявился Слава Мишаков, муж Ирины, с которым она не жила уже полтора года. Он с тихим упорством преследовал её, бывал на спектаклях и встречах, молча сопел в телефонную трубку, и посылал цветы. Он показывал ей и окружающим, что страдает, и пытался вызвать к себе жалость, но ничего кроме равнодушия она к нему не испытывала...

Ночью кавказским горным орлом налетел Игорь Аронов – представитель уникальной общины горских евреев, чудом сохранивших родной язык и свои обычаи. Он перепугал редких постояльцев гостиницы, заставил включить все светильники и накрыть прямо в фойе стол. Игорь, как всегда, громко разговаривал, угощал всех дагестанским коньяком, разливал шампанское, и без устали доставал из своей необъятной сумки уже готовые шашлыки, зелень и фрукты...

– Летел, ехал, шёл, спешил, – говорил он. – Зачем? Чтобы увидеть тебя, мою ненаглядную, мою единственную и неповторимую. Чтобы угостить тебя молодым ягненком, сочными фруктами и свежей зеленью... Чтобы увидеть эти глаза, увидеть эту улыбку и услышать этот смех! За тебя, сердце моё! За тебя, свет глаз моих! За тебя, Крымова!..

Ирина смеялась. Она была рада Игорю, этому пиршеству мяса и фруктов, ежечасному обжорству и безудержному пьянству. Но её хватало ровно на сутки, после чего она решительно прогоняла его и ещё сутки приходила в себя. Они были сокурсниками. Некоторое время любовниками. Затем их отношения плавно перешли в дружеские, встречи стали редкими, но приятными и совсем не обременительными.

К обеду следующего дня на белом «Опеле» в город въехал модный столичный архитектор пятидесятичетырехлетний Аркадий Борисович Соколов-Глиман. Он был к Ирине равнодушен. Глубоко равнодушен, как подчеркивал сам архитектор. Нашупав доверительно-интимную интонацию, он начинал говорить о жизни, о её тонкостях и премудростях, о возможных ошибках и о людях, немногочисленных и искренних, которые хотят и могут ей помочь...

Он чувствовал себя покровителем – старшим, многоопытным и мудрым, и

не скрывал, что при первой же возможности готов для неё пожертвовать всем – и карьерой и незапятнанной репутацией честного человека...

Ирина с трудом сдерживала брезгливость, но не прогоняла его – Соколов-Гликман когда-то помог ей с дипломным спектаклем...

Вечером в ресторане за одним общим столом собрались все – ведущие актеры местного театра во главе с главным режиссером, представители администрации города, несчастный и голодный Мишаков, шумный Аронов, положивший глаз на жену директора гостиницы, молоденькая актриса с оценивающим взглядом и даже Соколов-Гликман. Актер, которого Ирина слушала по радио, подошел к ней, представился Александром Шаровым, и она узнала его по голосу. Ему было около сорока. Выглядел он спокойным, внимательным и сосредоточенным. «Это потому что здесь природа такая – леса и озера», – подумала Ирина. А Александра разглагольствовала – уверенно говорила о значимости проекта, перспективах роста местного театра и тех безграничных возможностях, которые открываются перед актёрами...

Ирина не слушала. Она успела заметить, что официант, совсем ещё юноша, не сводит с неё глаз и ловит каждое её движение. Молоденькая актриса, зааркавив руку Соколова-Гликмана, отвела его в сторону и весело щебетала, надеясь получить приглашение посетить столицу и его апартаменты. Жена директора гостиницы откровенно прижималась к широкой груди дагестанского орла, а Слава Мишаков о чем-то жаловался Шарову...

Ирина рассеянно поглядела по сторонам и неожиданно в окне разглядела знакомый силуэт. На противоположной стороне улицы, едва освещенной фонарем, прямо на тротуаре сидел Лир, а рядом, положив морду на лапы, дремал Яшка. Ирина вышла из ресторана, пересекла небольшую площадь и подошла. Яшка радостно вильнул хвостом, а Лир не шелохнулся – он сидел, опустив голову и, казалось, спал.

Осенний вечер был прохладным, и она зябко поежилась. Кто-то робко коснулся её плеча. Ирина обернулась. Юноша-официант, смущаясь и краснея, набросил ей на плечи плед и молча протянул пакет – это была завернутая в фольгу порция курицы и жареная картошка. Ирина присела, тронула Лира за рукав ватной куртки и вложила ему в руки пакет. Лир медленно поднял голову, и она вновь увидела эти глаза – бездонные и печальные, слегка тронутые вечерней синевой. Лир отложил пакет в сторону, взял её за руку и неожиданно прижал к губам. Ирина замерла. Так продолжалось несколько секунд, и все эти несколько секунд она была в странном состоянии – потрясения и необъяснимой нежности. Лир, наконец, отпустил её руку, отвернулся. Она быстро зашагала к ярко освещенным окнам ресторана, в дверях обернулась: раскрыв пакет, Лир неторопливо ел и угощал Яшку – два одиноких и родных существа...

...«Бред, бред, бред! Потому что с самого начала, – кричала Александра, – эта пустая и никчемная затея была обречена на провал. Никто и никогда не захочет вкладывать деньги в провинциальный театр – никому неизвестный и ничем не примечательный. Будь ты хоть самым гениальным режиссером!

Будь ты хоть семи пядей во лбу! Ну, где, где я сейчас буду искать этого твоего спонсора? На Гавайях? В борделях Копенгагена? Или в казино Лас-Вегаса?.. И что я ему скажу?.. Здравствуйте, дайте, пожалуйста, денег? Вы, целуя ручку, обещали это Ирине Николаевне, нашему талантливому режиссеру-новатору. Так что ли?.. И куда он меня пошлет?» ...

Ирина подняла руку – она устала от этого фонтана слов, пусть даже частично и справедливых. Да, была идея, был человек, и была заинтересованность, стараясь быть сдержанной, заговорила Ирина, и ей, Александре, наверное, следовало задержаться в Москве, не отходить от спонсора, добиться определенных гарантий финансирования, получить хоть небольшой процент от общей суммы и только после этого приезжать сюда...

– Так, значит, это я виновата, всплеснула руками Александра. Ну, конечно! А кто же ещё? Всегда и во всем! Психопат Гитлер развязал вторую мировую войну – виновата Александра! Американцы сбросили на японцев атомную бомбу – виновата Александра! Берия был сифилитиком – опять виновата Александра!

– Вот этого, признаюсь, я не знала, – перебила её Ирина и вышла из комнаты...

Она прошла по безлюдному коридору гостиницы, вошла в свой номер, зажгла настольную лампу и устало опустилась в кресло. Сна не было.

В наступившей тишине было слышно, как дождевые капли разбиваются о жестяной карниз подоконника. Она подняла трубку, заказала разговор с Москвой – хотелось услышать Веру, услышать бодрый и радостный голос подруги, услышать слова, которых сама она не знала, но которые ей были нужны сейчас...

Зазвонил телефон, и милый девичий голос сообщил, что Москва не отвечает. «Спит, наверное, ваш абонент, – мягко заметил голос. – Поздно уже, третий час ночи»...

...Ирина проснулась в кресле. В окно светило раннее солнце, и казалось, что не было вчерашнего дождя, обиженных криков Александры и плохого настроения. Она взяла полотенце, открыла окно, вдохнула утреннего воздуха.

Яшка, заметив в окне Ирину, вильнул хвостом и подал голос. Лир, как всегда, стоял рядом. Она невольно улыбнулась, спустилась вниз, вышла из гостиницы. Погладила Яшку, поздоровалась с Лиром и, сама того не ведая, продолжала улыбаться. Лир и Яшка пошли по улице, сонной и тихой в этот утренний час – ещё не было шести. Ирина последовала за ними. Вскоре они оказались на окраине города, где неожиданно начинался уже задетый дыханием осени лес. Ещё через несколько минут едва заметная тропинка, заросшая высокой травой, привела их к небольшому озеру. Лир снял ватную куртку и положил к ногам Ирины. А она уже ничего вокруг не видела, потому что это небольшое, затерянное в лесу озеро жило своей, никому не ведомой жизнью – на её водной поверхности неслышно появлялись и исчезали пузыри, выпрыгивали рыбы и с шумом возвращались в воду. Она скинула с себя одежду и вошла в озеро. Холодная вода обожгла, перехватило дыхание. Ирина нырнула, сделала несколько гребков и оказалась на самой середине озера. Проплывавшая рядом

рыба коснулась её тела, и это прикосновение вызвал у неё радостный смех. На берегу Лир подал ей полотенце, и она вновь увидела его глаза – светло-карие, наполненные утренним светом, но такие же печальные и бездонные...

...В полдень к ней в номер, вежливо постучав, вошел юноша-официант. Он протянул ей листок телеграммы и тихо вышел. Ирина раскрыла сложенный лист, прочла текст, вернулась глазами к началу, прочла еще раз. Бред какой-то! Или просто идиотская, чудовищная, хамская шутка!

«Вера умерла не выясненных обстоятельствах похороны завтра 11 утра».

На всём десятичасовом пути до Москвы она остановилась только однажды – чтобы заправиться. Ирина не могла понять и не могла осознать, что Верки, единственного человека, которого она по-настоящему любила и ценила, больше нет в живых, и что она уже никогда не услышит её голоса и её заразительного смеха...

Она не плакала. У неё просто не было слез, а были сбивчивые, недосказанные слова, сумбурные мысли и совершенно неожиданно возникшие на этой раздолбанной трассе глаза Лира – печальные и бездонные...

Господи, за что караешь?!

На похоронах было много людей – друзей, знакомых, просто приятелей. Морской офицер, капитан второго ранга Павел Крохин стоял в двух шагах от Ирины и плакал – более чем двадцатилетняя любовь его осталась безответной, потому что Верка, всегда с радостью принимавшая его в своем доме, считала себя вольной и никому не подвластной птицей...

Трёхлетняя Наташка не захотела оставаться у соседки, и сейчас была рядом – стояла, прижавшись к ноге...

После похорон пожилой капитан милиции задавал ей вопросы: как часто навещала подругу? Какие наркотики покойная употребляла? Были ли у неё враги или недоброжелатели? Ссоры? Скандалы? Не знает ли она, кто может быть отцом ребенка?..

Ирина отвечала односложно. Затем, после короткой паузы, спросила сама. Спросила о причине смерти. Пожилой капитан вздохнул, пожал плечами:

– Сказать с уверенностью трудно. Или ударили, или ударилась. Тяжелая травма головы, врачи были бессильны. Да, да, милая девушка, она была в состоянии алкогольного и наркотического опьянения... Но мы выясним, обязательно выясним...

Вечером, прощаясь, подошел Паша, обнял её и поцеловал. Она осталась одна. На широкой Веркиной кровати, свернувшись калачиком, спала Наташа. Рядом на тумбочке она увидела конверт с одним-единственным словом: «Крымовой». Она достала письмо и прочла первые строки: «Родной и единственный друг мой, Ирка! Ты ведь знаешь, что на всем белом свете у меня не было более близкого...»

Дальше читать она не смогла – мешали слезы, и душила обида.

За что, Господи, за что?!

И зачем всё это? Эти конструкции, декорации, наброски!.. Пьесы, спектакли, какие-то фантазии, формы и придуманные истории. Зачем?

Ирина не могла ответить себе, да и не нужно было отвечать, потому что она плакала, и долгожданные слезы уносили боль, и становилось легче дышать... Она легла рядом с девочкой, обняла её и, прежде чем уснуть, подумала о хорошем, о светлом и радостном – о Верке!

О Верке, с её лучезарными глазами! О верном капитане Пашке Крохине! О мудром Лире и преданном псе Яшке...

Утром позвонила Александра и буднично сообщила о том, что неожиданно-негаданно объявился спонсор, что договор о предстоящей работе им уже подписан, что администрация начала поставку материалов для декорации, и что труппа театра ждет её для читки пьесы. «Надо начинать работать, – добавила она. – И мужиков твоих разогнать! К чёртовой матери! Поняла?»

Ирина не дослушала – повесила трубку и стала собираться. Она достала Наташкины вещи, побросала их в дорожную сумку, взяла ребенка за руку и вышла во двор. Сев за руль автомобиля, она посмотрела на девочку, на вещи, на свои руки и на себя в зеркальце заднего обзора. «Да, это я, – подумала Ирина. – И не совсем я. Другая. Может быть, самую малость, но другая».

Потому что в ней теперь жили новые персонажи, новые люди и новые характеры. И у каждого из них была своя проблема, своя жизнь и своя тайна...

Ирина вздохнула. Надо было ехать. Впереди её ждала работа...

КОЗАКОВА Маргарита

Я родилась, росла, воспитывалась и училась в славном волжском городе Самара (Куйбышеве). Окончила филфак (как хорошая еврейская девочка – для мамы), но по специальности почти не работала, потому что с детства мечтала о музыке и театре. Переехав в 1991 в Израиль, начала искать себя именно в этой области, работала в частных театрах, организовала свою маленькую труппу. И кто бы мог подумать, что через много лет мне вдруг пригодятся мои филологические знания и журналистские навыки (мама была права, спасибо маме). Вот уже много лет я работаю заместителем редактора моей любимой «Кавказской газеты». И пишу. Хотя, справедливости ради, надо сказать, что писала я всегда. Писала юморески, фельетоны, сценарии, стихи и тексты песен. Всё это довольно успешно исполнялось со сцены, но я даже и не думала свои опусы публиковать.

Однако под давлением коллег по работе я всё же поместила в «Мирвори» №2 свои стихи и переводы и так вошла во вкус...

Стоило оно того или нет, решат, как всегда, читатели.

Я НЕ ЛЮБЛЮ...

Преамбула к серьёзному философскому исследованию недостатков нашего псевдоинтеллигентского воспитания, которое так никогда и не будет написано...

Помните, как у Высоцкого: «Я не люблю, когда мне лезут в душу... Я не люблю, когда стреляют в спину...».

Не люблю, не люблю... А кто любит? Я, может, тоже много чего не люблю, но ведь молчу же! Всю жизнь молчу!

К примеру, я терпеть не могу, когда мне врут. Ладно ещё, если врут, считая меня душой, которая не понимает. Хуже, если врут, рассчитывая, что перед ними интеллигентный человек, который не посмеет скривить презрительную мину и прошипеть: «Слушай, дегенерат, ты кому мозги паришь!»

Очень хочется порой скривить... Но не кривлю.

Я же действительно интеллигентный человек.

А ещё я терпеть не могу, когда «и нашим, и вашим». Обычно такие индивидуумы прикрываются вывеской миролюбия, мол, ни с кем не хочу ссориться. А на деле, как правило, не желают ни с кем портить отношения, в надежде чего-нибудь получить при случае «и с наших, и с ваших».

Так порой хочется дать таким со всей силы кулаком по лбу: «Хватит уже юлить, уж крапчатый». Но не даю.

Я ведь тоже миролюбивый человек.

Очень не люблю, когда в компании кто-то изображает мимическую композицию «сейчас я вам сделаю смешно» и с таким видом заядлого юмориста рассказывает анекдот, у которого борода длиннее, чем моя жизнь. А уж если после рассказанного анекдота кто-то начинает объяснять его суть, меня начинает колотить кондрашка.

Так хочется зачерпнуть прямо из салатницы горсть «Оливье» и со вкусом, с чувством полного удовлетворения размазать по глупой, но считаю-

щей себя самой умной, роже... Но не размазываю, а противненько хихикаю вместе со всеми, кто тоже знает этот анекдот, но делает вид, что слышит его впервые.

Я же компанейский человек.

А ещё я ненавижу тесноту. Натура у меня широкая и в тесноте всё время натывается на нежелательные синяки. Синяки потом так мерзко ноют. У! Ненавижу.

Особенно раздражает теснота на лестничной площадке. И соседка, которая ото всех нос воротит. Она имеет пятерых детей, поэтому изначально на площадке были выставлены четыре велосипеда и складная коляска, а потом вместо коляски появился пятый велосипед – такая гнусная трёхколёсная раскоряка. Вот и представьте себе: возвращается моя широкая натура домой, да ещё и с покупками...

Так порой хочется постучать к соседке в дверь, а когда откроет, запустить в неё сумками и вдогонку той самой раскорякой... Но не запускаю.

Я же законопослушный человек.

А ещё меня прямо бесит, когда её муж или кто-нибудь другой, которому по досадной случайности выдали права, паркуется на трёх парковочных стоянках сразу. Встанет сикось-накось, и кайф ему. Не болит голова у дятла!

Так порой хочется взять домкрат да как треснуть ему по лобовому стеклу... Но не беру и не трескаю.

Я законопослушный человек, вы же знаете.

А ещё я не люблю, да чего там не люблю, на дух не переносу комаров, мух, и в особенности тараканов. Как только эта мерзкая нечисть начинает портить мне жизнь, так хочется взять огнемёт, как в американских блокбастерах. Джах – налево, джа-ах – направо! И горы обезображенных мушино-тараканьих трупов дымятся, источая смрадный дух победы.

Но не джахаю. Я же тихая слабая женщина.

И огнемёта у меня никогда под рукой нет.

Очень сильно не люблю, когда за окном истошно и беспрерывно орут чужие дети. Так хочется вылить на их окутанных клубами дыма, парами кофе и часами болтающих по телефону мамаш сверху что-нибудь липкое, мерзкое, вонючее... Но не выливаю. Быть может, это у них такой своеобразный воспитательный процесс, вмешиваться в который неприлично.

А детей я люблю. Тем более, они не виноваты, что родились у безмозглых мамаш.

А ещё я ненавижу, когда фальшивят во всех смыслах этого слова. Особенно, когда фальшиво поют. Так хочется взять какую-нибудь ... да как... Но нельзя. Раз поют, значит, настроение хорошее. Чего ж я его портить буду.

Я же гуманный человек.

Но больше всего я ненавижу гнилые помидоры. Вот день не доглядишь, и на дне пакета тут же появляется эта-мягкая,скользящая, смрадная тёплая гниль. И почему гнилые помидоры всегда такие тёплые? Вот бы взять одну такую, да как...

А во всём остальном, я очень добрый, терпеливый, покладистый и отзывчивый человек. Ну вы ж меня знаете!

НИСАНОВА

Тейло

Родилась в г. Буйнакск. «Тейло» в переводе на иврит – «Тейлим», псалмы.

Окончила инженерно-технологический факультет ДГУ. Работала в Махачкале, в Дагестанском Рыбопромышленном Объединении. Имеет троих детей.

Иммигрировала в Канаду, где в настоящий момент и проживает с семьёй. Работает в компьютерной индустрии. С 2005 г. занимается общественной деятельностью, является заместителем президента Центра Общины Кавказских Евреев Канады, руководителем женской организации и директором программ для женщин и детей. Член Американского Форума русскоязычного еврейства и Организации «Русскоязычные евреи Америки – за Израиль» (RAJI), замредактора журнала «Зори Кавказа» (Торонто).

Начала писать с 2005 г. Являясь летописцем жизни горско-еврейской общины Торонто, публиковала статьи в газетах «Новый Рубеж» (США), в «Кавказской Газете» (Израиль), журналах «Зори Кавказа», «Вопрос», «Yonge Street Review» (Торонто) и на сайтах juhuo.com, gorskie.ru.

Любит свой народ и пишет о нём в новых рассказах.

ВСТРЕЧА

«И возвеселятся все полагающиеся на Тебя, вечно ликовать будут, и покровительствовать будешь им, и радоваться будут Тебе любящие имя Твое. Ибо Ты благословляешь праведника, Господи, как щитом, благословением окружаешь его».

(Тэилим 5:12,13)

Малыш бежал без оглядки по пыльной просёлочной дороге, петлявшей вдоль невысоких и однообразных, чисто выбеленных известью, глинобитных домов. Задыхаясь, он забежал в знакомый ему двор, юркнув в старенький сарай, присел на корточки и притаился. Двор был окружен деревянным забором. За домом находился небольшой огород и утопавший в зелени очень ухоженный сад с фруктовыми деревьями, раскинувшими низко согнувшиеся ветки, с которых под тяжестью маняще свисали, почти касаясь земли, крупные спелые плоды. Немного успокоившись и засмотревшись на кур, бегавших по двору и что-то лениво клевавших, мальчик незаметно задремал.

Смеркалось. Солнце уже почти пропало за горизонтом, когда скрипнула калитка и во двор вошла худощавая высокая женщина, а с ней, шаркая ногами, толкая друг друга и шумно о чем-то споря, двое детей. От шума малыш проснулся. Он увидел, как все трое вошли в дом, и за окном появился силуэт женщины, зажигающей керосиновую лампу. Мальчишка вышел из засады и крадучись направился к дому.

– Это ты, Рафик? Что? Что случилось? – испуганно закричала женщина.

– Тётя Авшаг, у вас – двое, а я буду вашим третьим ребёнком, – сходу выпалил Рафик, – но я скоро вырасту, и обязательно буду вам помогать.

Женщина подошла к мальчику, взяла его на руки и прижала к груди:

– Сиротинушка ты моя! Что же с тобой делать? Оставайся...

...Невозмутимым миром и спокойствием по-прежнему веяло от высоких горных хребтов, покрытых снежными шапками и окружавших маленький, южный городок. Фруктовые сады, цветущие каждой весной крупными розовыми, лиловыми и белыми цветками, росли вдоль горной реки Кудиал-чай, стремительно несущей с гор свои прозрачно-голубые воды. Река разделяла городок Губа, расположенный на северо-восточных склонах горы Шахдаг в Азербайджане, на две части. В одной из них, которая находилась на правом, более высоком берегу, располагался мусульманский город, собственно Губа, а на левом – предместье, издавна заселенное евреями и носившее до революции название Еврейская Слобода, а с 1926 года – Красная Слобода.

Волна разрухи и голода в годы коллективизации 30-х годов прокатилась по всей огромной советской стране. Трудности тех лет жители Губы переживали по-своему...

...Рафику было всего четыре года, когда в их дом постучалась беда. Его бедная мать, оставшаяся вдовой, не выдержав житейских трудностей, заболела и умерла, оставив троих детей круглыми сиротами. Двум старшим братьям было пятнадцать и двенадцать. Родственникам жилось очень тяжело, и детей решили определить в детский дом. Когда работники органов опеки пришли забирать детей, Рафик спрятался за шкафом в коридоре, прислушиваясь к разговору взрослых. Своим детским умом он многого не мог понять, но почувствовал себя в ловушке и насторожился.

– Мы должны забрать детей в приют, – услышал Рафик строгий женский голос, и холод пробежал по спине мальчика.

Незаметно проскользнув, он осторожно приоткрыл входную дверь, выбежал, спрятался в соседском дворе, а потом, когда из его дома все ушли, понёсся изо всех сил по просёлочной дороге...

...Рафик рос послушным и смывлённым ребёнком. В годы коллективизации всем было нелегко, и своей тёте Авшаг, младшей маминой сестре, мальчик старался не создавать лишних хлопот, и, по-детски, как мог, помогал ей по хозяйству.

А тут новая беда – на страну напали немцы. Рафик в это время учился в школе. После уроков он трудился с пенсионером Пинхасом, к которому пристроился, чтобы подсоблять старику в малярной работе и радовать тётку редкими скудными заработками.

Прошли годы, закончилась война.

– Тётя Авшаг! Ты вырастила меня, спасибо тебе! Я тебя никогда не забуду! Но теперь я решил жить сам, – робко сообщил он тёте.

– Куда же ты пойдёшь? Разве я гоню тебя? – озабочено спросила Авшаг.

– Нет, но я уже повзрослел. Пора мне заботиться о себе самому, – сказал на прощание юноша и ушёл.

На телеге он добрался до Хачмаса, а там, пересев на поезд, поехал в Де-рбент. Парнишка скитался в поисках работы и жилья, перебиваясь случайными заработками. Многое пришлось ему пережить. Несколько месяцев спустя, так ничего и не заработав, он решил уехать обратно.

На платформе при посадке на поезд, который направлялся в Азербайджан, столпилось много народа. В шуме перронной суеты и неразберихи Рафику удалось незамеченным пробраться в поезд. Он устроился на деревянном сидении общего вагона, бросив на пол свои нехитрые пожитки.

Когда поезд проехал две станции, в вагон вошли проводники. Они проверяли билеты и вылавливали тех, кто решил проехать «зайцем». Заметив издали людей в форме и больших чёрных фуражках, Рафик направился в противоположную от них сторону – к переходным дверям, ведущим в следующий вагон. Так он прошагал почти через весь состав и, дойдя до конца поезда, остановился в тамбуре последнего вагона, где высокий, здоровенный парень, лет двадцати пяти, молча глядел в окно и курил папиросу. Рафик в растерянности остановился и направился в другую сторону тамбура, но, потоптавшись на месте, подбежал к окну, у которого стоял парень. Попутчик, жадно затягиваясь и безразлично выпуская порциями сизый табачный дым, недовольно посмотрел на мальчика, который то и дело перебежал из стороны в сторону.

– Ты что скачешь тут, как молодой козлёнок? – прикрикнул он на азербайджанском языке, недовольный тем, что нарушили его одиночество.

– Не ваше дело! – грубо ответил Рафик.

– Что ты сказал? А ну, повтори! – злобно закричал парень и правой рукой схватил мальчика за шиворот.

– Отпусти, больно! Отпусти, сказал! – разгоня ладонью густой табачный дым, потребовал тот.

– Посмотрите, какой наглец?! – возмутился верзила, ещё пуше разозлившись, открыл дверь тамбура и подтащил мальчика к выходу.

Он держал его за шкирку, как щенка, над стремительно убегающей дорогой.

Мальчик замер от предощущения беды, ещё один вздох, и он с ужасом полетит вниз! Поняв, что шанса выжить у него не остаётся, Рафик жалобно запричитал:

– Шема Исроэль, Аданой Элохейну! Э Худолей мэ, кумек сох эри етым Ту!¹ Нет у меня ни отца, ни матери, заступись за меня, Господи!

Неожиданно верзила затащил его обратно в тамбур и удивлённо спросил:

– Эй! Ты кто? Еврей?

– Да-а-а, – испуганно протянул паренёк, прижимаясь к стенке вагона, раскачивавшегося из стороны в сторону.

– Как зовут? Откуда родом?

– Я – Рафик, сын Шоула и Одоссо, из Губы, – шмыгая носом, пролепетал мальчик.

– Что-о? Не может этого быть?! – незнакомец так и застыл на месте.

Обливаясь потом от внезапно нахлынувшего волнения, он оттолкнул мальчика, пристально вглядываясь в его лицо, будто отыскивая в нем что-то неуловимое, известное только ему одному. На бледном, худеньком личике подростка незнакомец разглядел до безумия знакомые добрые и грустные глаза своей

¹ Слушай Израиль, Бог Вселенной! Боженька мой, помоги, спаси сироту свою! (на языке горских евреев)

матери. Большой, шумный верзила с уродливым шрамом на мрачном, слегка перекошенном лице вдруг обмяк. Он притянул мальчика за худенькие плечи и крепко прижал к себе.

– Прости меня, парень, прости, если сможешь. Ты не узнаешь меня? Это же я! Я твой старший брат, Ифраим. Помнишь, когда нас с Довидом забрали в детский дом? Помнишь? А ты-то куда в тот момент вдруг исчез? Ты ведь был ещё совсем маленьким, – Ифраим обнимал мальчика сильными руками, а сердце его бешено колотилось. – Через несколько лет я сбежал из детдома. Жил сам, как мог. Как-то ввязался в драку с пацанами. После этого сидел в тюрьме. Сейчас еду домой...

А Довида я потерял... Его тогда отправили в другое место. Где он теперь – не знаю. Наверно, трудно будет его разыскать, ведь в приюте нам давали разные азербайджанские фамилии. Вот так-то, брат...

Рафик, весь съезжился и, молча, широко раскрыв глаза, смотрел на незнакомого человека. Он не мог поверить во всё то, что с ним произошло. Его страдающая душа была в те минуты переполнена великой радостью и с благодарностью воспринимала это случайное мгновение...

ВИЗИТ ЧУДА

*Память сделал Он чудесам Своим; милосерден и жалостлив Г-сподь...
(Теилим, III:4)*

Вот ведь как в жизни бывает: сотворит Бог чудо, а человеку в спешке почти и не заметит его. Но чудо, а точнее, его последствия, уже живут своей собственной жизнью. Пройдут годы, порой и десятилетия, а память о чуде в мире не стерлась, и она обязательно напомнит человеку о давно забытом и заставит задуматься...

Стоял конец июня 1976-го. Лето в горном Дагестане выдалось очень жарким.

Давид родился ночью, весом аж в 4.100! Все вокруг восторгались рождением такого богатыря с черными длинными ресничками. Потом, как обычно это происходит в родильных домах, новорожденным занялся медперсонал, и ничто поначалу не предвещало беды, которая чуть было не погасила великую радость в семье, вызванную рождением долгожданного первого внука.

После пережитых мук уставшая мама заснула глубоким сном... Через пару часов она с трудом проснулась от того, что кто-то сильно тряс ее за плечо. Стараясь не разбудить других рожениц в палате, медицинская сестра прошептала: «Ваш ребенок находится в критическом состоянии. Он захлебнулся околоплодными водами и его срочно отвезли в больницу для младенцев. Вы сможете быть с ребенком не раньше, чем через неделю...»

Узнав о случившемся, напуганные родственники поспешили в больницу, однако вход туда посетителям был воспрещен. Моментально сообразив, что надо делать, тётя младенца, которого уже решено было назвать Давидом, на-

дела медицинский халат, под видом сотрудника пробралась вовнутрь и бросилась искать ребёнка. Она нашла его в палате на четвертом этаже. Малыш лежал под стеклянным колпаком, голенький и ... посиневший – к колпаку были подсоединены трубки, но (о, ужас!) кислород, видимо, какое-то время уже не поступал, а дежурная медсестра безмятежно спала.

Женщина в панике кинулась разыскивать дежурного врача, который, к счастью, тоже оказался евреем, но с Украины. «Вы молодец! – сказал он. – Мальчик в критическом состоянии. Еще час – и мы бы его потеряли. Идите домой. Я сделаю все, чтобы жил еще один «аид».

Всю ночь врач боролся за жизнь ребенка. Он сделал операцию на щиколотке, чтобы отыскать на крошечной ножке ребенка почти невидимую венку и восстановить дыхание...

А пока в детской больнице шла борьба за жизнь новорожденного, его мама всё ещё находилась в родильном доме. Неделя показались ей вечностью. Она считала дни и часы до встречи с первенцем, ведь в тот день, когда он появился на свет, ей не удалось даже посмотреть на малыша.

Но дни мучительного ожидания, в конце концов, прошли. И вот она уже входит в детскую палату, где в своей кроватке безмятежно спит её малыш. Он ровно дышит и даже изредка улыбается, будто бы и не было никакого кошмара.

Но радость встречи вдруг сменилась ощущением тревоги – над кроваткой висела табличка: «Пейсахов Альберт».

– Почему Альберт? Кто сказал, что он Альберт? – бросилась мама к вошедшей медсестре.

– Не надо нервничать! Это я его так назвала, – ответила медсестра, армянка Каринэ. – Мне очень понравился этот мальчик, и я хотела его усыновить.

– Что-о-о? – недоумевая, закричала бедная мать. Сердце ее учащенно забилося. Ей показалось, что земля уходит у нее из-под ног...

– Ну и что тут такого?! У нас в больнице много детей, от которых отказались роженицы. И у этого в документах стояла пометка «отказной». Кто же мог знать, что Вы появитесь!

Сказано в великой книге молитв царя Давида: «Память сделал Он чудесам...» Хотя прошло уже более 30 лет, до сих пор как напоминание об этих событиях у Давида остался шрам на ноге. Не стерлось из памяти семьи и имя детского врача Марка Черняка, их ангела-спасителя, вернувшего ребенка с того света.

Кого пожалел Вс-вышний в ту роковую ночь: маленького Давида, врача, поклявшегося спасти ему жизнь или беспомощную маму?! Наверное, всех сразу.

Действительно чудо! А сколько таких чудес делает для нас Вс-вышний! И как часто мы о них либо не знаем, либо не помним... А жаль...

СИМАНТОВ Геннадий

В 1963 году родился (не по своей воле) в г. Баку. Практически с младенчества рос послушным и умным ребёнком, много читал. Через несколько лет (перед окончанием средней школы) выяснилось, что читал не то, поэтому, как большинство соплеменников дружно влился в ряды славных работников советской торговли и службы быта.

Женился по её (или моей?) инициативе, но удачно. Родил дочь, что освободило меня от посадки дерева и строительства дома. Традиционным обчётом и обвесом занимался до 1991-го года, когда и понял, что без исторической Родины не могу (то, что «могу» понял позднее).

Родина была рада встрече со мной и на радостях одарила меня всем сопутствующим набором: машинкой, страховкой, поддельной, но всё равно дорогой водкой и чувствам, что хоть меня и ждали, но не рады.

Неубедительно звучащую фамилию «Симандуев» сменил на дворянскую «Симантов», что, как выяснилось позже, стало моим самым большим достижением тут. В настоящее время вношу посильную лепту в процветание израильской торговли, страшно скучая по диким законам советской. Дочь служит в ВВС. Жена при мне (или я при ней?). Время до конца ещё есть...

ЗАПИСКИ ЭМБРИОНА

«Час зачатия я помню неточно, значит, память моя однобока...». Что-то я тут распелся не вовремя. А между тем данные снаружи поступают странные: какие-то, звуки разные, то смех, то плач, то сирены. И трясёт как-то непривычно сильно, то ли мамка растанцевалась на последнем мгновении беременности, то ли везут нас с ней куда-то. Ладно, в любом случае с выходом надо подождать пару минут. Нечего жизнь с неразберихи начинать. Её, чую, и потом нахлебаться успею.

Да и вообще, если разобраться, разве плохо мне было тут все эти 9 месяцев?

Левую почку под голову положил, двенадцатиперстную пяткой в угол задвинул, растянулся во весь рост и лежи себе, коктейль из околоплодных вод посасывай. Мамку, помню, от этого всего тошнит, а мне хорошо, тепло и сыро.

Хотя, если правду сказать, были и трудности, особенно в начале. Помню, плывём куда-то по тоннелю. Хвост странный какой-то у меня, но скорости придаёт. Слева-справа крики: «Быстрее-быстрее», толкотня, давка, на хвост натупили...

Помню, как братья и сёстры мои гибли прямо рядом, у меня на глазах. Хорошо, что хоть глаз у меня тогда ещё не было, поэтому сумел пережить и эту трагедию, и их самих, бедолаг.

Помню, во что-то круглое с твёрдой оболочкой головой ударился. Забрался вовнутрь, сижу, а остальные снаружи злые рожи строят и неприличные жесты мне показывают. Ладно, думаю, Б-г им судья, а мне пора начинать развиваться.

Помню от роду мне всего-то три дня, а я уже герой: у мамки что-то там прохудилось, так я пробойну своей неразвитой грудью закрыл и держу из всех сил. А она, помню, по телефону кричит кому-то: «Слышишь, у меня задержка! Что ты думаешь?»

А что тут думать? Успокойся мать, двое нас теперь. Теперь у тебя есть Я!

Помню, мозга ещё нет – характеру сформироваться негде. В себе не уверен, сам не знаю, чего хочу. То это отвергну, то то... У меня это развитием называется, а у мамки – токсикоз в тяжёлой форме.

Помню, как голова раскалывается. И вот что странно – её ещё и нету-то толком, а она уже болит. Это что-же дальше-то будет? И шея затекала страшно, а что делать? Рук пока нету, почесаться нечем, вот и трюсь потихоньку о стенки. А снаружи крики: «Шевеление началось!»

Помню, небритый один повадился к мамкиному животу ухо прикладывать, лезть в мою частную жизнь. Пока пяткой ему в ухо не двинешь не успокоится, а своё получит – радостный такой...

Вот и глазки прорезались незаметно. Огляделся, наконец! Ух ты! Надписи кругом: «Тут был Вася!», «Нет презервативам»... Ну понятно, это брательник старший отметился.

Вот так вот и жил, на жизнь смотрел через мамкин пупок. Тут не повезло: пупок у мамки маленький, поэтому с кругозором у меня в данный момент неважно.

О мамкином здоровье заботился с первых дней своей жизни. Она закурит, я ей на мочевой пузырь двумя ногами. Какая уж тут сигарета? До туалета бы добежать! Как-то она в компании бокал вина решила выпить, так я ей изжогу на полторы недели устроил. Всё ради нас с ней.

Помню, в три месяца на ультрасаунде впервые себя со стороны увидел. Грустно стало... Человек вроде, а на собаку похож. И голова-то ещё и не голова вовсе... Хорошо хоть мысли в ней уже крутятся разные. Ладно думаю, подожду немного, может, похорошею ещё. И точно! На очередную проверку пришли, там мамку какой-то дядька и так вертел, и эдак, и живот мял, и аппаратом своим тыкал... Я то за селезёнкой спрячусь, то прямой кишкой прикинусь – достал, мол, ты, мужик. Но он не отступает! Да пошёл ты, думаю, и прямо в объектив показал ему, куда идти. А тот обрадовался: «У Вас мальчик, – говорит, – чётко вижу!». Интересно, зрение у него такое хорошее, или размеры у меня уже такие впечатляющие?

Короче, много есть чего вспомнить, но надо ли? Жизнь впереди большая ждёт, светлая.

Всё. С последним отливом выхожу. Хватит, засиделся я тут. Девять месяцев от звонка до звонка. Да и тесновато здесь стало, не развернёшься. Колени все уши отдавили. Так, снаружи всё вроде улеглось, тряска прекратилась, только мамка вскрикивает время от времени и дышит как-то странно, а голос гнусавый рядом повторяет одно и то же: «Тужься сильнее! Тужься сильнее!»

Ну, поехали! Двери открываются, следующая остановка – жизнь!

Ползу... Туннель узковат. Помню, что я тут уже проходил однажды, только в другом направлении и не так медленно. Что это там, впереди? Свет какой-то, и два глаза на меня смотрят. Ага, акушер интересуется. Глаза добрые такие, призывные. Выходи, мол, по-хорошему, у меня таких умных, как ты

уже восемь с начала смены, я добрый, но могу и ускорение сделать – мало не покажется.

Мне оно надо, думаю, жизнь с конфликта начинать? И на выход ... без вещей...

Ну ты погляди! Один с камерой вокруг бегают, и прям в лицо ею тычет. Я руками-ногами сучу: уберите, мол, этого папарацци – не понимают, а мне не до объяснений, мне бы первый глоток воздуха так в себя втянуть, что бы он последним не оказался. Вот так! Хорошо! Пошло дело!

Ещё один натуралист с ножницами ко мне подступает. Чего тебе, родимый? А, пуповину отрезать хочешь? Это правильно! Что она мне тут фигуру портит? Всё лишнее под нож! Эй, эй, а вот это-то как раз резать не надо. Пусть подрастёт ещё. Потрогал, поцеловал – отвали, дай другим потрогать.

Чую смотрят все на меня. Чую ждут чего-то. А что я могу-то сейчас, милые мои? Я ж только прибыл на вашу планету... О! понял, понял, не дурак! Готовы? Ну тогда: «А-А-А-А-А!!!»

Это я вовремя сообразил. Рады мне...

ИЩУ ЧЕЛОВЕКА

Она

Жизнелюбивая, настойчивая в достижении поставленной цели, в прошлом сероглазая блондинка и участница штурма Зимнего, в настоящем – тихая гавань для одинокого парусника (можно после капитального ремонта) познакомится в серьёзных целях.

Выгляжу моложе своих лет, точный счёт которым в последние полвека не веду. В жизни пришлось пережить многое, в том числе восмерых лечащих врачей, трёх мужей, несколько крупных и мелких войн и два погрома, в одном из которых я являлась пострадавшей, а в другом – организатором.

Имею награды: орден «Святого Батеньки Махно» 1-й степени, «За спасение Суворова при его переходе через Шепетовку» 1-й степени и почётную ленту через плечо за захват казарм Преображенского и Семёновского полков изголодавшимися воспитанницами Смольного Института Благородных Девви строгого режима.

В настоящий момент в очередной раз незапланированно свободна и открыта для новой любви.

Как показала жизнь и анализы, мне подходят все знаки как японского, так и китайского гороскопов, а также любые денежные знаки без ограничения.

Мечтаю встретить доброго, порядочного, действующего члена партии с большим стажем, встающего при звуках Интернационала, или Боже, царя храни, любящего подвижные игры на свежем воздухе и готового разделить со мной моё хобби – подрывное дело.

Согласна на переезд/ссылку.

Любимому человеку создам все условия содержания от общего до строгого режима. Особых требований к кандидату нет, главное, чтобы он был приличным человеком. Или интеллигентом. Живу надеждой.

Загадочная незнакомка.

Он

Господин. В свои годы ещё вполне ого-го, хотя бывает и ах, но пока ещё редко.

По гороскопу Овен, по жизни Телец, по мнению последней жены – Козерог. Сам себя считаю Львом и мечтаю о Деве.

Надеюсь встретить женщину, желательно, способную многое понять и ещё больше простить. Наличие ребёнка (до 3-х штук), судимостей (до 4-х раз) и инвалидности (до 95%) не будет помехой нашему тихому счастью.

Высшее образование не обязательно, но было бы не лишним для нашего гармоничного общения. Сам я являюсь законченным интелектуалом в первом поколении с подлинным дипломом профтехнах училища №2 г. Пенза по специальности «маляр-штукатур» с отличием.

Увлечений много, например, исполнение с сопровождением и без русских народных песен, а также лучших образцов зарубежной эстрады, особенно в выходные и праздничные дни. В День маляра – само собой.

Увлекаюсь резьбой по дереву (их у меня во дворе два), чтением Рембрандта в подлиннике и живописью эпохи Вырождения как на оштукатуренных, так и на неоштукатуренных поверхностях с использованием отечественных лако-красочных спиртосодержащих материалов.

Горячо надеюсь на встречу. Согласен на переезд (надоел сто первый километр).

ДЯТЕЛ МАХАЧКАЛИНСКИЙ (ненаучный доклад)

Моим друзьям посвящается

Источник: «Занимательная зоология», издание второе, упрощённое. Раздел «Дятлы», стр. 6-8.

Разрешено к использованию даже в школах и детских садах г. Махачкала.

Дятел Махачкалинский Обыкновенный (от латинского «дятликус обыкновеникус»). В просторечье – обыкновенный махачкалинский дятел.

Размеры. Взрослая особь достигает определённых размеров за определённый период. Но, как правило, считает себя гораздо крупнее и с противополо-

ложным мнением не соглашается. Внешний вид и вес меняются в зависимости от времени суток и самомнения самого дятла.

Среда обитания. Надо заметить, что кроме среды, дятлы обитают ещё в понедельник, четверг и остальные дни недели, причём не только в Махачкале и окрестностях, но и в других местах, что особенно радует ИХ.

Виды корма и способы питания. Жрёт всё! Недоеденное доедает и просит ещё. Не отказывается от спиртного, а после второго-третьего стакана неважно чего начинает уверять, что он орёл с американского герба. В этот момент с ним лучше не спорить.

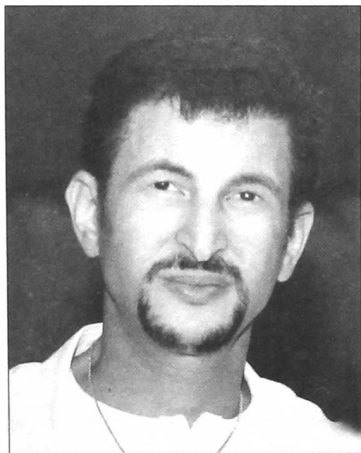
Размножение. Размножается много и с удовольствием. Брачный период обычно длится с января по январь, и в это время дятел опасен для всех без исключения самок всех без исключения видов, а иногда и для самцов. Партнёра для спаривания привлекает способностями к высокохудожественному долбежу и волосатыми лапами как передними, так и задними, а также посулами золотых гор в родной Махачкале, Монте-Карло или Кирьят-Малахи (в зависимости от выражения лица партнёра).

В кладке обычно бывает (если не считать грыжу) до двух яиц иногда разных размеров, но всегда крупнее, чем у остальных видов. Высиживает их постоянно, периодически почёсывая и морща при этом клюв.

Основные черты характера. Агрессивен. Упрям. Хорошего мнения о себе. Считает, что является орлом, в прошлой жизни был соколом, а в будущей будет смесью грифа и павлина. На самом деле, по данным международной организации «Сам ты дятел», был, остаётся и, скорее всего, будет просто дятлом.

Возможно, явится основателем нового подвида «Израильский Дятел» (дятликус израиликус), так как всё необходимое, кроме партнёра, у него в наличии есть.

СИМАН ТОВ
Шауль
(Шамиль Агаев)

Родился в 1971 году в Баку. В 1989-99 гг. печатался в бакинской прессе. В 1990 г. выпускал самиздатовский журнал «Прок». В 1992г. выпустил сборник «Меломан». Был организатором концертов азербайджанских музыкантов и певцов.

Репатрировался в Израиль в январе 2000 г. В январе 2004 г. основал сайт Druzya.com. С февраля 2006 печатается в «Кавказской газете», с сентября 2007г. — член редакционного совета. Один из авторов всех выпусков альманаха «Мирвори».

В мае 2007 г. принят в Союз писателей Израиля, в июне 2008 г. избран секретарём горско-еврейского отделения этой организации.

С июля 2007 г. член правления, а позже заместитель председателя комитета по культуре и искусству Международной ассоциации Израиль-Азербайджан «АзИз».

В октябре 2007г. вышел CD «Райский сад» с песнями на его стихи. Автор текстов ряда песен, написанных для певцов из Израиля, России, США, Азербайджана и Туркмении.

В 2009 начал выпускать «Аудио антологию горско-еврейской литературы».

Живёт в городе Тират-Кармель. Женат, имеет сына и дочь.

СКАЗ О ТОМ, КАК Я С ДЕТЬМИ В КИНО ХОДИЛ

Всякий раз, когда я вижу по телевизору или в интернете рекламу нового фильма формата «3D», то вспоминаю ничем не примечательный на вид кинотеатр «Араз» в Баку. Находился «Араз»... Впрочем, почему находился, возможно, он и сейчас стоит там же, напротив ЦУМа со стороны Площади Фонтанов. Бакинцы, наверняка, помнят, что он почти ничем не отличался от своих архитектурных собратьев (от того же «Низами» или, скажем, кинотеатра «Вятян»), кроме того, что в нём демонстрировали не обычные фильмы, а стереоскопические.

К большому стыду, должен сознаться, что за все свои 29 лет, прожитые в Баку, я так ни разу и не посетил «Араз», поэтому о его чудесных свойствах знаю только со слов моего школьного друга Сергея Арзуманова, пересмотревшего там практически все картины. Он-то мне и рассказал, что там показывают фильмы, очень похожие на объёмные картинки, которыми в то время украшали карманные календарики, и что смотреть эти фильмы нужно надев специальные очки. Иначе никакого эффекта не видно, а на экране просто размытая картинка.

Честно говоря, сам не знаю, почему так вышло. Почему после всех его рассказов с описанием стрел, выпущенных индейцами и пролетающих рядом с твоим ухом, и красноармейских лошадей, скачущих прямо на тебя, я так и уехал из Баку в Израиль, не удосужившись лично проверить, как всё это выглядит на самом деле.

Уже тут, в Израиле, года 3-4 тому назад я узнал, что сейчас такие фильмы принято называть не стереоскопическими, а фильмами формата «три ди»! И вот однажды, а точнее в начале прошлого года, то есть спустя 10 лет с момента моей репатриации в Израиль, случилось то историческое событие, о котором я и хочу вам рассказать. В этот день мне впервые

суждено было окунуться в таинственный мир стереоскопического действия.

Мой друг Илья Агиваев, решив сводить своего сына в кинотеатр, предложил и мне «вооружиться» своими детьми и составить им компанию. По иронии судьбы мой первый «3D» фильм, точнее мультфильм, назывался «Мой первый дракон». Почти каламбур!

Я не большой поклонник стереотипов, но почему-то решил, что первый поход с детьми в кино, должен выглядеть классически. Поэтому, как и положено, мы купили большие картонные коробки с попкорном и бумажные стаканы «Кока-колой», закрытые пластмассовыми крышками, из которых торчали трубочки. Перед самым входом в зал высокий парень выдал нам те самые знаменитые очки, в которых нужно было смотреть фильм.

Честно говоря, в первые же 10-15 минут я понял, как ошибался по поводу 3D. Вспоминая свои детские впечатления от рассказов Сергея и сравнивая их с тем, что видел сейчас, я сильно расстроился. Вместо того чтобы быть, как мне это представлялось, в центре событий, я мирно созерцал их со стороны и мог видеть как левый, так и правый край экрана. Объёмность впрочем, была. И пламя, вырывавшееся из пасти дракона в зрительный зал, выглядело весьма правдоподобно, хоть и было мультяшным, и камни, кидаемые в драконов, отскакивая от них, норовили попасть в головы зрителей.

Ещё минут через 20 моя четырёхлетняя дочка, сидевшая на кресле рядом со мной, то ли с непривычки сидеть так долго на одном месте, то ли решив сравнить, на чём удобнее сидеть, пересела ко мне на колени и... заснула. Так что досматривал я фильм уже в глубоких раздумьях: стоит ли в следующий раз платить 45 шекелей за её билет, или лучше пусть спит бесплатно дома?

Фильм закончился, включили свет, дочка проснулась. Побросав стаканы с остатками «колы» в коробку из-под попкорна, мы начали спускаться по ступенькам к выходу. Я шёл впереди, держа в одной руке три пары очков, а в другой коробку, дети шли следом, держась за руки. Уже через несколько шагов я понял, что стаканчики в коробку бросать не следовало. Чем ближе мы подходили к выходу, тем чаще капала «Кока-Кола» с размокающего дна, оставляя на сером ковролите «кровавый» след.

И вдруг прямо перед выходом я вижу Счастье, в лице зелёной пластиковой урны! Поглощённый всё увеличивающейся частотой пунктирной линии на ковролите и детьми, идущими сзади, я сую в руки стоящему рядом парню три пары очков, быстро выбрасываю в урну коробку с уже совсем размякшим дном, и, взяв детей за руки, выхожу наружу.

– Ну как тебе фильм? Понравился? – спрашиваю я у своего восьмилетнего сына.

– Да папа, понравился, – отвечает он, – только я одного не понял...

– Чего ты не понял? Спрашивай, на то и есть мы, взрослые, что бы вы дети, от нас узнавали то, что вам непонятно. Мы, взрослые, всегда сможем направить вас в нужное русло и поможем советом. Так что давай, спрашивай, я тебя слушаю.

– Папа, а почему ты выкинул мусор в ящик, куда все бросали очки?

СКАЗ О ТОМ, КАК МЫ ДЕЛАЛИ ГАЗЕТУ

История эта произошла давно, когда в Баку мобильные телефоны ещё были роскошью, а не средством связи. Поэтому их у нас и не было. Говоря у нас, я имею в виду своих друзей, с которыми мы вместе работали в издательском доме «Парни из Баку», а точнее Колю Шварова и Витю Левитана.

В середине 1998 года издательский дом «Парни из Баку» приобрёл права на выпуск в Азербайджане регионального приложения к газетам «Аргументы и факты» и пятничного выпуска «Комсомольской правды». Для продолжения рассказа, стоит напомнить читателям, что в народе «Комсомольскую правду» называли просто «Комсомолкой», а пятничный номер, который был толще остальных, ласково – «толстушкой». Как дела обстоят сейчас, не знаю, но сильно подозреваю, что так же.

Коля жил в той части города, где не только мобильный, но и стационарный телефон был большой редкостью, и поэтому редакция выделила ему пейджер. Дело было в четверг. Именно по четвергам, поздно вечером, нам из Москвы присылали ссылку на файл «Комсомолки», и мы его «качали», то есть скачивали с интернета. В тот день связь мало того что была очень медленная, но в добавок ещё и постоянно прерывалась. Поэтому приходилось «качать» файл сначала.

Видя такое дело, Коля, позвонил в пейджерovou компанию, чтобы отправить жене сообщение, мол, задерживаюсь по такой-то и такой-то причине.

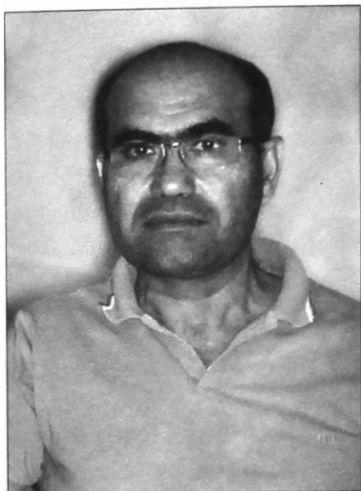
Это сегодня такие фразы, как «качать песню» или «качать фильм», всем понятны. Но речь идёт об Азербайджане конца 90-х прошлого столетия. Скачивание фильма из интернета была тогда ещё большей роскошью, чем мобильный телефон.

– Алло, здравствуйте, примите, пожалуйста, сообщение на номер 3657. Текст такой: «Лена, приеду поздно. Качаем «Комсомолку».

– Не поняла..., – ответила девушка на другом конце провода, – что вы делаете?

– Качаем «Комсомолку», – невозмутимо ответил Коля. И не из желания «добить» собеседницу, а только для того, чтобы жене понятнее было, какой объём работы ему предстоит выполнить, добавил, – толстушку. Так и передайте: «Качаем комсомолку толстушку!».

ХАНУКАЕВ Борис

Родился в 1952 году в Дербенте, в 1991 репатрировался в Израиль. Выпускник Краснодарского государственного института культуры и Хайфского университета.

Работал редактором городского радио в Дербенте, редактором республиканского вещания на горско-еврейском языке. Преподавал музыку, эстетику, горско-еврейский язык.

В настоящее время является руководителем отдела по работе с выходцами с Кавказа в Министерстве абсорбции, а в свободное время на общественных началах преподаёт иврит пожилым репатриантам.

Член Союза писателей Израиля. Основатель и первый председатель Союза горско-еврейских писателей в Израиле.

Автор многочисленных публикаций в периодической печати, а также четырёх книг: «Надежда» (1989), «Сам» (1990), «Предсказание» (1998) и вышедшем в издательском доме «Мирвори» в 2007 году сборнике танков «И море, и земля, и небо».

Пишет на русском, горско-еврейском языках и иврите.

ДВОЕБОРЬЕ

Глава первая.

Встречный-продольный

Меня зовут Борис Цидкилов. Я безработный. Получаю пособие, выдаваемое заботливым государством, чтобы не слишком было голодно. Ситуация, конечно, минусовая, но и у нее есть свои плюсы: появилось время читать. А я любитель.

Перед нашим многоквартирным домом стоит могучее дерево. Под его широкой сенью, на лавочке, я и предаюсь давнему увлечению, которое меня никогда не предает.

О нашей улице скажу коротко: ничего особого собой не представляет. Такая же, как многие другие улицы городов Израиля: плотный асфальт на тротуарах, двустороннее движение, дорожка для пешеходов, магазины, большие и маленькие. Пожалуй, стоит обратить внимание на здание напротив нашего дома. Оно высоченное, и в нем расположились конторы знатных компаний и деловых людей. Его беспокойные окна, раскрываясь и закрываясь, издают хлопающие, скрипящие и звенящие звуки, которые отвлекают меня от чтения.

Кроме них, отвлекают прохожие, заглядывающие в лицо. Ну, конечно, я представляюсь им странным типом! «Кто же сегодня читает?!» – угадываю их мысль, выдаваемую удивленными взглядами...

Порой отвлекаюсь сам: смотрю туда, где раздается звук неожиданно тормознувшей машины. А недавно меня оторвал от чтения человек, спрашивающий дорогу... Я посмотрел на него, и у меня сжалось сердце.

В противовес правилу называть незнакомых людей, появляющихся на нашем пути, «встречными-поперечными», этого, вдруг ставшего передо мной, я обязан назвать

«встречным-продольным». Он шагает со мной по жизни параллельными путями, не давая мне покоя с самых детских лет. «Встречный-продольный» узнал меня не сразу. А когда сообразил, в его глазах загорелся огонек радости.

Зовут его Борух Урилов. С первого класса мы учились вместе. Понятно, что в советской школе никто не называл его Борухом. Для всех он был Борей. Только его мама порой произносила настоящее имя сына. Тогда Борух густо краснел и, картавя, просил говорить ему «Борря».

Урилов вообще часто краснел. Он страшно смущался и краснел, встречаясь с первой красавицей нашего класса Земфирой. И все знали, что Урилов влюблен в нее. А как он краснел и потел, играя со мной в нарды?! Это была каждодневная процедура, ведь Урилов приходил ко мне домой делать домашние уроки. Я не знал, как от него отвязаться, и чтобы наказать за нудность, придумал церемонию: прежде чем сесть за уроки, играем в нарды.

Игра давалась ему очень тяжело. Он боялся рисковать, сопел, долго думал, но постоянно оказывался в трудном положении. Изредка на него находило прозрение. Возможно, то была награда за трудолюбие и целеустремленность. Он всю жизнь гонялся за моими достижениями. В игре изучал мою манеру, старался предугадать ходы и, надо сказать, работая над собой, постоянно совершенствовался. А меня, думаю, Б-г наградил легкомысленным талантом. Я играл легко, подобно тому, как боксер, обладающий хорошей техникой, ходит по рингу, пританцовывая. Кстати, я действительно занимался боксом.

Как-то мой отец, заметив нас за нардами, воскликнул:

– А-а, двое Бори, дуборе¹, как ваши дела?

Папа пошутил, а Урилов подумал, что над ним насмеются из-за его ненастоящего имени. Он пожаловался в школе одному из наших одноклассников, а тот по секрету рассказал другим. И нас обоих вместе и каждого отдельно стали называть «Дуборе». А потом кто-то переделал прозвище в «ДвоеБорье».

Не стоило нас так называть, потому что Урилов не был мне соперником – он тянулся за мной и, как я заметил раньше, гонялся за моими достижениями, лишь бы не отстать. Даже на переменах не давал покоя. Все спрашивал, как понять то или другое в новой теме урока, особенно по физике и математике, записывался в те же кружки, в которые ходил я, старался стать своим среди моих друзей. Он успевал делать массу дел, несмотря на то, что у него были две младшие сестренки, за которыми надо было присматривать.

Отец Урилова давно умер, но я помню его. Он вышел из тюрьмы – маленький, похожий на индюка с вытаращенными глазами, полным телом и худенькими ногами. Глаза у него стали такими, наверное, из-за того, что, держа в руках папиросу, он кашлял вздохом и одновременно проклинал свою болезнь. Довольно смешные проклятия подбирал! Как вспомню, не могу не

¹ Дуборе – в нардах две двойки (от слова «ду» – два).

улыбнуться. А откашлявшись, опять подносил ко рту папиросу и с наслаждением затягивался.

С момента своего освобождения отец Урилова постоянно крутился с детьми, особенно с младшими, забирал в кино, водил в парки, скверы, на горные поляны и, конечно же, на море. Он сам любил развлекаться и других привлекал к своим веселым приключениям. А в послетюремное время партнерами этих развлечений-приключений стали его собственные и избранные соседские дети. Помню, как с забавным горско-еврейским акцентом, не заходя домой, он кричал сыну:

– Бора, возми дити, идом на мора.

Аззи Манахимович, так его звали, никогда в жизни не работал, а зарабатывал на хлеб «слепыми» руками. Дело в том, что его руки плохо ориентировались в пространстве и порой вместо того, чтобы залезть в карманы хозяина, попадали в карманы чужих людей. Это не я придумал, он сам рассказал.

Однажды сквозь обычный кашель он спросил у меня:

– Бора, а ви не могли би сказат, что такое «Памир»?

– Памир, – отвечаю – самая высокая гора в СССР.

– Не знаетэ! Не знаетэ, млодой человек. «Памир» – это «Прораб Аззи Манахимович ищет работа»!

– А разве вы прораб? – спрашиваю я.

– А то кто же? – по-еврейски отвечает он вопросом на вопрос. – Ви, думаетэ, что я – «прохозяин»? Если б я бил «прохозяин», ни сидэл би четырэ год из-за ошибка слепой рука. С другой сторона турьма – хороший учитил. Вот бил у меня ручка, такой красивый. Поставил я его на тумбочка, думаю, пускай посидит. Пришел – нэту. Говору сам себэ: «Дурак, какой вывод будэшь дэлать?» Отвечаю: «Фигстули-фасон дават не надо, ручка имеешь, в свой карман держи, на тумбочка ставит не надо, долго сидэт не будэт»!

– Аззи Манахимович, а что такое «фигстули-фасон»?

А он, значит, отвечает:

– Фиг – это самый висший, изначит. И он ешо фасон делает, понял?

Понять-то я не понял, но поразился его мышлению и отметил про себя, что такой неунывающий человек, наверное, проживет долго. Но, как говорится, «не прошло и полгода», и весельчака Аззи Манахимовича уложил на обе лопатки тот самый туберкулез, который донимал его во время кашля. Когда больной почувствовал, что не понимающая юмора болезнь собралась принести ему вечное успокоение, он позвал жену и признался:

– Не один раз я делал проверат, почему ти – самый лучший жэнщин. Вставая с лубой женщина, я бросал прям в лицо, что никто не стоит даже три веснушка на сладкий обширный грудь моя Шюшен, там, где ти спрятал, Шюшен, свой золотой сэрдце.

А сыну он сказал:

– Борух, ты прав. Держись Бору, он – твой правильный маяк. А то станешь флюгер. Потом так потряешься, родной мат не найдешь. И за мой дочки смотри, чтоб какой-нибудь харамзаде² не адманул.

Потом Аззи Манахимович позвал дочерей:

– Бяла, Энджила, где ви? (Девочек звали, как вы понимаете, Белла и Анджела). Папа умраэт, духтелеойме³. Бергите чест смолоду, а платье с нова не надо! Каждый раз новый не бувае. Лучше красиви латка сдилайтэ, может, этот латка в настоящий мода пирвратится...

Воспоминания о матери Боруха и его отце остались у меня в памяти, так как уж очень они были своеобразными. Невероятно рыжее лицо мамы Урилова настолько поражало, что возникало ощущение, будто солнце, как скрупулезный художник, один в один вырисовывал каждую веснушку. А их было несчетное количество! Думаю, никто из незнакомых не признавал в ней горскую еврейку. И еще помню ее нечуткость, она тоже была удивительной. Уж сколько раз почти со слезами сын просил называть его «Боррей», а она, хоть и обещала, частенько забывала!

У Боруха тоже была запоминающаяся внешность: шапка кучерявых блондинистых волос, длинная труба заостренного носа и тонкая полосочка рта. Удивительно, но факт – порой губы совсем исчезали с его лица, оставляя едва различимую черту над узким подбородком.

Однажды Земфира даже поцеловала Боруха в появившиеся в нужный момент губы. Но не будем сейчас об этом...

Смотрю на «встречного-продольного» и не верю своим глазам: прошло немало лет с тех пор, как судьба позволила мне жить без его присутствия. И вот опять...

– Двоеборье, – вздохнул он облегченно, – наконец я нашел тебя!

Глава вторая.

Земфира

Это красивое имя, наполненное энергией Земли и Эфира, часто встречалось в советско-мусульманском Дагестане. Но, честно говоря, в школах никто не обращал внимания на то, кто какой веры, и каково происхождение имен. Так было у нас в Дербенте ... До определенного момента, конечно.

В десятом классе, отвергнув явных поклонников, среди которых были и мусульмане, Земфира выбрала меня. Свой выбор она продемонстрировала весьма оригинально. Когда на школьном вечере объявили белый танец, Земфира подошла ко мне и сказала:

² Харамзаде (в восточных языках) – незаконнорожденный, хитрец, подобно слову «мамзер» в иврите.

³ Духделеойме (джуури – язык горских евреев) – доченьки мои.

– Боря, приглашаю тебя. Давай поговорим во время танца. Это связано с будущими экзаменами.

– А-а, – ответил я, – конечно, тему, связанную с будущими экзаменами, мы должны обсудить именно во время танца. Когда же еще?

Голубые глаза красавицы посмотрели с мольбой:

– Ну, не вредничай, пожалуйста.

– Не буду, – согласился я.

– Значит так, Боря, будем писать сочинения и проверять друг друга.

– Точно, – подтвердил я, – хорошая идея. Ты знаешь, что мы сделаем? Встретимся где-нибудь, возьмем тему, напишем текст и тут же обменяемся для проверки.

Так и решили. Но с первой же встречи стало ясно, что заниматься учебной времени не будет. Сначала оно уходило на беседы с переглядываниями, потом на робкие поцелуи. А вслед за ними последовали поцелуи с объятьями. В один из вечеров я прильнул к ее нежным грудям, похожим на маленькие дыни. Сравнение, мелькнувшее в голове, я зачем-то высказал вслух:

– Ах, какие душистые и красивые дыни!

Жизнь доказала антиправило: «Не всегда женщины любят ушами». Во всяком случае, так было с Земфирой. Наша новая встреча началась с ее сурового взгляда, отвергающего мое приближение. У переломного момента в арсенале оказались и бьющие слова:

– Вот что, Боря, есть кое-что, с чем не поспоришь: ты – еврей, я – мусульманка, значит, мы никогда не поженимся. А быть твоей любовницей мне не удастся, даже если захочется. В общем, нам незачем встречаться.

Её слова сконцентрировались и преобразовались в виртуальную дубинку, которая меня оглушила. Может быть, из-за неожиданности?! Тупая боль из головы перешла в уши, а затем передалась во все тело. Но болело не только оно. Раненая душа. Я впервые ощутил, что это такое! Кто-то говорил, что она находится в области груди, там, где сердце, а у меня она заболела у самой печени. Душа самопроизвольно повернула меня спиной к моей бывшей девушке, и я ушел, ничего не соображая.

Чуть позже, спускаясь по улице Ленина, я пришел в себя и подумал в свойственном мне стиле: «Если мое еврейство ей важнее меня самого, пусть катится к черту!».

Почему мне запомнилось, что я шел по улице Ленина? Потому что .... Потому что встретил Урилова. Прямо возле школы. По моему виду он определил, что произошло что-то страшное. Из школы раздавались звуки баяна, наигрывавшего грустную мелодию.

– Под твоё настроение, – краснея, заметил с удовольствием Борух. – Она ушла?

– От меня не уходят, козел! – ответил я. – Я сам всегда решаю, уходить или нет.

– Ага, – хлопая русыми ресницами, улыбнулся антипод, – значит, она свободна. И я займу твоё место.

– Мое место никто занять не может. Тем более, ты! – отрезал я и двинулся дальше.

Возле кинотеатра «Родина», было, как всегда, многолюдно. Тут и там стояли разновозрастные кучки. У каждой свои законы, свои приколы. Вижу, ребята моего возраста собрались в круг и издеваются над Давидом. Давид – известный в городе дурачок, сын богатых, влиятельных людей. Но в таких случаях ни богатство, ни влиятельность родителей не спасают. Дети, известно, жестокий народ. Если нащупают слабинку, будут давить на нее при каждом удобном случае. Очередной взрыв хохота раздался как раз в тот момент, когда я оказался рядом. Я бросил на пацанов острый взгляд. Один из них заметил и сразу спросил:

– А ты чего?

– А чё вы над беднягой издеваетесь? Больше нечем заняться, гнильё?

– Кто гнильё? – раздался возмущенные голоса.

– Тобой и займемся, – сказал кучерявый темнокожий парень, по взгляду и движениям которого было понятно, что он здесь вожак.

Вожака я стукнул пару раз головой о дерево, другим понадавал джебов⁴ и апперкотов⁵, а они мне разорвали любимую черную рубашку с белыми вертикальными пуговицами. Махался я с ними, пока взрослые нас не разняли. Когда стало понятно, что бой не продолжится, душа повела меня дальше, и я дошел до самого моря.

Тяжелый ком обиды все еще стоял в горле. Девчонка задела мое самолюбие. Меня ведь боялись, никто из ровесников не позволял себе сказать в мой адрес обидное слово. Я был гордым, не унижался ни перед кем. Хоть Земфира мне нравилась давно, но я бы никогда в жизни не сказал ей о своих чувствах. Девчонки обычно сами тянулись ко мне и признавались в любви. А я их мягко, чтобы не обидеть, отвергал. Одни из них говорили, что влюблены в мои волнистые черные волосы, другие признавались, что в восторге от блеска медовых глаз, третьим была по нраву моя крепкая фигура. И вот впервые, Земфира...

Я шел по берегу в ту сторону, где не было людей. Когда расстояние стало таким, что оставшиеся за спиной люди превратились в маленькие точки, я с усмешкой бросил на песок разорванную рубашку и вошел в море. Глядя на горизонт, я чувствовал, что за той чертой, где море пересекается с небом, моя душа успокоится навсегда.

Но одна из волн ударила меня в грудь чем-то твердым. Я опустил глаза и увидел длинный брус. Это была доска, вырванная из высоких ворот. В Дербенте, в общих домах, у которых были свои дворы, таких ворот было много.

Эта доска напомнила мне ворота нашего двора. И тогда я вспомнил о

---

⁴ Джеб (бокс) – прямой удар с дальней дистанции.

⁵ Апперкот (бокс) – удар снизу в челюсть или в туловище.

маме, увидел ее плачущей, причитающей по утонувшему сыну. Потом заметил слезы на глазах отца, молчаливо удерживающего маму, младшую сестренку, в судорожном плаче то обнимающую землю, то поднимающую глаза к небу. Я взял доску, вышел на берег и опустился рядом с рубашкой...

В классе заметили наш с Земфирой «развод». А Урилов с тех пор крутился возле нее, как услужливый пес. День за днем он укреплял свои позиции, доказывая, что всегда нужен под рукой. А на выпускном вечере даже удостоился поцелуя Земфиры. И всё благодаря моему проколу.

Я напился в стельку и начал приставать к бывшей подруге, напоминая о «душистом аромате нежных дынь». И тогда Урилов, улучив момент, впервые в жизни сумел совершить мужской поступок, открывший перед ним новые перспективы. Что он сделал? Стремительной рукой прикрыл мне рот и прилюдно потребовал выйти с ним из банкетного зала. С трудом ворочая мозгами, я отшвырнул руку доросшего до роли конкурента Урилова и действительно пошел за ним. Кучка любопытствующих и сочувствующих двинулась за нами.

Выйдя на улицу, я тут же применил коронный, левый боковой удар, но он не достиг обычного эффекта. Соперник не упал, а лишь попятился назад, но его тонкие губы, тем не менее, вспухли.

– Ты пьян и не соображаешь, что делаешь, – заявил Борух, вытирая кровь. – Ты совершил двойное предательство: по отношению к девушке и к нашей дружбе. Но, знай, Боря, ты получишь ответный удар. Не сегодня. И запомни, мой удар будет сильнее твоего.

А Земфира? Она гордо смотрела на моего оппонента.

– Ого! – воскликнул кто-то из одноклассников. – Вот это Двоеборье! Урилов оставляет за собой выстрел, как пушкинский Сильвио!

И тогда Земфира громко произнесла:

– Я горжусь тобой, Боря! Ты – настоящий мужчина! – и на глазах у всех поцеловала Урилова в губы.

– Настоящий мужчина? – выразил сомнение кто-то. – А вот мы сейчас и проверим. Ребята, идем встречать рассвет у моря. Я вам покажу скалу, с которой прыгают настоящие мужчины. Кто не побоится прыгнуть и сделает это красивее всех, тот и будет признан джигитом нашего класса.

Предложение было встречено на «ура». В основном, одноклассниками.

Возле скалы инициатор соревнования быстро скинул с себя одежду, но любопытные взгляды, естественно, остановились на мне и Борухе. Я тоже торопился избавиться от белой рубашки, черного галстука, брюк и носков. И все же инициатор, сделав красивое сальто, оказался в воде раньше меня. Трезвеющая голова позволила мне опередить Боруха. Я оттолкнулся от скалы, перевернулся в воздухе и погрузился в зеленое море. Зелёным оно было из-за густых трав, плавающих неприятными комьями. А, как известно, наличие травы на воде означает, что дно каменистое.

Я выплыл на поверхность и тут же услышал крики:

– Двоеборье! Помоги Тимуру! Он ударился ногой о подводный камень!

Огляделся. Урилова в море не было, значит, кричат мне. Я подплыл к однокласснику, дал ему опереться на себя, и, одолевая накатистые волны, мы медленно выбрались на берег.

Мне так хотелось, чтобы Земфира оценила мои действия, но, оказалось, что ей и сейчас гораздо приятнее Урилов, которому даже прыгать не пришлось.

После школы они вместе поступили в Дагестанский университет. А я уехал в Москву и, к своему удивлению, сдав экзамены, стал студентом факультета физвоспитания МГПИ.

А о том, что случилось с Земфирой потом, рассказал мне «встречный-продольный», оторвавший меня от чтения Танаха.

Глава третья.

Религия Урилова и удары судьбы

В общении с Земфирой Борух понял, что она продолжает любить меня. Но парень упорно работал и завоевывал ее душу. Он даже принял мусульманство, чтобы получить благословение ее родителей на брак.

– Разве женитьба стоит того, чтобы менять веру? – спросили они у Байрама, т. е. у бывшего Боруха.

А он ответил, что его суперрелигия – любовь, и всё остальное должно подчиняться только ей. В каждой религии должна быть любовь к человеку, независимо от вероисповедания. А если этого нет, то надо искать другие пути. Например, совмещение религий, чтобы соединение стало возможным через две религии. И добавил, что приняв мусульманство, одновременно остался евреем.

Родителей Земфиры поразила такая невероятная мысль и, наверно, поэтому они согласились отдать дочь за самоотверженного парня. Но потом судьба совершила резкий поворот. Отец Земфиры погиб в автомобильной аварии. И его родной брат, получивший право распоряжаться судьбой племянницы, заявил, что не допустит позорной свадьбы. Грозился убить Земфиру, если ослушается. По его мнению, еврей, предавший свою религию, никогда не сможет стать хорошим мусульманином и достойным мужем.

Неожиданно изменившаяся ситуация не удручила молодого человека. Думая, как вывести любимую из поля зрения ее дяди, он предложил Земфире совершить побег в Москву. Там была наибольшая вероятность затеряться до удобного момента, когда Борух, устроив все свои дела, придет к ней. Но дядя быстро отыскал племянницу и повез обратно в Дербент. Однако проехали они немного. Недалеко от Москвы была обнаружена их перевернувшаяся и взорвавшаяся машина.

Так Урилов потерял Земфиру, но продолжил искания на пути совмещения религий. В память о своем соседе Володе Бородине, он принял христианство.

Володя и Борух родились в один год и даже в один и тот же день. Вместе росли. Двери их квартир находились рядышком. Ни у русского мальчика, ни у соседа-еврея братьев не было, и они условились, что будут называть друг друга «братом». Когда из Афганистана пришла весть о смерти Володи, Борух начал ходить в церковь, выполнять все предписания батюшки, связанные с трауром, постепенно понял, что полюбил Христа как богочеловека и начал носить на груди цепь с золотым крестом.

Когда «встречный-продольный» показал мне свой крест, я возмущенно спросил:

– Слушай, как ты мог такое сделать? Да еще и в Израиль приехал!

– Отчего же нет? – удивился Урилов. – Иерусалим – город трех религий. А я – представитель всех трех.

– Не смейся! Представитель трех религий! Да такого, как ты, ни одна из них не признает. Да ладно, чего я кипячусь? Ты ведь всегда был мне мерзок.

– А ты мне нет. Я и Володю Бородина и тебя считал своими братьями. Ты вот библию читаешь, а доброты в тебе ни капельки нет. Да мою историю, думаю, в «Новую библию» впишут! И знаешь, почему? Благодаря моей сверхидее, я могу любить людей как минимум трех религий, а ты – только евреев.

– А как же Земфира? Разве я не любил мусульманку?

– Любил. Но ты ведь не пошел до конца. Не отстоял свою любовь, а я ради нее делал все.

Я хотел было ответить, но подошла моя жена, вернувшаяся с работы. Она положила на лавку два полных пакета с фруктами и овощами и, не глядя на моего собеседника, сказала:

– Конечно, правильнее было бы придти домой, а потом с тобой сходить на базар, но почему-то потянуло самой все закупить.

– Господи, не может быть! Не может быть! – закричал Урилов, ахнул, перекрестился...

Жена пристально посмотрела на незнакомца, потом на меня:

– Кто это?

жива и не сообщила мне...

– Вставай, вставай, – кинул я к бывшему однокласснику, – не валяйся на земле, будь мужчиной.

– Земфира... – с трудом выдавил из себя Урилов.

Это было последнее слово, произнесенное им. Двоеборье скончался у нас на руках.

– Где же его хоронить? На каком кладбище? – чуть оправившись от шока, спросил я сам себя.

Мы посоветовались с раввином и купили землю на еврейском кладбище, так как Урилов был сыном матери-еврейки.

Позже я спросил у жены об истории с взорвавшейся машиной:

– Любимая, ты никогда не рассказывала о том, как все это произошло?

И тогда спутница моей жизни, прошедшая гиюр⁶ и поменявшая имя, впервые рассказала об инсценировке, придуманной ее дядей, кинорежиссёром. Хорошо понимая душу племянницы, однажды он предложил ей:

– Вижу, что мучаешь себя. Давай-ка помогу покинуть бесследно этого Байрама-Боруха. А потом, моя красавица, ты выйдешь за любимого человека!

– Понятно. Ловко вы ответили на его сценарий с побегом, – выслушав до конца, проговорил я.

Замира смущенно заглянула мне в глаза и подала обе руки. Я взял их в свои. Мы стояли, прижавшись друг к другу, и чувствовали, что заново оцениваем свое счастье... Благодаря Урилову!

– А ты знаешь, – сказал я глухо, – мне очень жаль его...

– Наверно, потому, – заметила Замира, – что в чём-то он был лучше нас...

---

⁶ Гиюр – процедура перехода в еврейство.

ХЕЙЛИ Мирьям

Коротко о себе:

Родилась в Баку во второй половине 20-гого столетия (не будем уточнять когда).

Закончила мех-мат АзГУ. (А говорят, что физики, то бишь математика, не лирики).

В 90-м году репатрировалась в Израиль. Живу в Тель-Авиве, работаю в муниципалитете города. Замужем, имею троих детей.

Во время очередных каникул, сидя перед телевизором, написала для своих подруг несколько юмористических монологов в стиле «Смехопанорамы». К моему удивлению, они приняли их с восторгом. И тут я вспомнила, что не случайно в школе учительница литературы постоянно зачитывала мои сочинения на уроках.

Лиха беда – начало. По совету подруг я начала писать более серьезные вещи. На сегодняшний день у меня уже довольно много публикаций в израильских газетах «Секрет» и «Кавказская газета», в американской газете «Новый рубеж», в альманахах «Мирвори». В 2007 г. в свет вышла моя первая книга «Душа народа», а 2010 г. – «Ветры судьбы».

И ОНИ ПРИДУТ...

Будильник запел колыбельную... Черные пушистые ресницы резко распахнулись, открыв серо-зеленые чуть раскосые глаза. Она села на кровати, протянула руку и лёгким нажатием прервала убаюкивающие переливы.

Однажды младшая сестренка просто так, для прикола, заменила звонок будильника в её телефоне, но Доре показалось даже забавным просыпаться под колыбельную, и она оставила себе этот необычный утренний звонок.

Прохладные струи ударяли о тонкие плечи, растекались по белому гляncy спины, тонким рукам, медленно преодолевали преграду в виде неожиданно большой для столь хрупкой фигуры груди и с облегчением падали на стройные ноги.

Дора подставила голову под решето душа, и освежающая влага прохладным осенним ливнем забарабанила по лицу, снимая остатки сна и неся утреннюю бодрость.

«Хорошо-то как... Так бы стоять под душем и ни о чем не думать. Но...

Во-первых, из-за засухи в стране воду надо экономить, а во-вторых, сегодня предстоит куча дел. Даже не куча, а грудa! Дай-то Бог выполнить хотя бы половину.

Она аккуратно вытерла голову махровым полотенцем. Что-то ей сегодня снилось, необычное такое... Детки какие-то... Хотя нет, детей она, кажется, не видела, зато ясно слышала их звонкие, но на удивление серьезные голоса. Они о чем-то разговаривали между собой...».

Дора включила фен и направила горячий поток на свои прямые черные волосы.

«Что за чушь! Ангелочки какие-то снятся. Допрыгалась. Неужели это неутоленное чувство материнства выражает себя таким изощрённым способом? Еще бы! Два года как тридцатник отметила, тогда же и с мужем разбежалась. Да уж...».

Надев приготовленные с вечера блузку и брюки, она занялась лицом.

«Нет, объективно говоря, ее «экс» – совсем неплохой парень (если не считать дикие сцены ревности в последнее время), но, как говорила героиня старого фильма, «Не орел!». А где их нынче возьмешь, орлов-то?»

Дора несколько раз тряхнула головой, то ли умиряя черные, шелковистые, как у японочки, волосы, то ли стряхивая навеванные сновидением мысли, бросила в сумочку ключи от машины, кинула ее левой рукой на левое плечо, а правой подхватила широкий ремень сумки с компьютером.

Он положил чашку с остатками утреннего кофе в раковину, где уже скопилась вереница её «подружек». «Сегодня придет Лили и, наконец, все помоеет. Кстати, надо не забыть оставить ей вместе с деньгами записку: пусть пропылесосит книги в шкафу».

Он еще раз пробежался по списку, высвеченному на экране лэптопа, захлопнул его и уложил в портфель. «Все. Вперед! Сегодня четверг – конец рабочей недели, кроме рутинных дел надо кое-что завершить и закинуть пару крючков по новым проектам...

Стоп! Что за странный сон ему сегодня снился? Маленькие дети... Милые такие, но слишком уж серьезные. Бабушка, кажется, говорила, что ребенок во сне – к новым начинаниям. Да?! Так надо во время перерыва послать сообщения всем, кто может предложить что-то стоящее...».

Красивый дымчатый кот спрыгнул с кресла и вальяжно подошел к нему, явно собираясь потереться о ноги хозяина. «Нет, Ажи, – строгим голосом сказал тот, но темно-карие глаза его потеплели, – у меня все брюки будут в твоей шерсти». Не удержавшись, он пощекотал кота за ушком, направился к двери, на секунду остановился перед зеркалом и встретился взглядом с высоким смуглым мужчиной средних лет в светлой рубашке.

Он провел рукой по волосам, словно пытаясь пригладить жесткий черный с проседью ежик – остаток шапки когда-то густых угольных кудрей. Сегодня вечером друг детства пригласил его в ресторан: одноклассники как-то одновременно стали приглашать на бармицвы и батмицвы своих детей. А он? Он, видно, не создан для семейной жизни. Скольких женщин приводил в этот дом? Но ни одна не осталась здесь хозяйкой... Он решительно взял портфель и, помахав коту, захлопнул за собой дверь.

В торговом центре рифленая лента эскалатора подняла Дору на этаж ресторанов и кафе. Ее каблучки уже было застучали в сторону любимого ресторанчика, но она их остановила. Сегодня вечером бабушка с мамой позвали её к себе в гости. А это значит, что весь вечер она будет заедать всякими вкусностями лекции заслуженного врача-гинеколога (на пенсии) и районного кардиолога с огромным стажем об оптимальном для деторождения возрасте и о том, что время для принца на белом коне прошло... Тоска... Но что поделаешь? Она и так чувствовала вину за то, что оставила этих уже немолодых

и нездоровых дорогих ей людей почти одних (не считая сестрёнки-солдатки) и ограничила общение бодренькими короткими звонками. Поэтому она, конечно же, к ним пойдёт, будет послушно кивать головой, во всем со всеми соглашаясь, улыбаться от уха до уха и, чтобы ничего не ляпнуть, активно поедать все, что они нажарили, сварили, напекли для своей Дорочки. Так что сейчас, пожалуй, надо перекусить чего-нибудь легкого.

Она изменила привычный маршрут и зашла в кафе «Арома». Заказала себе полбутерброда с омлетом и кофе, пошла вымыть руки, и сразу:

– Дора! – вглядываясь в экран, позвала девушка-кассир за стойкой, – ваш заказ готов. Дор! – прочла она следующую строку, – ваш заказ готов.

Они подошли к стойке почти одновременно.

– Ой! – прыснула смешливая кассирша. – Надо же! У вас и имена похожи, и заказы одинаковые!

Они невольно посмотрели друг на друга...

«Какое знакомое лицо! – пронеслось у нее в голове. – На кого же он похож? На какого-то известного политика или артиста? Нет, что-то близкое, даже родное в его внешности и глазах. Мы учились в одной школе? Служили в армии? Нет, он, пожалуй, постарше меня. Где же я его видела?»

«Серо-зеленые глаза с поволокой, как у русалки, и черные волосы. Такого сочетания мне еще не приходилось видеть. Да нет же, они совсем зеленые, только очерчены серым ободком. За такими, пожалуй, и в омут бросишься...».

Они улыбнулись друг другу, подхватили свои подносы и пошли в сторону единственного свободного столика. Она стучала по клавишам, не отрывая взгляда от экрана компьютера и героически борясь с желанием взглянуть на сидящего напротив. Кофе допит. Неужели они сейчас разбегутся, и она так и не узнает, где встречала его раньше?

«Что это со мной? С каких пор я робею перед девушкой, даже перед такой красивой и загадочной? А ведь еще четверть часа назад я был уверен, что знаю о женщинах все, что мне достаточно только бросить взгляд, и любая из них будет сама добиваться встречи со мной? Ну вот, сестричка моя сообщение послала. Чего она сейчас от меня хочет? Стоп! Марголит! Я обожаю тебя!»

– Скажите, Дора, – произнёс он, вроде бы продолжая разговор, словно они не сидели все это время молча, – вам не хотелось бы продолжить это неожиданное знакомство, но уже без наших электронных друзей?

– А, вам кажется, что мы уже знакомы? – улыбнулась она.

«И голос у нее тоже русалочий. Журчит, как ручеёк и заманивает в омут...»

– Ну и куда вы меня приглашаете?

– В театр!

– В театр?! – «Обалдеть! – сказала бы сейчас сестренка». – В какой?

– В «Камерный»! У меня совершенно случайно есть два билета на сегодняшний вечер. «Скрипач на крыше» подойдёт? «А на этой бармице и без меня как-нибудь обойдутся...». Шолом-Алейхем! Классика!

«Мама должна быть рада, что я иду с молодым человеком в театр. Тем

более «Тевье-молочник», так, кажется, это в русском варианте, – ее любимая вещь. Надеюсь, они не обидятся.

– Соглашайтесь, – он улыбнулся и неожиданно запел мягким баритоном: «Если бы я был Ротшильд, диби-дам, диби-диби-диби-дам...»

– А знаете? – Дора решительно закрыла компьютер, сунула его в портфель и смело взглянула в его темные глаза. «А глаза-то – утонуть можно!» – Я пойду!

Она встала. Он тоже поднялся с места. Ему всегда нравились высокие женщины, а Дора едва ли доходила до его плеча. Но сейчас он видел только солнечных зайчиков, играющих в её изумрудных глазах. «Влип! Через пару годков сорок стукнет, а я, как прыщавый старшеклассник, с первого взгляда...»

Он молча протянул свою визитку. Она взяла ее и так же молча протянула ему свою.

И в этот момент они оба отчетливо услышали, как смеются дети. Наверное, шалят где-то неподалёку...

***

Дора лежала на кровати и смотрела в потолок. Наконец-то она поняла смысл заболтанной фразы «я – в шоке», хотя сейчас «в шоке» было слабовато для истинного выражения того сумбура, что творился в её душе. И в голове был сумбур: там беспрестанно рождались фразы. Только на русском и исключительно нецензурные...

«Хоть один плюс, что все это произошло в праздники... Даже не представляю, как смогла бы работать в таком состоянии. Впрочем, он, наверняка, учел и это. Умник, нечего сказать. Господи, ну кто это опять звонит? Если снова бабушка, я выдам ей все, что думаю. Нет, ну в самом деле, всю жизнь была воинствующей атеисткой, а тут просто достала: «Это вас сглазили. Вас точно сглазили». Такой шмон в квартире устроила! Искала какие-то колдовские штучки. Да еще и к нему домой порывалась съездить, чтобы и там обыск устроить. Странно все-таки... Когда мы с мужем развелись, бабушка жалела только о том, что я не успела ребеночка завести. А тут и не из «наших», и вообще «марокканец», и женаты мы не были, а бабушка рыдает больше меня. Ну, кто там опять названивает? Кому я так срочно нужна?!»

– Марголит?! Спасибо. Тебя тоже. А? Да, я тоже тебе подарок приготовила. Но сюрприз, который преподнес нам Дор, затмил всех. И ты в шоке? Будем считать, что мы приняли тебя в ряды нашей ассоциации «шокистов». Ну, конечно, смеюсь! А что мне остаётся делать?

Я бы тоже хотела понять, что между нами произошло! В том-то и дело, что ни-че-го! Мы распланировали все праздники, как он любит, по пунктам. Я жду его. И вдруг звонок: «Ты – замечательная. Ты – лучше всех. Я тебя недостойн. Мне жаль, что ты потеряла на меня два года. Прости. Будь счастлива!» Все!!! Телефон отключен, электронная почта возвращается.

Ну, если бы он разлюбил, во-первых, я бы почувствовала это, а во-вторых, почему так резко? Что мешало ему сказать об этом нормально. Ведь нас совершенно ничего не связывало!

Я? Ничего. Прихожу в себя. Только по ночам плохо сплю. Тут к кому-то из соседей маленькие детки приехали, я за ночь несколько раз просыпалась от их жалобного плача. Аж сердце заходится.

Что говоришь? Ты-то зачем пошла к психологу? Что за глупости! Какой комплекс холостяка? Свободу боится потерять? Да я ему о браке даже и не намекала. Ни в какой форме... Не надо... Не стоит... Пусть будет счастлив, я его прощаю.

***

«Нет, ну это в самом деле ни в какие рамки не укладывается! – Дор бросил мобильник на диван. – Закрутила! И с кем? С каким-то мальчишкой! Он же лет на пять моложе неё! Неужели это она мне в отместку? Мы же, вроде, объяснились. Она меня простила и, кажется, все вернулось на круги своя. И вот, пожалуйста, какой-то глупый флирт. Романом это недоразумение я бы не назвал».

Кот серым облачком соскользнул с дивана на пол и свернулся калачиком на тапочках хозяина. Однако через несколько минут он встал и запрыгнул на кресло.

– Что, Ажи, и ты места себе не находишь без хозяйки? Ладно ты. Тут два каких-то кота всю ночь орут, будто дети плачут, я просыпаюсь в холодном поту. И чего орут? Вроде декабрь, не март?..

Слушай, дружище, по-моему, я знаю, что надо предпринять...

***

– Дора, – заглянула в кабинет секретарша, – тут заказное письмо. Посыльный требует, чтобы вы лично расписались в получении.

– А сфотографировать факт получения ему не надо? – Дора нехотя подмахнула квитанцию и взяла письмо в руки.

– Что-то важное? – смазливая рожица секретарши излучала высшую степень любопытства.

Дора открыла конверт. На белоснежной открытке сверкнули золотом переплетенные кольца.

– А... Приглашение на свадьбу... – девушка была явно разочарованна, но тут она услышала громкие голоса в коридоре и почти телепортировалась туда, где обещало быть гораздо интереснее...

Створки открытки распахнулись, словно легкие крылья бабочки. Предательски задрожавшими руками она вынула два вложенных между ними листочка.

Билеты в «Камерный»... «Скрипач на крыше»...

«Половинка души Дор-Дора приглашает свою вторую половинку Дору-Дор на торжественное воссоединение в единую душу. Воссоединение состо-

ится в кафе «Арома» после обязательного просмотра вершины театрального искусства – спектакля «Скрипач на крыше».

В программу воссоединения входит: 1. Поедание половины бутерброда с чашкой кофе; 2. Вручение кольца; 3. Планирование дальнейшей совместной жизни.

Программу завершает традиционный гимн «Если бы я был Ротшильд. Диби-дам».

Текст колыхнулся и поплыл перед глазами... Чтобы случайно не намотить билеты, она отодвинула конверт подальше от себя. Легкий ветерок подул из открытого окна и зашуршал в них, словно далекий детский шепоток...

***

Они молча вышли из кабинета врача и пошли по коридору. Ей казалось, что в переполненной больнице слышны только глухие звуки их шагов. И все... Ни взрослых голосов, ни детского плача, ни смеха, ни шёпота. Ни-че-го... Хотя ...

– Давай присядем внизу, в кафетерии.

Они сидели за столиком перед остывшими уже чашками кофе и, не отрывая взгляда, смотрели друг на друга. Черные, влажно-бархатные и зеленые, с плачущими в глубине солнечными зайчиками. Он взял ее ладошку, поднес к губам и поцеловал.

– Ты не отчаивайся, – прошептал он, – доктор сказал, что не все так безнадежно. Вероятность достаточно....

– Понимаешь, – прошептала она, перебивая, – они делали все, чтобы мы встретились. Они боролись за нас, пока мы играли в глупые взрослые игры. У них просто кончились силы... Пришло время нам бороться за них.

– Нет, – покачал головой он, – мы бороться не будем. Мы будем просто любить и ждать. Вот увидишь – они придут...

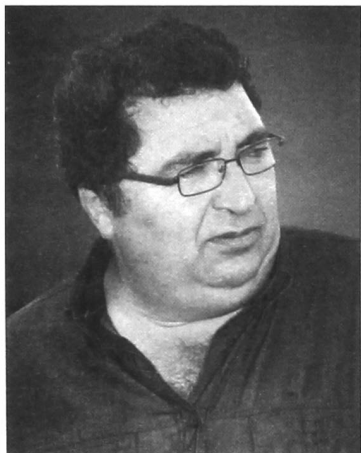

ПОЭЗИЯ

на русском языке

АБРАМОВ Лев

Я пианист, родился в Махачкале в 1961 г., там же получил высшее музыкальное образование. Стихи начал писать ещё в школе, но их лучше, конечно, не читать. Однако учителя у меня были великоленные – привили любовь к музыке и литературе. Наверное, поэтому у меня много стихов о музыке, ибо поэзия и музыка для меня – явления одного порядка. Они основа моего мировосприятия.

Даже преподавая на музыкальном факультете Дагестанского института, я писал стихи, но никогда их не публиковало.

Здесь, в Израиле, тяга к поэзии стала сильнее, может, потому, что от музыки отошёл, и поэзия заполнила эстетический вакуум. Стихи дали мне возможность сказать всё то, что порой невозможно передать в обычной беседе.

В 2011 году в издательстве «Мирвори» вышла в свет моя первая книга «В чёрно-белой метели...». Почему назвал именно так? Для меня стихи – это тоже музыка, слова – клавиши моего любимого рояля. И я очень надеюсь, что вы услышите мои мелодии, и они вам понравятся.

Молитва

О, Господи, Тебя благодарю
За каждый час изменчивой судьбы,
За то, что ненавижу и люблю,
За полосы затишья и борьбы,
За встречи на путях земных дорог,
За боль утрат и радость обретенья,
За слабости (Ты к ним не слишком строг),
За редкие минуты наслажденья,
За музыку, звучащую во мне,
За сердце, что пока ещё открыто,
За свет надежд, что сгинули во тьме
Жестокого, циничнейшего быта,
За ожиданье предreshённых встреч
С Тобою предначертанной судьбой,
Когда при свете капающих свеч
Мы вместе вознесём Тебя хвалой,
За утра свежесть, тихий плеск воды,
Любовь людей, которых я люблю,
Перипетии счастья и борьбы,
За жизнь Тебя, Господь, благодарю!

Тишина

В полночной тьме ни шороха, ни звука,
Ни дуновенья ветерка.
И слушать тишину такая мука,
Неимоверная тоска...

В той тишине запряваны виденья
Того, что не сбылось, увы.
И сожалений стоны, и сомненья –
Любви утраченной цветы...

На глупую луну с тоской взирая,
Чтоб пересилить маету,
Тебя своей душою обнимаю,
И заполняю пустоту.

Не покидай

Не покидай меня, не покидай,
Всего на миг в дверях остановись.
Не обвиняй меня, не обвиняй –
И я хотел, чтоб все мечты сбылись.
Но в этот миг, вот в этот горький миг,
Когда судьба и жизнь напололам,
Всё что достиг, что в жизни я достиг,
За твой порыв навстречу мне отдам.
Вглядись в меня, взглядишь в мои глаза –
В них нет упрёка, только горький стон...
С твоих ресниц уже бежит слеза,
Шепча о том, что я тобой прощён.

И можно ли в бездумье разорвать
То, что должно всю жизнь нас согреть?

Скрипка

Взмах смычка, и чувство расцвело,
Осветив душевную усталость.
Там на дне тепло ещё осталось,
Только сверху снегом замело.

Ты играй, скрипач, играй, прошу.
Нерв струны натянут и во мне.
Безысходность, что в себе ношу,
Я спалю в спасительном огне.

Между струн дрожит моя душа,
Звук уносит вдаль от суеты.
Внемлю, как молитве, не дыша –
Здесь алтарь несбывшейся мечты.

О, Творец! Ты скрипке много дал:
Чистоту, возвышенность и пыл.
Почему ж, когда людей создал,
Душу скрипки в них не заложил?

Мазурка

С под пальцев, вся из звуков, очень юрко,
Изгибом нежным сладко сердце рая,
Вдруг выпорхнула девочка-мазурка,
Тревожным вдохновением дурманя.

Вощёной гладью зеркала паркета
По чёрному скользя крылу рояля,
В шуршащие шелка слегка одета.
Французско-польский воздух Провансаля.

Она – аристократка из народа.
То грустит, то озорно подпрыгнет.
Ей не страшна изменчивая мода,
К её полёту сердце не привыкнет.

Лукавостью, печалью и жеманством
Вся обдаёт, как тонкими духами,
В себя влюбляя чуткое пространство,
В нём растворяясь, разведя руками.

Вся разлетаясь ворохом желанья,
Кружит, манит, и плачет, и смеётся.
Воспоминаньем легкого страданья
В тебе, как сновиденье, остаётся.

***

...А благодарности не жди.
Не для того творим мы благо.
Сотрут житейские дожди
И боль, и верность, и отвагу.

Но, для других творя добро,
Нал тленом душу поднимаем.
Хотя, быть может, понимаем,
Что не вернётся к нам оно...

***

Опадает день,
Расцветает ночь,
Разливается томная нега.
Клонит тело лечь,
Гонит мысли прочь,
И душа тоже просит ночлега.

Позабывшись вдруг
Благодатным сном,
Сердце жаждет себе облегченья.
Разжимая круг,
Вяжет боль узлом,
Преломляется суть сновиденьем.

От мерцающих звёзд
На лице бродит тень.
Отпусти же, забота дневная,
Дай душе отдохнуть,
Дай надежде вздохнуть.
Завтра встретимся снова, я знаю.

***

Руки гладят волос
Головы бедовой.
Тихий, нежный голос,
Отзвуки в столовой.
Губы мягкой ватой
На моё дыханье,
Жест замысловатый,
Сон – воспоминанье.
Липнут к нежной коже
Запахи и звуки,
И снести не можешь
Ожиданья муки.
И не нужны были
Ни слова, ни речи.
Как мы позабыли
Эти наши встречи?

Ноктюрн

Ночь нежна, словно шёлк,
Бестревозно тиха.
В эту ночь одиночество светло.
Шумный город умолк,
Тщетных дел вороха
Днем спалило нещадное пекло.
И уставши от зноя,
В прохладу нырнув,
Спят дома, как в экстазном затишье,
В одеянье покоя себя обернув,
На глаза нахлобучивши крыши.
Одиноко мигает
Неоновый свет
Сиротливо-ненужной рекламы.
Фонари освещают
Домов силуэт,
Проливаясь в оконные рамы.
Проведя, как рукой,
Ветерком по листве,
Этот мирный покой не нарушив,
Светлый ангел ночной,
Что с любовью в родстве,
Опустился в усталые души.

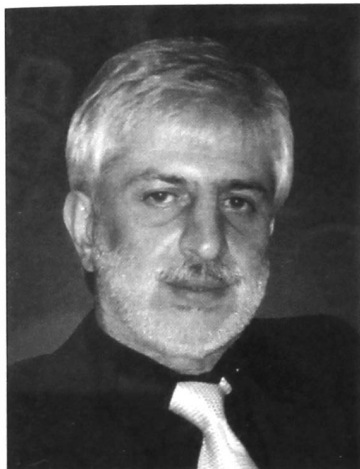
***

Ни тебе не понять и ни мне,
Что история делает с нами:
Головешки в познания огне,
Стали мудрыми мы... дураками.

***

Лишь ты, бокал, меня поймёшь,
Всю боль и силу откровенья
И до конца в меня вольёшь
Свой терпкий сок успокоенья.

АМИРАМОВ Ефрем

Родился в 1956 г. в Нальчике (Кабардино-Балкария). Певец, композитор, поэт. Народный артист Кабардино-Балкарии и Ингушетии. Кавалер орденов «Служение Искусству» и «Слава Нации».

Вместе со своей группой «Неприкосновенный запас» объездил с концертами всю Россию и страны бывшего СССР, а также зарубежные страны – Испанию, Францию, Германию, США, Объединенные Арабские Эмираты, Израиль, Японию.

Записал ряд дисков: «Последний дебют», «P. S.», «Аленка», «Вдохновение», «Родные души» и др. В декабре 2007 вышла в свет долгожданная книга Ефрема – сборник стихов «Всё – Так! или Истерика...».

В настоящее время живёт в Москве, дает концерты и работает над новыми проектами.

***

Назвать мой случай можно частным...
Мне счастье все открыло дали...
Я разучился быть несчастным,
Хотя весь соткан из печали.

Я, как и все, конечно, знаю,
Что было, есть и то, что будет...
А если жизнь на сон меняю,
То пусть никто меня не будит...

Не отрывайте зовом властным
От тех, кто следует «В начале...».
Я не умею быть несчастным,
Хотя весь соткан из печали...

***

V. V. S.

Как необъятна жизнь, и как она проста...
Всё принимаю в ней от счастья до интриги...
Мне видится порою красота,
Как тужелька твоя, стоящая на книге...
Стихи, что подарило мне в пылу,
Меняющее лица Вдохновенье,
Слились в судьбу, и книжкой на полу,
Вдруг обрели своё предназначенье...

***

Давным-давно мы, горские евреи,
В своём галуте вышли на Кавказ,
Себя для Б-га сохранить сумели,
Считали братом каждого из нас...

Ценою жизни собственной спасали
Друг друга в злые, пасмурные дни...
Наверно, потому, что понимали,
Что, на чужой сторонushке, одни...

На мир жестокий в злобе не роптали,
Под тяжестью скитаний и оков...
Достойной жизнью деда обретали,
В былых врагах, друзей и кунаков...

А мы...?

А я...?

Сомнительному типу,
Мне, трудно самому себе простить...
Нэвей раби, я надеваю кипу,
Когда иду Всевышнего просить...

Конкретных мыслей дикая атака
Меня сжигает медленным огнём...
Кого смогу я вывести из мрака,
Когда я даже днём теряюсь в нём...

У каждого меняется обличье...
В борьбе за жизнь от брата брат далёк,
И забывая бывшее величье,
Предпочитаем рынок и ларёк...

А если кто-нибудь понаблюдает,
Как к братьям наш относится еврей,
Подобной дружбы вряд ли пожелает
И мир простолюдин, и род царей...

...

Остаток жизни верой в Б-га грею...
Власть имущим не слагаю гимны...
Я люблю Вас, горские евреи!..
Жаль, что наши чувства не взаимны...

...

Создатель даже в шутке высший спец...
Он как-то всем (!) сказал, я вспоминаю:
«Я скоро вас оставляю, наконец...
На чей конец, пока ещё не знаю...»

***

Я жизнь на части не делю, и сон давно не видел вещий...
Но если б все, кого люблю, в сто раз меня любили меньше...
Желали б зла мне в сто раз больше все те, кому желаю зла...
Тогда бы просто абсолютно счастливой жизнь моя была...

И ни каких «но»...

И ко мне приходит понимание...
Я, конечно, сам тому виной,
Что венец еврейского страдания,
Прочно укрепился надо мной...
...
Вспоминаю мир, где жил когда-то...
До смешного просто было в нём...
Человеку человек был братом...
Первый встречный другом и Царём...

Только так смотрели друг на друга,
Только так делили хлеб и кров,
И любовь не ведала испуга,
Не служила рифмой к слову «кровь»...

Там никто не мог сказать другому,
Что он должен делать и когда...
Все дороги приводили к дому...
Все родными были города...

Люди всех воззрений, цвета, касты,
Всех земель, что в жизнь их привели,
Все несли Любовь как символ Счастья
И купались в Счастье и в Любви...

...
Не боюсь ни палачей, ни судей,
Хоть и не во всём был прав и чист...
Но...
Я нуждаюсь в Вашем счастье, Люди,
Как простой нормальный эгоист...

Ведь когда любое счастье рядом,
То оно ко мне приходит вдруг...
То улыбкой, то влюблённым взглядом,
То простым прикосновением рук...

Вопреки ошибкам и помаркам,
В каждой жизни столько и всего...
Но...
Кто назвать посмеет не подарком,
Мир существованья своего...

И скитаясь по родной планете,
Или пешком, или на коне,
Я желаю счастья всем на свете,
Потому, что это нужно мне...

СОНЕТ

V. V. S.

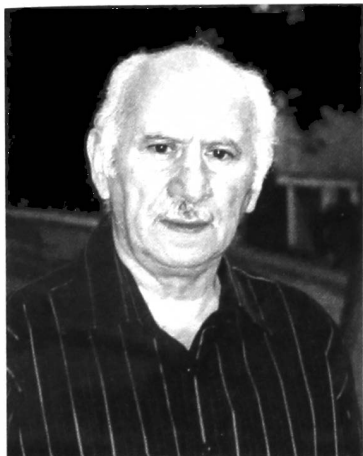
Вот опять ты одна в ночь дорожную,
В городскую нырнув пустоту,
Зародила во мне мысль тревожную...
Ненавижу твою красоту...

Знаю, ждёт тебя дочка любимая,
Чьё лицо я придал бы холсту...
Почему же кричу вместо гимна: «...Я
Ненавижу твою красоту...»

Ты рассвет моей жизни законченной!
Ты последняя чаша у рта!
И нехай меня, старца порочного,
Не жалеет твоя красота!

Когда умру, я знаю, что восстану...
Но и восстав, любить не перестану...

АШУРОВ Симха

Родился в 1941 году в Дербенте. Профессиональный художник. Окончил Московское художественное училище им. Калинина (1963), Московский полиграфический институт (1969). Член Союза художников СССР (1973).

Репатриировался в Израиль в 1992 году, с 1993 - член Союза художников Израиля, председатель Союза художников, выходцев с Кавказа в Израиле.

Много лет является постоянным автором «Кавказской газеты», его перу принадлежат очерки о художниках, скульпторах, графиках.

Предлагаем вниманию читателей небольшую часть из серии его зарисовок-размышлений, в которых художник рисует, но уже не красками, а словами очень узнаваемые картины нашего бытия.

***

Судьбу мою гадалка предсказала:
– Ты лёгкого не жди пути.
Найдёшь жену, что красотой заманит...
да и погубит...

Вот только об одном ведунья умолчала,
что красота та будет не верна.
Не ждал от жизни я такой невзгоды,
но мне – художнику доподлинно известно,
что в каждом безупречном цвете
есть изъян,
и, как назло, – на самом видном месте...

Уж так устроен мир –
быть абсолютно счастливым в нём
никто не может.

Тебе ж я постараюсь не мешать,
При этом остаюсь самым собою.
Бегу я прочь, опережая время,
от грязи, что не может чистой быть.
Чтоб сажу отбелить,
белил на всей земле не хватит...

***

Возьму с собою горсть земли
И увезу в далёкие края
воспоминанья о родных местах,
где рос, учился, бегал босиком.
И не было ни грусти, ни тревог,
и цели высоки – забраться бы
на самый поднебесный пик,
того хребта, что смотрится
над цитаделью величаво...

Забрался и бродил по горным перевалам
и по лесам,
живёт в которых только тишина...
Нет ни зверей, ни птиц
и ни одной живой души.

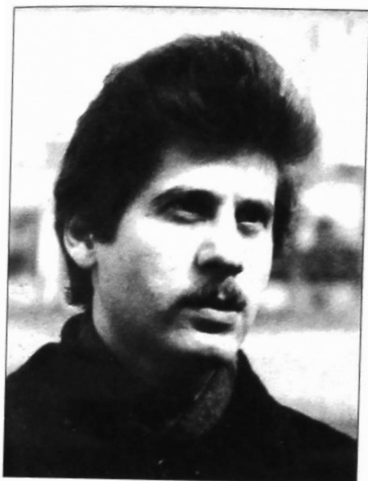
И лишь огромные деревья
величественно смотрят с высоты.
Они стоят здесь с давних пор
на страже вечной тишины...
И только кроны их ворчат чуть слышно,
да шелестят от ветра лоскутки,
которые там таты-мусульмане
привязывают к веткам
в память о своих умерших.

Я помню всё здесь, каждый уголок.
Облазил все магалы, переулки,
и был влюблён в старинные ворота,
которые года покрыли сединой...
Им много повидать пришлось
за длительный свой век:
арабов, христиан, кочевников полки,
царей Хазарии, великого Петра...

Солёною волной бьёт берег Каспий.
Каштаны и акации в цвету,
созрел инжир
и поспевает чёрный виноград
на той земле,
взлелеянной ещё руками дедов наших.

Лилось здесь бурными потоками вино,
За здоровье чару предки поднимали...
Но пробил час – и с этим всем
мне предстоит расставаться.
Лишь горсть земли могу забрать с собой,
но в сундуке хранить её не стану –
развею над святой Обетованною Землёй
и в том покой найду и утешенье...

**БАКШИЭЛЬ
Арон**

*Автор книги и публикаций в
различных литературных издани-
ях. Член Союза писателей Израиля.*

Вариации

(полная версия)

1

Я не первый и не последний –
Где- то сбоку, и даже след не
Оставляет моя подошва.
О, бессонница песен! Грош вам
Всем цена. И цела страница.
Буквы пали пред кем-то ниц, а
Все покои мои объаты
Одиночеством, словом «Я». Ты
Далека от моей постели.
Только память о брennom теле.

2

Наперед мы не знаем,
Что в яичке снесем.
С глаз падет пелена. Им
Вдруг откроется все.
И, как взятый с поличным
Вор, четыре строки
Взвоят говором птичьим.
Напою их с руки
И отправлю на волю
Голосить в небеса,
Сытых буквенной болью,
Словом «Адам» без «А».

3

Невзирая на скорость
Света, бьющего из
Жизни собственной, порознь
Мы врезаемся в лист,
Где живут человеки,
Там обретшие кров,
Превратившись навеки
В стихотворную кровь.

4

Хочешь, слово я дам и
Спелых букв семена?
Брось их в землю, когда мы
Удаляемся на
Вечность. Встретимся точно,
Ибо выдержан стиль,
И поставлена точка,
Оборвавшая стих.

5

Не сплести ли, душа, соловьиный узор о навете
Пьяных звезд, среверсировать в юность, свести
Счеты с Музой? Послушай: я, кажется, брошен на ветер,
И листва моих слов шелестит.

Вот и весь алфавит, паутина, молитва левита.
Бьется пойманный стих, досчитать не успевший до ста,
И навечно уже одинокая точка привита,
Словно родинка, к лику листа.

9.2009-16.04.2010

Слово «дам» на иврите означает «кровь» (прим. автора).

Когда мы выходим из тела...

Когда мы выходим из тела...
Когда мы выходим... Когда мы...
Скитается эхо по кругу.

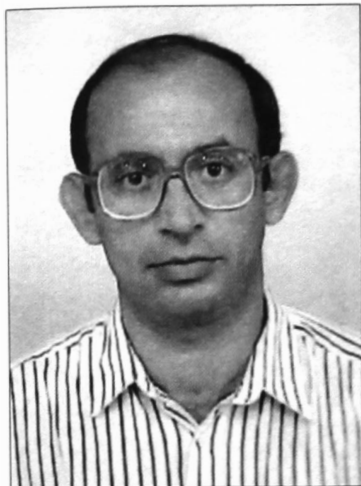
И ветер скулит оголтело
О верности ветреной дамы.
Он ищет подругу.

Я где-то споткнулся, прохожий.
Из вечности вились волокна.
Цвела в паутине гвоздика.

Мои карусели похожи
На крылья. Распахнуты окна,
А там – Эвридика.

07.2011

ГАВРИЛОВ Семён

Родился в 1952 году в г. Дербент Дагестанской АССР. Окончил математический факультет Даггосуниверситета и технологический факультет Краснодарского политехнического института.

Женат, имеет троих детей.

С 1990 г. по 1992 г. работал ответственным секретарём Дагестанской республиканской газеты «Ватан». Публиковался в республиканской и местной периодической печати, в журнале «Юность».

В 1992 году репатриировался в Израиль, живёт в г. Хадера.

Литературным творчеством занимается со школьной скамьи. Пишет стихи, прозу и публицистику.

В Израиле публиковался в журнале «Русское эхо», альманахе «Мирвори» и в «Кавказской газете». В 2006 году выпустил в свет книгу «Сказки гонимого круга», а в 2008 году в издательском доме «Мирвори» вышел его второй сборник - «Огонь свечи».

Имеет постоянно действующие Интернет-страницы на литературных сайтах «Стихи. ру» и «Точка зрения».

Мир, любовью согревая...

Я так хочу послушать тишину
в густом лесу, услышать крик кукушки
и дятла стук сквозь леса глубину,
сквозь мачты сосен где-то на опушке.

Я так хочу увидеть синеву
небес, взлетев однажды птицей,
подняться к облакам и раствориться
в тумане предрассветном на лету.

Хочу измерить глубину морей,
увидеть мир подводный океанов,
морских драконов и морских коней,
дождем, пролившись как-то утром рано.

И окунаясь в красок многоцветье,
по радуге подняться, жизнь вдыхая...
И этот мир однажды на рассвете,
отдать тебе, любовью согревая.

Солнца луч...

Солнца луч, как рыжий кот,
.....влез к тебе в окошко...

Я завидую ему,

.....но совсем немножко.

Может лечь к тебе на грудь,

.....чмокнуть нежно в щеку

и, взобравшись по руке,

.....рассмешить немного.

Может снова усыпить,

.....мир окутав лаской,

и вернувшись в детство, ты

.....вновь увидишь сказки.

Может просто рядом лечь,

.....согревая ложе...

Но любить тебя, как я,

.....никогда не сможет.

Тень и День

Серый рассвет
.....в серые окна
.....серых домов
Серою кошкой
.....по серой траве
.....не видно следов.
Серые лица
.....по улицам серым...
.....начался день,
И заалееет
.....новой надеждой
.....серая тень.
Солнце раскрасит
.....стены и крыши...
.....радуги цвет,
Белым и красным,
.....желтым и синим
.....радости свет.
Звонкою песней,
.....Голосом детским
.....день зазвучит
И многоцветьем
.....цветов и улыбок
.....всех одарит.
День пробежит
.....по бульварам и паркам
.....гомоном птиц,
След свой оставив
.....светлый и добрый
.....на тысячах лиц...
Но лишь к закату
.....склонит уставший
.....голову день,
Снова по городу
.....молча, крадется
.....серая тень.

Ты

Осень в дым...Шум дождя за окном...
Жил, как мог...Неприкаянный пес...
Без друзей, без врагов...День за днем
Я свое одиночество нес...

Ночь в окно...Монитора экран
Чуть дрожит, как свеча на столе...
Диалога глазок: «...я твоя,
Ты мне нужен на грешной Земле...»

Чья-то шутка... нет, это не мне...
Страх в душе – может снова обман...
Но зовет чей-то крик в тишине
И не меркнет упрямый экран...
.....

Берег моря...Безбрежный рассвет,
Солнца диск, чуть касаясь воды...
У меня теперь все хорошо,
Потому что на свете есть ТЫ!

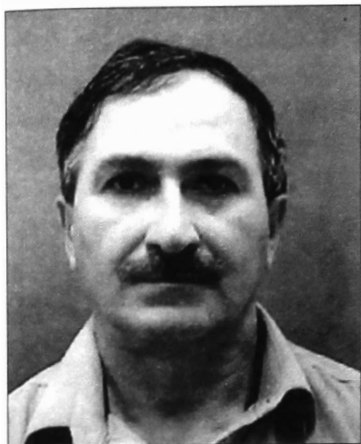
***

Вся жизнь моя была как ночь
.....сера, пуста,
Но знал – однажды ты придешь
.....и ждал всегда.
Встречал рассветы по весне,
.....шел на закат,
Искал в толпе твои глаза,
.....твой нежный взгляд.
Шагал сквозь осени пожар,
.....шел по снегам,
Пустыня мне постель была
.....и дом – тайга.
Шел за тобой на край земли,
.....искал средь звезд
И знал – мне выше ты дана,
.....Принцесса Грез...
Нашел! И вместе мы теперь
.....идем в закат,
Пусть ночь темна, но светит мне
.....твой ясный взгляд.

Хочу

Песком в пустыне,
..... дорожной пылью,
Дождем вчерашним,
..... забытой былью,
Рассветом ранним,
..... закатом солнца,
Кустом рябины
..... в твоём оконце,
Звездой полночной,
..... улыбкой лунной,
Листом опавшим,
..... травой буйной,
Сонатой Баха
..... и вальсом Листа,
Хочу быть нищим
..... и Монте Кристо,
Хочу быть слабым
..... и самым сильным,
Хочу любить
..... и быть любимым,
Быть черной сажой
..... и снегом белым,
Хочу твоим быть
..... душой и телом,
Быть где-то рядом
..... и вдаль умчаться...
Но убегая,
..... с тобой остаться.

ДАВЫДОВ Вячеслав

Родился в Москве в 1946 году.

Мать – горская еврейка, уроженка г.Куба.

Окончил Московскую консерваторию по классу гобоя. Работал преподавателем в московских музыкальных школах, училищах и в течение 15 лет на Военно-дирижёрском факультете при Московской консерватории, где защитил кандидатскую диссертацию.

Репатриировался в 1991 году. Стихи начал писать в 25 лет. В Израиле подтвердил степень доктора искусствоведения и выпустил три книги стихов: «Союз двух муз» (1996), «Россия издадека» (1996) и «На своей земле» (2001). В 2007 году в издательском доме «Мирвори» вышла его новая книга «Очерки о культуре горских евреев в Израиле», а в 2009 году так же в «Мирвори» была издана его первая пьеса «Любовь горца».

Регулярно публикуется в израильской периодической печати, альманахах и журналах. Активно занимается журналистской и краеведческой деятельностью.

Член Союза писателей Израиля с 1999 года.

С 2003 года является членом редколлегии и постоянным автором «Кавказской газеты».

У вечного огня

*Будут люди холодные, хилые,
Убивать, холодать, голодать.
И в своей знаменитой могиле
Неизвестный положен солдат.*

О. Мандельштам

Немало могил на просторах страны
Я видел – гражданских, военных.
Ещё одна есть – у Кремлёвской стены,
Где чувствуешь трепет священный.

Не можем забыть того страшного дня,
Когда ворвалась сила злая.
Погиб как герой он под шквалом огня,
Столицу в бою защищая.

Приказ ли правительства он выполнял,
Иль сердце сражаться велело?
Еврей или русский на поле здесь пал?
Юнец иль боец поседелый?

А сколько могил безымянных ещё
В бескрайних пространствах России...
Бойцы полегли, чтобы мир к нам пришёл,
Чтоб хлеб мы свободно вкусили.

Победа ценою бесчисленных бед...
Но кто же здесь в выигрыше всё же?
Кому перепали плоды всех побед?
Поверженным в битвах? Похоже.

Они поклониться солдату должны,
Что спас от неволи народы,
Что жизнь сохранил и цветенье весны,
Дал мир и святую свободу!

На страже

Хоть вроде и начался мирный процесс,
Израиль, как прежде, в осаде.
Арабов толкает по-прежнему бес
Страшить нас терактом в досаде.

И жизнь невозможно представить в стране
Теперь без охраны – «шомера».
В опаснейшей той, бесконечной войне
Он – наша защита и вера.

Куда ни пойдёшь ты, везде он стоит,
Все входы собой прикрывая,
И просит пакеты и сумки раскрыть,
Все вещи у нас проверяя.

Ту вахту не только мужчины несут.
И дамы, красою сияя,
Пришли выполнять с риском связанный труд,
Боязни и страха не зная.

«Шомер» всегда первый в нелёгком бою
Огонь на себя принимает.
Все почести в мире я тем воздаю,
Чьё мужество нас восхищает.

Посвящения

***

К юбилею «Кавказской газеты»

Мы ценим все «Кавказскую газету»,
Она наш информатор, близкий друг.
И горцы, что разбросаны по свету,
С любовью посвящают ей досуг.

За десять лет газета преуспела,
Став голосом общины на года.
И я горжусь, что в том великом деле
Есть также доля моего труда.

***

*Ноберту Евдаеву, редактору газеты
«Новый рубеж», США*

Мы рады здесь, в Нетании приморской,
Приветствовать Вас, Ноберт, дорогой.
Энергией «Бакинских ритмов» горской
Мы зарядились на Земле Святой.

Но Вы не только наш поэт прекрасный –
Вам свыше многогранный дан талант:
В истории искусств – искатель страстный,
Художник, журналист и музыкант.

В Нью-Йорке горский наш очаг культурный
Горит благодаря во многом Вам.
Газета Ваша – глас литературный
Людей, покинувших Азербайджан.

Вам, Ноберт, новых рубежей желаю
Во всём разнообразии трудов.
И книгу Вам стихов своих вручаю,
А в ней – к Земле Израиля любовь!

***

*Борису Едигарову,
создателю горско-еврейского музея*

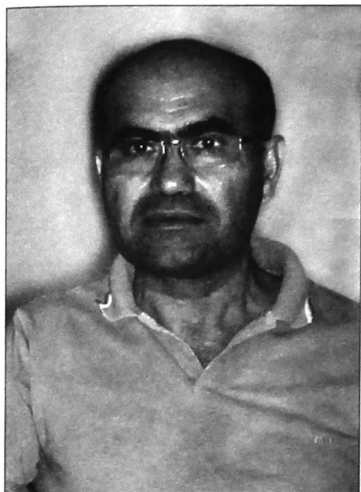
В Кавказском центре и музее,
Борис, приветствовать Вас рад.
Здесь могут горские евреи
Встречаться много раз подряд.

Вы с детства море полюбили
И создавали корабли,
Что океаны бороздили
По всем фарватерам Земли.

А здесь, В Израиле, в Хадере,
В душе всегда «морской» еврей,
Вы потрудились в полной мере,
Чтобы у «горских» был музей!

Мы благодарны Вам сердечно,
Что в нём история дана.
Здесь сохранили Вы навечно
Героев-горцев имена.

ХАНУКАЕВ
Борис

Читатели уже имели возможность познакомиться с творчеством Ханукаева Бориса в разделе «Проза на русском языке».

Синдром компомана

Неисповедимы пути интернетовы,
И успешно шалеем от этого.
Стол не нужен – у «компа» едим.
Не в тюрьме, но сидим и сидим...

Под дрожание...

Крошка сын к отцу пришёл,
И сказала кроха:
– В жизни очень хорошо
И, конечно, плохо.
Если грянет вдруг беда,
Вылезай из транса.
Мир хранит себя всегда
На оси баланса.
За бедой придут, папаш,
Радости мгновенья.
Но сотрут их блеск и раж
Будней треволненья.
Ты прими уж всей душой,
Что всегда лишь лохам
В жизни очень хорошо...
Нам – порой неплохо!

Само собой разглупеется

Поспорили яростно ключ и замок,
Кто большую важность имеет.
Вконец разошлись. И замок тот замолк.
И ключ без работы ржавеет.

Точка зления

Шипела змея, извиваясь игриво,
Что радость в зигзаге, в движении криво.
А те, кто старательно движутся прямо
Безвкусно живут и дурачки упрямы.

И роковую женщину...

И роковую женщину,
И даму без порока,
Послал нам рок...
Наверно, для урока.

ТРЕЗВУЧИЯ

*(Новый поэтический жанр.
Автор Б.Ханукаев)*

Лестница вниз

Этика.
Этикет.
Этикетка.

Извечное

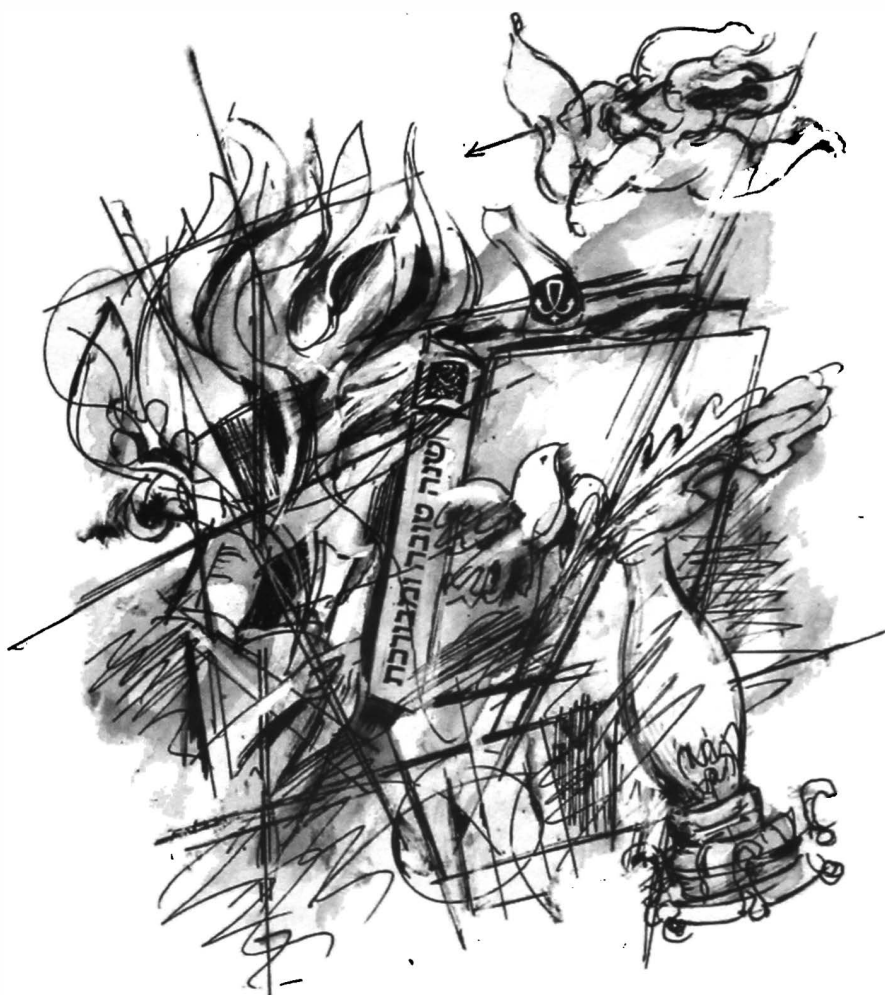
Веки –
Веки
Веков.

Лучше эликсира

Женщина –
Женьшень
Жизни.

Пара

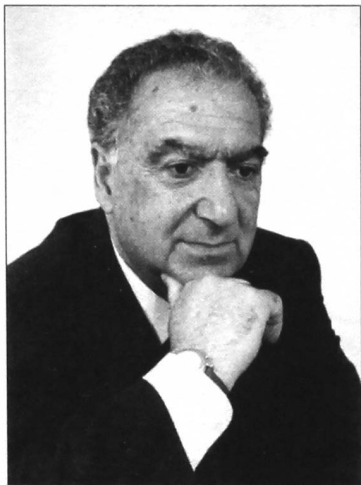
Я – ключ.
Но ты –
Ноты.

ПУБЛИЦИСТИКА

на русском языке

АГАРУНОВ
Михаил

Родился 4 декабря 1936 года в Баку. Высшее образование получил на химическом факультете Московского и Азербайджанского Государственных университетов. С 1959 года работал в Институте физики АН Азербайджана. Научная диссертация посвящена исследованию различных компонентов ракетных топлив.

В 1997 году утвержден в звании профессора Международной Экспертной Академии.

Последние 18 лет работает в области исследования истории развития культуры горских евреев, их языка и письменности. Является автором нескольких книг и более 210 научных и публицистических работ, опубликованных в различных странах мира. Участник многих международных научных конференций. Составитель «Большого словаря языка джури».

С 2004 года проживает в Израиле. Является членом Президиума Всемирного Конгресса горских евреев, Правления Международной Ассоциации «Азербайджан – Израиль», Союза горско-еврейских писателей Израиля, а также редколлегии «Кавказской газеты».

ИНТЕРЕСНЫЕ ВСТРЕЧИ В МОЕЙ ЖИЗНИ

(из выступления в Гамбурге перед русско-язычной еврейской общиной в 1999 г.)

В №5, №6 и №7 альманаха «Мирвори» уже публиковались выдержки из воспоминаний М.Агарунова о его встречах с Президентом Израиля Эзером Вейцманом, Президентом Вьетнама Хо Ши Мином, народными артистами СССР Юрием Никулиным, Рашидом Бейбутовым, поэтом Самедом Вургуном.

Председатель Госплана СССР
Н.К.Байбаков

Николай Константинович Байбаков был большим другом моего отца. Эта дружба окрепла, когда оба работали в системе руководства нефтяной промышленностью как в Баку, так и в Куйбышеве в военные годы.

Николай Константинович Байбаков, выходец из рабочей семьи, из рабочего Бакинского поселка Сабунчи, стал выдающимся хозяйственным руководителем страны, благодаря своему удивительному организаторскому таланту, работоспособности, спокойствию и рассудительности, а главное, своей доступности широкому кругу людей. Его любили все. И простой люд, и руководители производств, и коллеги, и высокое начальство, т.е. правительство страны. Бывали в его жизни и тяжелые годы, когда его перебрасывали из Центра в Краснодар, в Совнархоз, но совсем без него обойтись не могли. Он был нужен властям именно благодаря этим своим способностям, а также и своей коммуникабельности.

Один только раз, но это уже в период «горбачевщины», о нем появилась грязная заметка в «Известиях», будто бы за какое-то «проведенное в жизнь дело» Байбаков получил в виде взятки магнитофон. Возмущенный отец, показав мне

эту заметку, сказал: «Так очернить глубоко порядочного человека!». И буквально через неделю «Известия» поместили опровержение и извинились. Оказалось, что магнитофоны были премией группе лиц, и Николаю Константиновичу в том числе, за какое-то важное государственное мероприятие.

В книге моего отца Якова Агарунова «Нефть и Победа» Байбакову уделено много строк. В годы войны он был заместителем министра (тогда – заместителем Народного комиссара) нефтяной промышленности. Но ответственным за своевременную поставку горючих материалов фронту был не министр Седин И.К., а именно Байбаков Н.К., как человек, умевший оперативно решать насущные вопросы.

Я приезжал к Байбакову за предисловием к книге отца. Байбаков писал все лично сам. Правда, у него были помощники. Он при мне, после прочтения рукописи, продиктовал своей помощнице, что необходимо отметить в «Предисловии». Но когда я получил окончательный материал, то увидел, что он выполнен совсем иначе, более глубоко и более значимо.

Уже потом в своей книге «Дело жизни (записки нефтяника)» он будет ссылаться на книгу «Нефть и Победа», цитируя оттуда целые абзацы.

Много раз я общался с ним, бывал и на его квартире в Москве. Со мной он делился интересными событиями из своей деловой жизни. И о его встречах со Сталиным я знал ещё до того, как он описал их в книге «40 лет в правительстве».

А встречи эти были весьма интересными. Байбаков виделся со Сталиным один на один всего два раза. Первый раз, когда его назначили министром нефтяной промышленности СССР, встреча была очень краткой. «Захожу в кабинет, - рассказывал Байбаков, - а там никого нет. И вдруг откуда-то сверху зазвучал голос Сталина. Пока я сообразил... Оказалось, что Сталин стоял на стремянке у своего книжного шкафа. Медленно спустился, сказал несколько кратких напутственных слов и закончил: «Иди работай». Вот и весь инструктаж.

А вот про вторую встречу Николай Константинович рассказал мне более подробно. Байбаков был назначен ответственным за уничтожение нефтяных скважин и объектов нефтяной промышленности на Северном Кавказе на случай захвата фашистами этой территории. Сталин сказал ему: «Если не успеешь взорвать, и всё достанется немцам – расстреляем. Но если взорвешь, а немцы туда не войдут – тоже расстреляем». Это задание они выполняли вместе с Буденным. Тогда-то он мне и рассказал о безалаберности знаменитого кавалериста даже в подобных вопросах.

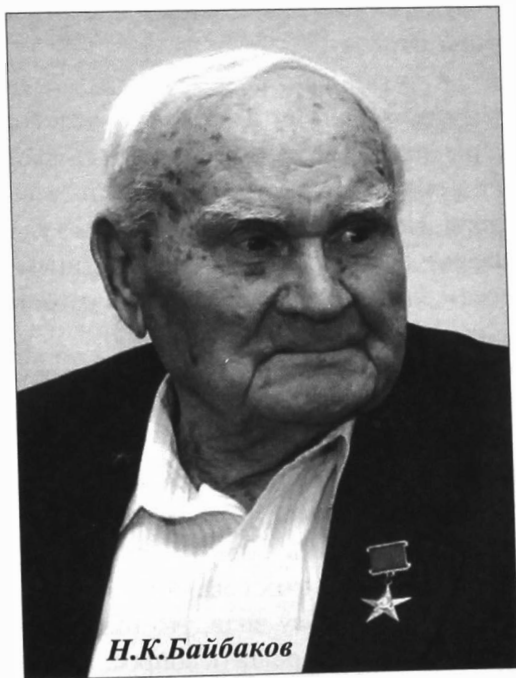
Когда Байбаков был уже не у власти, то есть когда он уже не был заместителем председателя Совета Министров СССР, его назначили Государственным советником Совета Министров. Была введена такая должность, чтобы не обидеть заслуженных людей. С одной стороны подобное назначение говорило «нам очень нужен ваш опыт, вы будете нас консультировать», а с другой – «обойдемся и без вас». Но даже и в этот период у него в приемной толпились люди.

Помню, это была одна приемная на трех Государственных советников – Байбакова, Алиева и Нуриева. Но шли, в основном, к Байбакову, зная, что только он даст нужный совет, поможет при своих связях оперативно решить вопрос.

Об одном из визитов к Байбакову я уже упоминал, когда рассказывал о том, как познакомился в его приёмной с Юрием Никулиным (альманах «Мирвори» № 5, 2009, стр.96). Но тот визит запомнился мне не только этим. Был там и ещё один маленький штрих, который ярко подчеркивает характер, если так можно выразиться, «нутро» этого крупного государственного деятеля и в то же время удивительно простого человека.

Я уже говорил, что Байбаков принял меня уже после ухода Никулина, но не в кабинете, а в маленькой боковой комнате, видимо, предназначенной для ленча, так как там уже был накрыт для него небольшой стол, прикрытый салфеткой. Конечно, он ни к чему не притронулся, пока мы вели беседу. Когда он рассматривал принесенные мною бумаги, один лист выпал и, кружась, залетел прямо под стол. И, представляете, этот человек тут же встает со стула, становится на четвереньки и лезет под стол за бумагой. Я не успел даже его опередить. Представьте ситуацию: крупнейший государственный деятель ползает под столом за оброненным им листком бумаги, а я, человек гораздо моложе него, сижу и жду, когда он там из-под стола вынырнет! Потом уже, вспоминая ту сцену, я понял, что это было вполне в его характере. Он уронил, он и поднял. Он не мог допустить, чтобы полез я, не его слуга и не его подчиненный. Маленький штрих, но какое дополнение к характеристике. Эта человеческая простота великих людей меня всегда поражала.

С Николаем Константиновичем мы встречались и в более непринужденной обстановке, когда он стал заместителем директора научно-исследовательского центра при Нефтяном институте им. Губкина. Я уже не помню точного его названия. Ректор института Владимир Николаевич Виноградов был

одновременно и его директором, но этот небольшой научный центр явно был открыт лично для Байбакова. Потому и управлял им только Байбаков, хотя и числился заместителем директора. В те годы он рассказывал мне о своей новой книге «От Сталина до Ельцина», а я поражался: ему тогда уже исполнилось 88 лет (он 1911 года рождения), но он по-прежнему полон энергии, у него колючий взгляд, но веселые с искринкой глаза. Он мне говорил, что обязательно проживёт более 103 лет. Его бабушка прожила 103 года, а наследственные гены, по его мнению, передаются через поколение.

К сожалению, обещаний своих он «не сдержал»: Н.К.Байбаков скончался в возрасте 97 лет в Москве, и страна при

прощании отдала ему заслуженные почести. А недавно, в начале марта 2011 г., и в России, и в Баку торжественно отметили 100-летие со дня его рождения. А я посчитал своим долгом направить в адрес оргкомитета свои воспоминания о моём знаменитом земляке.

Последняя наша встреча произошла в 2003 году. Рамиз Ризаев, посол Азербайджана в России, пригласил меня в посольство на встречу азербайджанского весеннего праздника Новруз. Здесь я и встретился в последний раз с Николаем Константиновичем. Он сидел за праздничным столом рядом со своим выдающимся земляком генерал-лейтенантом Керимом Алиевичем Керимовым¹. Я видел, как эти два пожилых человека, бодрые и подтянутые, на зависть многим молодым лихо опрокидывали рюмки в честь праздника родного Азербайджана.

Народный артист СССР Николай Сличенко

Интересно, что с Николаем Сличенко я, как и с Никулиным, познакомился благодаря Николаю Константиновичу Байбакову. Однажды, когда я был в его кабинете в институте им. Губкина, он предложил мне съездить в Куйбышев (ныне - Самара) на 50-летний юбилей газовой промышленности Поволжья. Ему в моем присутствии занесли приглашение. «Я не могу поехать, - сказал он, - очень занят. Поезжай-ка ты от моего имени», и протянул мне свой пригласительный билет.

Там, в Куйбышеве, мне как участнику юбилейных мероприятий вручили памятный значок и часы. Все это я честно привёз Байбакову, но он не взял, сказав: «Оставь себе, пусть будет как память об этой встрече».

Я не был в Куйбышеве 45 лет. И вдруг такая поездка! Не могу передать словами, с каким волнением я ехал посмотреть на места моих интересных детских лет. Но эта устроенная Байбаковым поездка запомнилась мне ещё и тем, что именно там я познакомился с Николаем Сличенко, и мы с ним провели целый вечер на парокходной прогулке по Волге.

С волнением входил я в зал Куйбышевского драматического театра. Было очень торжественно. Я сидел в первом ряду. Во время приветствий, в темном зале ко мне, полусогнувшись, чтобы не мешать остальным, подошел молодой человек и спросил, не желаю ли я выступить и сказать несколько приветственных слов. Безусловно, я заранее обдумывал такой вариант: может, стоит что-то сказать, ведь все военные годы отец работал секретарем Куйбышевского обкома партии по нефтяной промышленности. Ведь это при нем начиналось становление нефтяной и газовой промышленности «Второго Баку», юбилейную дату – 50-летие – которой мы в тот день отмечали. В книге отца «Нефть и Победа»

---

¹ Керим Алиевич Керимов – генерал лейтенант, Герой Социалистического Труда, лауреат Сталинской, Ленинской и Государственной премий СССР, Председатель Государственной комиссии по пилотируемым космическим полетам. О своих двух встречах с этой удивительной личностью я расскажу в следующих главах.

есть глава «Строительство первого в СССР дальнего газопровода». Хотя газовое месторождение было обнаружено здесь, в Бугуруслане, разведчиками в начале 1942 года, но эти запасы в сотни миллионов кубометров не использовались. И только бакинские строители нефтяной промышленности решили построить для своих нужд газопровод к рабочему поселку, который и оказался первым в стране дальним газопроводом, положившим начало широкому развитию в дальнейшем строительства газопроводов и в зарубежные страны.

В связи с тем, что поездка моя произошла неожиданно, без предварительной подготовки, я не мог, не успел взять необходимые документы, но два экземпляра книги «Нефть и Победа» я все же забрал с собой (все ведь находилось в Баку, а выезжал я из Москвы).

Конечно, мне от неожиданности предложения выступить было чуточку не по себе, но я согласился. Объявляют меня, выхожу на сцену. Чувствую, как звенит (или дрожит?) от волнения голос. Да и зрители это чувствуют. Сказал, вручил книгу руководителям объединения газовой промышленности. Что говорил, как говорил, не помню. Сильно волновался. Но зал разразился аплодисментами. Значит, говорил от души.

А на следующий день нам предложили совершить прогулку по Волге. Я бы с большей охотой использовал свободное время для работы в Государственном архиве Куйбышева, раз уж представилась возможность побывать в этом городе, собрать недостающие материалы о деятельности отца, чтобы пополнить свой архив, да и готовившуюся к изданию книгу. Но очень уж горячо просили. Я согласился и правильно поступил. Там, на корабле, я познакомился с представи-

телями последующего поколения бакинцев. Ведь многие бакинские нефтяники после войны так и остались там, в Куйбышевской области, не вернулись назад, нашли там себе новую родную землю.

Должен сказать, что я разочарован Волгой. В моих детских воспоминаниях это – широченная спокойно текущая река. А сейчас она мне показалась не такой уж широкой, вода будто бы стоит, а не течет. И вся река поросла какой-то зеленью. Говорили, что привели Волгу к такому состоянию гидроэлектростанции и всякие там запруды.

А вот корабль был прекрасный, со многими великолепными залами. В одном из них я увидел мужчину в белой спортивной одежде, который попивал у стойки пиво. Глазам не поверил. Сли-

Николай Сличенко

ченко! Николай Алексеевич Сличенко! А что он тут делает? Вроде бы не нефтяник! Я же тогда не знал, что такие прогулки делают так же, как и свадьбу, - с «генералом». Я подумал: может быть, этот прогулочный корабль не только для участников юбилейных торжеств, но также и для других туристов. Но когда увидел, как передвигают пианино, такое красивое, белого цвета, понял: Сличенко будет петь! Ну, а когда на самом деле Сличенко начал петь, и народ повалил в зал, то я уже сидел на самом выгодном месте.

Он сделал короткий перерыв (который, благодаря мне, затянулся). Артисту хотелось пить. Вы, наверное, обращали внимание: когда Сличенко поет, он постоянно облизывает губы, как бы смачивает их. У него постоянно пересыхает во рту. Такое обычно бывает у диабетиков.

Я моментально сообразил и тут же появляюсь с двумя бутылками пива. Мы сели за столик, я представился, сказал, что из Баку. Он мне говорит: «А у меня жена – азербайджанка». «Ну кто же в Азербайджане не знает имя актрисы Тамилы Агамировой?!», - говорю я и вижу, как ему приятно это слышать. Начали говорить о её ролях в фильмах «Кероглу», «Ее большое сердце» и из других. В общем, для начала знакомства повод нашелся.

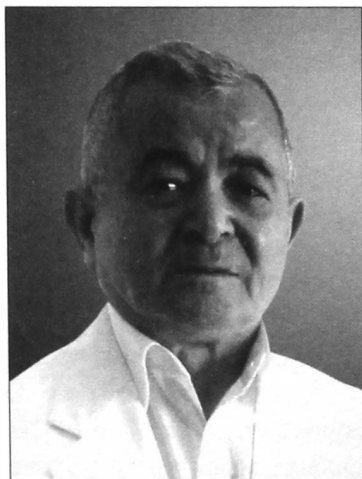
Эта беседа продолжалась долго. И когда ему надо было снова петь, а мы к тому моменту уже неплохо «нагрузились», я незаметно попросил гостей, чтобы оставили певца в покое. Так и было сделано. Да и ему самому явно не очень хотелось здесь на отдыхе задание развлекать гостей.

Он много говорил о цыганах, об их горькой участи: «Не хотят вести оседлую жизнь, а ведь только она приведет к полной цивилизованности». Рассказывал, как он находит для театра «Ромэн» артистов, как помогает создавать подобные коллективы в других центрах России. «А Вы знаете, что и Леонтьев – цыган?». Нет, конечно, не знал. Смотришь на этого человека и думаешь: а ведь не зря люди на земле вот так начинают любить и уважать определенную личность. Сколько любви, горечи, восторга в его словах, когда он говорит о своих сородичах.. Когда я сейчас вижу его по телевизору, совсем по-другому его слушаю и воспринимаю. Я даже иногда не слышу его песню, а слышу тот его голос, которым он мне говорил о своем народе. Как это здорово – знать человека с разных сторон. Тогда и более полно его понимаешь.

Известнейший актер! Он же пел и перед правительством, и на закрытых приемах... Такой человек мог бы говорить свысока, вести себя покровительственно. Но нет – в высочайшей степени скромно... Чувствовалось, что он даже немного комплексует.

Мы расстались дружески. Обменялись адресами. Но я после разных переездов адреса его найти уже не могу. Да, думаю, и он мой не сохранил.

ЕФИМОВ Иосиф

Родился в 1942 г., в Красной Слободе г. Куба (Азербайджан).

Окончил школу рабочей молодёжи, одновременно учился на курсах киномехаников при кинотеатре «Низами». Впоследствии приобрёл ещё много специальностей: работал на стройке, затем сварщиком по ремонту паровых котлов, сварщиком и контролёром по сварке и монтажу магистральных газонефтепроводов международного значения, прорабом, водителем-санитаром скорой помощи. За время своей трудовой деятельности объездил весь бывший Советский Союз. Имеет правительственные награды: орден «Дружбы народов» за строительство газопровода «Союз», медаль «За трудовое отличие» и др.

С 1990 по настоящее время проживает с семьёй в г. Франкфурт-на-Майне.

Всю жизнь интересовался историей своего народа и своей семьи. Им собрано немало документов, фотографий. Свои знания очень хочет передать потомкам, поэтому взялся за написание ряда исторических очерков-воспоминаний, один из которых мы предлагаем вниманию читателей.

УДИВИТЕЛЬНАЯ ЖЕНЩИНА ШУШАН БАТ НУВАХ

Светлой памяти бабули

Шушан бат Нувах Хаимовой (Агабабаевой)

Вот уже много лет меня беспокоит мысль о том, что я обязан написать о своём самом любимом человеке на свете – о моей бабушке Шушан бат Нувах. И вот, наконец, пишу...

Рассказывая о моей бабушке Шушан, я волей или неволей коснусь других людей – близких, родственников, земляков. В рассказе о её недолгой жизни мне придётся затронуть и тот исторический период, на который она пришлась, упомянуть и о хорошем, и о плохом – обо всём, что происходило в то время. Обещаю быть предельно честным, но если мои воспоминания кого-то обидят, заранее приношу свои извинения. История и факты неоспоримы, их должно знать поколение молодых, ведь это так важно, от кого мы произошли, кем были наши предки...

Начну с того, что бабушка Шушан родилась 15 апреля 1900 года в семье очень состоятельного купца Агабабаева Нуваха бен Агабаба, бывшего в то время главой еврейской общины поселка Еврейская слобода Кубинского уезда Бакинской губернии.

В этой строго религиозной семье на момент рождения дочери Шушан уже было двое детей: брат Агабабо и сестра Бэтивил. Брат, который был на 19 лет старше Шушан, к тому времени был уже женат, таким образом, она, лишь появившись на свет, сразу стала тётёй.

Когда бабуле было 8 лет (в 1908 г.), по заказу её отца в самом центре поселка были построены напротив друг друга два особняка из красного кирпича. Строил эти здания знаменитый тогда Уста (мастер) Хаим со своим сыном архитектором Гилилем. Все новые постройки слободы, включая синагоги, было делом их рук. И на всех этих постройках они оставляли

автограф «Гилил Бен Хаим», который на некоторых зданиях сохранился и по сей день. Но эти два дома, построенные ими для купца Нуваха Агабабаева, были самыми высокими и добротными, с узорами на фасаде и металлической кровлей. (При советской власти Нуваха и его братьев Асафа и Ихииля переселили в один дом, а другой был конфискован под административное здание, в нём поместили сельсовет, библиотеку, детский сад и т. п.)

Отец бабули Шушан был очень доволен работой строителей, почитал уста Хаима и его сына Гилила большими мастерами и в том же 1908 году, увидев в новой шестикупольной синагоге внука Уста Хаима, которому в этот день справляли бармицву, сказал: «Хороший мальчик, засылай сватов Уста. Отдам младшенькую дочку Шушан за твоего внука Шамаё!» Это была большая удача для Хаима и его сына Гилила. Тогда считалось за честь породниться с купцами Агабабаевыми. Так в 1913 году, когда моей бабуле Шушан исполнилось 13, а дедушке Шамаё 18, им сыграли свадьбу.

В свои 14 и 15 лет бабушка дважды рожала сыновей, но дети не выживали, возможно, потому, что она сама тогда ещё была ребенком. А в 1916, т. е. в 16 лет, она родила дочку Зою, старшую сестру моей мамы, и в этом же году стала матерью моему отцу. Как такое возможно? Сейчас поясню.

В 1916 году на Еврейскую слободу было совершено очередное нападение мусаватистов из Дагестана. Этот набег был не первым, но одним из самых кровавых. Слободчане яростно защищались, но нападавшим удалось захватить 14 человек, среди которых были, в основном, молодые мужчины 18-22 лет. Бандиты буквально линчевали их и выбросили на дороге, ведущей к железнодорожной станции Хачмаз. В числе этих 14 погибших был мой дедушка Миши бен Ифраим. Его сыну (моему отцу) на тот момент было всего два года, а его жене, Хасидо бат Гилил, дочке архитектора Гилила и, соответственно, родной сестре моего деда Шамаё, всего 18 лет.

После свершившейся трагедии на большом семейном совете было решено: моего 2-летнего отца отдать на воспитание его дяде Шамаё, а Хасидо выдать второй раз замуж за богатого купца Рахамимова Юшвага бен Овроом (кто-то из читателей наверняка помнит его дом, который при Советской власти было конфискован под поликлинику).

Так моя любимая бабуля Шушан стала матерью и моему отцу, и моей маме, которая родилась 1918 году.

Бабуля Шушан Бат Нувах

Волею судьбы мой отец Ифраим (Ефим) бен Миши стал старшим сыном бабули Шушан. Любила она его не меньше родных детей, но в 3-летнем возрасте с ним случилось несчастье. Взобравшись на табуретку, стоящую возле стола, мальчик потерял равновесие, ухватился за скатерть, но всё же упал, потянув её за собой. А на столе, на беду, стоял только что вынутый из печи чайник...

Сильные ожоги голени и бедра лечили целый год, от нестерпимых болей мальчик не мог ходить. А когда раны начали заживать, боли утихли, и бабушка начала его заново учить ходить, выяснилось, что отец сильно хромает, потому что одна нога стала короче другой. Видимо, за ожогами не заметили перелома, который сросся неправильно. Так он с детских лет стал инвалидом и получил прозвище «ленгэ Ифраим».

Несмотря на то, что мой отец воспитывался в семье Шамаё и Шушан, для Советской власти он был сиротой, сыном погибшего защитника бедноты. В связи с этим, он был направлен на учебу в Баку и в 1937 году оказался в числе первого выпуска Высшей партшколы.

В начале войны во время массовой мобилизации, отца со всеми вместе тоже забрали на фронт в действующую армию. Но в Закавказском военном

округе, в городе Тбилиси, куда эшелоны свозили призывников, были очень удивлены: как могли призвать инвалида, у которого одна нога короче другой на одиннадцать сантиметров?

Поскольку у отца было высшее партийное образование, военное командование округа решило направить его на специальные курсы, а затем на работу в военкомате по месту жительства. Так мой отец стал военкомом и председателем сельского совета в поселке Красная свобода Кубинского района в самое страшное, грозное время войны.

На долю моего отца выпала весьма незавидная участь. Начну с одного случая, который чуть не закончился для него и для всей

Внизу с права бабуля Шушан

семьи весьма трагично. Однажды отец как председатель сельсовета контролировал очередность в хлебном магазине Кубы, и ему пришлось вытолкать вон женщину, которая, нахально распахивая всех, пыталась залезть без очереди. А дальше случилось непредсказуемое: отца немедленно арестовали. Говорили, что женщина, с которой он так строго обошёлся, оказалась Хаджижей, сестрой Мирджафара Багирова. ✓

Отца без суда и следствия забрали прямо в тюрьму, прошло несколько месяцев, семья пыталась выяснить, что с

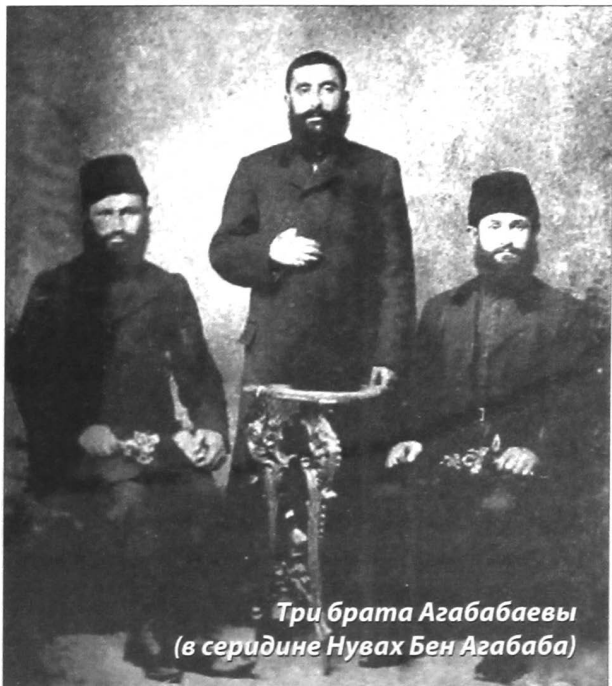
ним, где он, но не получала ни ответа, ни привета. И тут моя бабуля Шушан совершила невозможное. Она собралась, поехала в Баку, в тот же день попала на приём к Багирову, Первому секретарю компартии Азербайджана, и уже на следующий день отец, как ни в чём не бывало, вернулся домой. -

Весь секрет заключался в том, что бабушка с Багировым, уроженцем Кубы, была знакома с детства. Бабушка даже называла его детской кличкой «Кечал». А впоследствии будущий глава республики очень часто прятался в доме Агабабаевых от разыскивавшей его царской охранки.

Бабушка Шушан смогла уберечь отца от тюрьмы, но не в силах была защитить от народной молвы. Время было такое. В те суровые годы многие люди, лишь только получив повестку, сразу же являлись в военкомат. Немало было и ребят, которые, не достигнув призывного возраста, просились добровольцами на фронт. Но были и те, которых приходилось забирать силой, под конвоем, со скандалом. И тут уже ничего не зависело от моего отца: подошел возраст – обязан идти на фронт. Льгот не было ни у кого, и отец просто выполнял свой долг. Своих братьев, дядю и других близких родственников тоже призывал мой отец. А дезертиров рано или поздно ловили, и вместо армий, они попадали в заключение. К счастью, таких было мало. ,

Очень скоро многие люди, и мал, и велик, начали показывать на отца пальцами, приговаривая: «Это он забрал на войну моего сына (отца, дядю, дедушку...). Особенно тяжело стало, когда в слободу начали приходить похоронки и извещения «пропал без вести». Люди были озлоблены потерей близких, многие не контролировали свои действия.

Участились случаи дезертирства – слободчане всячески пытались спря-

Три брата Агабабаевы
(в середине Нувах Бен Агабаба)

тать своих детей, достигших восемнадцати лет, от призыва в армию. А один раз такой грех совершила и моя бабушка Шушан. Шёл 1943 год. Не посоветовавшись с отцом, бабушка с дочками Тamarой (моей мамой) и Ёвдит решили спрятать в нашем доме Бенсиона Илиева (родного отца известных сегодня российских бизнесменов Лазаря, Давида, Ярохома, Зараха, и Савелия Илиевых), которому только-только исполнилось восемнадцать. Дело в том, что из семьи Илиевых на фронт уже ушли 2 сына, а на одного из них, Исроиля, мужа Ёвдит, пришло извещение «пропал без вести». И моя бабушка посчитала, что несправедливо забирать у родителей и третьего сына.

Возможно, женщины думали, что приехавшая из города комиссия дом военкома проверять не будет. Но когда увидели, что приезжие вместе с отцом направляются, прежде всего, именно в наш дом, натянули на юного Бенсиона платье, посадили его перед моей люлькой – «гуфора» и накрыли головным платком (так поступали наши женщины, когда кормили детей при посторонних).

Зайдя в дом и сразу же поняв, что натворила его мама Шушан, отец похолодел от страха, но виду не подал.

– О, Ефим, это твоя жена кормит ребенка? – спросил председатель комиссии. – Сын? Поздравляем! Как называли?

– Иосифом, в честь прадедушки Юсуфа, – ответил отец.

– А это кто? – спросил председатель, показывая на мою маму, тоже сидящую рядом с люлькой.

– Это? Это сестра жены, – сказал отец первое, что пришло в голову, – приехала из Баку погостить.

Председатель вышел, за ним вся комиссия и конвойные, а в нашем доме все ещё долго сидели в оцепенении. Возможно, они только сейчас поняли всю степень опасности, которой подвергались. Спасая одного, бабуля рисковала всеми нами, от мала до велика. Если бы правда открылась, дезертира бы расстреляли, а нас всех за укрывательство – в Сибирь без суда и следствия. Но отец мой ни тогда, ни потом за всю свою

Бабуля Шушан одета в гобо

жизнь не сказал ни слова упрека своей второй матери, которую любил больше, чем родную.

На долю моей бабушки выпала нелёгкая жизнь. Она пережила революцию, две войны, её сын (мой дядя Ариэль) вернулся с фронта контуженным инвалидом, не вернулись два её двоюродных брата, племянник, зять...

Окончилась война, но не окончились бабушкины беды. Я ещё не упоминал о том, что мой дед Шамаё был раввином. В послевоенные годы, когда возобновилось гонение на религиозных деятелей, моего деда по сфабрикованному доносу арестовали. В 1948 году он в тюрьме заболел и скончался. А бабушка осталась одна с тремя неустроенными детьми – с 19-летней дочкой и двумя сыновьями 16 и 12 лет. Мои родители к тому времени уже жили в Баку, и, выдав замуж дочку, бабуля с двумя сыновьями переехала к нам.

Если всё, что описано выше, я знаю из семейных рассказов, то все дальнейшие события – это уже мои собственные воспоминания. Жили мы в полуподвальной квартире трехэтажного дома. Я помню мою бабушку очень доброй. Ни разу не видел её злой, раздражённой, не было случая, чтобы она ругалась или повышала на кого-то голос. Она всегда была одинаково ровной и заботливой и со взрослыми, и с нами, детьми. И постоянно трудилась: позже всех ложилась спать и раньше всех вставала.

А ещё я помню чудеса, которые творила моя бабуля. Однажды она рано утром куда-то уехала и вернулась поздно вечером с тяжелым мешком на спине. В мешке лежали огромные куски морской соли. Потом она два дня варила эти глыбы, и каково же было моё удивление, когда всё это варево в итоге превратилось в нормальную мелкую поваренную соль, которую долгое время у неё покупали люди со всей округи.

А ещё бабушка варила сахарный песок. После того, как он густел и высыхал, мы всей семьёй кусачками крошили сахар на мелкие куски, а потом пили с этими вкусными кусочками чай «вприкуску».

Бабушка вообще пыталась сэкономить и заработать, где только могла. Продавала жареные семечки, потом ещё что-то, а в один прекрасный день принесла откуда-то плитки парафина. Мы всей семьёй плавили его на паровой бане, крутили пряжу для фитилей, окунали эти фитили в парафиновую жижу. И постепенно, после многих окунаний, наши фитили превращались в свечи. Бабуля вообще очень быстро реагировала на дефицит, а, как известно, после войны многое было недоступно бедным семьям, в основном жившим в Баку в подвалах и полуподвальных помещениях. ✓

Шли годы. После женитьбы сына Гилила, бабушка переехала к нему, но наша семья и тогда продолжала чувствовать её заботу. Очень часто она забирала меня с собой на работу. А работала бабушка по найму – делала уборку у стоматолога на ул. Зевина.

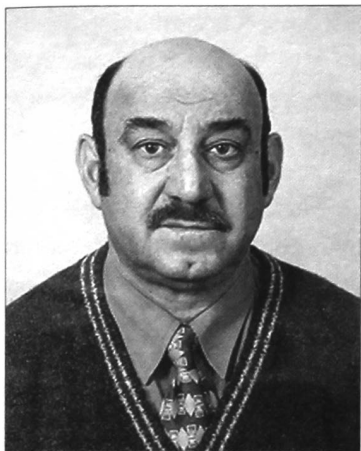
В 1961 г. я был призван в Советскую Армию, и последний раз видел бабулю Шушан в 1963 году, когда получил 10 дней отпуска. Была осень, прохладно, дни пролетели очень быстро, не успел приехать, а уже настала пора

возвращаться. Провожать меня поехали все родственники – целый автобус. В те годы ещё не было огромного аэропорта в поселке Бина, и провожающие выходили прямо к самолёту. Когда я поднялся по трапу, начался проливной дождь, и все побежали в укрытие под навес. В иллюминатор я видел, что под проливным дождём осталась только одна моя любимая бабуля. Она стояла и смотрела на медленно катящийся к взлетной полосе самолёт. Как будто чувствовала, что больше не увидимся. А я смотрел на неё и думал, что в свои 63 года она выглядит на все 80.

Так оно и вышло. Демобилизовавшись в октябре 1964 года, я вернулся домой, но бабушку в живых уже не застал. Родные рассказали мне, что весь последний год её единственный брат Агабабо Бен Нувах, которому было 83 года, очень тяжело болел, и бабушка всё время ездила в Кубу за ним ухаживать. Не успеет вернуться и опять собирается к нему. А в последние дни она всё время была у его постели, хотя там и без неё хватало близких. очевидцы рассказали мне, что перед кончиной брат ударил её по щеке и сказал: «Я ухожу, а ты остаёшься». А она плакала, держала его руку и всё время повторяла: «Нет, я уйду за тобой» (Жон бирор, меш эдем оморе э туьревоз). Брата похоронили, после всех поминок она вернулась в Баку, а через неделю, в день, когда ей должно было исполниться 64 года, просто не проснулась...

Ушла из жизни младшая дочь богатейшего купца-миллионера в день своего рождения в совершеннейшей нищете. •

ИЛЬЯСОВ Павел

Павел Ильясов родился в 1948 году в городе Грозном. Окончил техникум, Грозненский нефтяной институт. В школьные и студенческие годы был членом редколлегии стенгазеты, а затем и редактором заводской многотиражки. Многие годы работал в системе нефтехимпрома в Грозном и Баку, куда переехал в 1975 году. Окончил курсы рабочих корреспондентов, являлся внештатным корреспондентом газеты «Вышка».

В 1990 году репатрировался в Израиль. Проживает в городе Нагария. В Израиле окончил двухгодичные курсы по еврейской философии, еврейской истории и иудаизму. Имеет диплом лектора института гуманистического иудаизма.

Член союза писателей Израиля, постоянный автор «Кавказской газеты» и альманаха «Мирвори».

ДЖУУРИ – ЯЗЫК ПЕРВОЙ В МИРЕ ЕВРЕЙСКОЙ ДИАСПОРЫ

(к вопросу о сохранении языка горских евреев)

Язык горских евреев «джуури» имеет довольно древнюю историю. Являясь языком первой еврейской диаспоры, он впитал в себя множество элементов других языков, главным образом, иранского, турецкого, арамейского, древнееврейского и даже арабского.

Известный израильский общественный деятель и публицист Борис Шальмиев (Б.Б. Ма-ноах) в книге «Пленики Салманасара» пишет о языке джуури следующее: «Определение этого языка как «татского» или «еврейско-татского» ошибочно. Мы не берёмся судить о сходстве еврейского и татского языков в прошлом, но утверждаем, что современный еврейский язык на Кавказе настолько далёк от татского, что говорящие на этих языках не понимают друг друга и на 50%. Следует также подчеркнуть, что в татском языке нет древнееврейских слов».

А поэтесса Фрида Юсуфова в своей книге «Золотые россыпи» пишет: «Сохранив наш родной язык, сохранив свои имена, а имена горских евреев почти все из Танаха, мы сохраняем себя как народ... Живя тысячелетиями в галуте, мы сохранили самобытность своего языка, а вместе с ним и самобытность нашего народа».

В книге «История и культура горских евреев Кавказа» (составитель д-р исторических наук Лия Мигдаш-Шамаилова) в статье «История развития языка» М. Агарунова читаем: «В ходе длительного пребывания на территории современного Ирана и Ирака предки горских евреев, говорившие ранее, вероятнее всего, на иврите и арамейском, усваивали иранский язык. При этом, переходя постепенно через промежуточный этап двуязычия на новый для себя иранский язык, они сохранили отдельные фонетические и лексические элементы своего старого языка, т. е. с определённой долей уверенности можно утверждать, что субстратом языка горских

евреев является иврит либо арамейский язык. Бытующий в народе свой секретный язык, так называемый «зуһун имрони», которым иногда пользуются некоторые знающие его горские евреи, чтобы их не поняли окружающие, даёт основание предположить, что субстратом языка, возможно, был именно арамейский».

↓ В книге Дона Ихилова «Этногенез и древняя история горских евреев Кавказа» говорится о записках путешественника раннего средневековья Эльдада Данита: «Этот путешественник застал горских евреев Кавказа, говоривших на языке, в котором одновременно, наряду с персидскими словами, были слышны слова из древнееврейского и тюркского языков».

Путешественник был на Кавказе более чем 1100 лет назад, и уже тогда язык джуури имел такую же форму, как и сегодня. Надо полагать, что язык евреев Кавказа сложился ещё на стадии ассирийского пленения, когда часть пленников попала в район сегодняшнего Ширвана.

В 1887 году профессор Всеволод Миллер выступил на археологическом съезде с докладом «О происхождении и языке горских евреев», в котором высказал мнение, что именно предки горских евреев передали свою веру хазарам.

Общеизвестно, что в государство хазар стекались еврейские беженцы из Персии, Аизантии и Вавилона. В книге Артамонова «История хазар» перечисляется большое количество документов, написанных на иврите и найденных при раскопках. Переписка кагана Иосифа с еврейским учёным и дипломатом из испании Хасдаем ибн Шафрут (Хасдай Абу Юсуф бен Исаак бен Эзра бен Шафрут) также велась на иврите. Ведь известно, что письменным и устным языком верхушки хазар, исповедовавшей иудаизм, был иврит. Однако подвластный им народ пользовался, в основном, диалектами тюркского языка.

↓ Современные горские евреи – это особая этническая группа, включающая в себя потомков нескольких миграционных волн. Вместе с тем еврейская община Кавказа одна из самых древних общин еврейской диаспоры. И не удивительно, что в языке джуури имеются слова из арамейского языка, иврита, но основной его частью является один из диалектов персидского языка.

Как говорилось выше, община евреев Кавказа формировалась из разных миграционных волн. В 350 году до н.э. из Иерусалима была переселена большая группа ультраортодоксальных раввинов, ведущих своё происхождение от колена Иуды. Они организовали восстание против персидских правителей, за что и были депортированы в северо-восточную часть Персии на территорию современного Иранского Азербайджана, в так называемую Гирканию. Эта волна принесла в самую древнюю еврейскую диаспору святой дух второго храма. Именно они принесли на Кавказ канонизированную Тору и новые по тем временам талмудические традиции, а также обогатили язык джуури словами иврита. раввины из колена Иуды предвидели политические изменения в Палестине: греко-римскую экспансию, войны, отказ от веры предков и падение Второго Храма. Именно эта волна повлияла на порядок проведения молитв кавказских евреев и «развернула» молитвенную кафедру лицом на запад. Все последующие волны еврейской эмиграции проходили через Кавказ, и продолжали путь в сторону обширных пространств Восточной Европы.

После падения Второго Храма евреи переселились в города Римской империи, а в последующие века – в Северную Африку, на Пиренеи, Балканы, в Западную Европу. Америку и Австралию. В голуте складывались как сами еврейские общины, так и их языки. По сведениям КЕЭ их сегодня насчитывается двадцать пять. Большинство языков использовали ивритский алфавит, но в XX веке произошли определённые изменения, переход на латиницу, а также утрата некоторых диалектов.

Горские евреи Ширвана, Кубы, Дербента, Махачкалы, Грозного, Нальчика, а также большого количества селений (по сведениям И.Ш. Анисимова, всего на конец XIX – начало XX века насчитывалось около 88 населённых пунктов с компактным проживанием представителей горско-еврейской общины) говорили на четырёх диалектах языка джуури. На кайтагском диалекте говорят горские евреи северного Дагестана и остальных районов Северного Кавказа, на дербентском диалекте – жители южного Дагестана, на кубинском диалекте – северного Азербайджана, на ширванском – жители Шемахи, Варташен и др.

Во второй половине XX века произошли большие демографические изменения. Вот что пишет ректор Еврейской академии им. Маймонида проф. М. Членов: «Опустели почти все насиженные горско-еврейские очаги. Опустела Махачкала, сильно уменьшился в численности еврейский Дербент, около 1500 человек осталось в некогда многолюдной Колонке в Нальчике, опустел Варташен-Огуз. Держится только Куба, да сколько ещё продержится она?

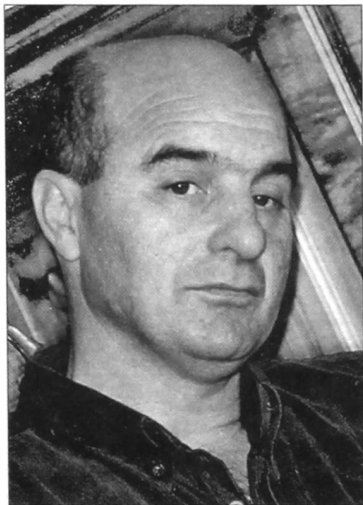
Возникли новые горско-еврейские центры в Пятигорске, в Москве, в Петербурге. Ну и, конечно, в Израиле, где теперь обитает уже большинство горских евреев и где дети, родившиеся и выросшие в еврейском государстве, болтают уже не на татском и русском, а на иврите».

Образование государства Израиль, репатриация евреев на их историческую родину, создали так называемый «плавильный котёл», в котором перемешиваются еврейские этнические группы. Этот процесс приводит к потере прежних традиций, языка, культурного наследия – музыкального и литературного фольклора.

Складывается новый израильский народ с языком иврит, с общими культурными традициями, с современной еврейской кухней. Однако и здесь, в Израиле, в последние годы много делается для сохранения этнического наследия. Выходят общинные газеты, проводятся фольклорные фестивали.

В Израиле много лет существует горско-еврейский театр, играющий свои спектакли исключительно на джуури, выходят в свет книги на этом языке. А кавказские рестораны, открытые во многих городах страны, сохраняют традиции исконной горско-еврейской кухни.

Вышедшие за последнее десятилетие словари М. Агарунова, М. Дадашева, Э. Изгияевой, Ф. Юсуповой могут стать прекрасным подспорьем для тех, кто хочет сохранить язык джуури в условиях Израиля, но, к сожалению, их недостаточно. Нужны курсы по изучению языка, необходимо добиться открытия кафедры или отделения на кафедре одного из университетов, где студенты могли бы изучать этот язык на более высоком уровне. Задача непростая, но её нужно решать, если мы хотим сохранить наш язык и передать его следующим поколениям.

МИХАЙЛОВ Эмиль

Родился в 1955 году в Дербенте. В Израиле с 1979 года. Живёт в Нетании. В 1998 году окончил институт искусств Шломо Дрора.

Ранее Эмиль был известен знатокам и любителям культуры горских евреев как художник. Его работы включены в альбом-каталог «Краски времени». Он участвовал в различных выставках, в том числе и в коллективных выставках художников – выходцев с Кавказа.

Работает и учится, в последнее время занялся изучением ювелирного искусства.

Эмиль – автор всех альманахов. В первом номере альманаха «Мирвори» были опубликованы стихи Эмиля Михайлова, а во всех последующих к стихам добавились и его публицистические очерки о горских евреях.

ОТ ГОРЫ СИОНСКОЙ К ГОРАМ КАВКАЗСКИМ

Продолжение.

Начало в альманахах «Мирвори» № 3-7

В конце X века на Северном Кавказе проживало более семидесяти племён со своими языками, традициями и фольклором. Самой многообразной в этом плане частью Северного Кавказа являлся Дагестан. На его территории находилось множество малых и больших княжеств, которые часто враждовали между собой. Самыми могущественными из них являлись Серир, Филан, Туман, Зерегеван, Кумик, Табасаран.

Концентрация большого числа евреев подготовила почву для создания в Дагестане еврейского княжества. Оно располагалось севернее города Дербент (по сообщениям Масуди и других арабских источников X века). А его центр предположительно находился на месте нынешнего селения Маджалис (А. Полак «Хазария». Тель-Авив, 1944 г., стр. 130). Сосуществовавшие с этой территорией народы называли её Джуудстан, т. е. еврейская страна.

Титул «Еврейский князь в Дагестане» (А. Солженицын «Двести лет вместе», М., 2001 г., кн. I, стр. 17) был известен далеко за пределами Северного Кавказа. Несмотря на то, что Хазарское царство после нападения русского князя Святослава прекратило своё существование, еврейское княжество Дагестана, по мнению многих современников, считалось преемником Хазарии. В 970 году оно устояло перед нападениями Гянджинского (азербайджанского) князя (Ибн-Хаукаль, арабский историк X века) и продолжило своё существование вплоть до конца XIV века.

Основным занятием евреев Дагестана по прежнему оставалось земледелие, а в последствии и скотоводство (А. Осман «Пути евреев в

Российскую Империю». Израиль, 1999 г., стр. 108). Их язык представлял собой смешение мидоперсидского, древнееврейского и других элементов с использованием для письменной речи древнееврейского (иврит) алфавита¹. Интересно, что в разных источниках этот язык называют то древнеперсидским, то новоперсидским. Приведу только два примера, касающихся этого аспекта. «Мусульманские купцы, как и еврейские купцы-рахданиты, доходили до Китая, где в г. Кайфын было найдено письмо VIII века, написанное ивритскими буквами на новоперсидском языке». (Е. Березанский «Евреи, Хазары, Русь». Израиль, 2006 г., стр. 76).

«Потомки колен Иссахара, Завулуна, Шимона и Менаше имеют царство в горах Кавказских. Живут они здесь с незапамятных времён, раньше разрушения храма в Иудее, и исполняют они все предписания еврейских законов. Говорят они на двух языках: на древнееврейском и древнеперсидском». («Книга Эльдада Хадани» – испанского путешественника еврейского происхождения начала IX века).

В начале XI века Южный Азербайджан был захвачен тюркоязычными сельджукскими огузами, а немного позже и Северная часть Азербайджана, Ширван, попадает под их владычество. Нашествие огузов наносит ущерб экономике Азербайджана, Расселение огузов и других тюркоязычных племён, участвовавших в нашествии сельджукских войск, а впоследствии и приток в Азербайджан кипчаков с Предкавказья, способствовали интенсификации («История Азербайджана с древнейших времён до наших дней», Баку, 1995 г.) процесса языковой тюркизации коренного населения. В эти годы складывается азербайджанский язык тюркской системы и формируется азербайджанская народность.

В конце 70-х годов XI века территория Южного Азербайджана была включена в состав Великой Империи сельджуков. На ширван сельджуки наложили дань в размере 70 тысяч динаров. (Всемирная история. Т.3, М., 1975 г.)

До пришествия тюркоязычных военных кочевых племён в Азербайджан основное население этой части Южного Кавказа говорило на близкородственных наречиях мидоперсидских языков. Поэтические произведения вплоть до VII века писались, в основном на языке фарси, а научные труды – на арабском.

Евреи Восточного Кавказа, как правило, говорили на одном из диалектов мидоперсидского языка, а, следовательно, лингвистически мало отличались от других национальностей этого региона.

Тюркские кочевые племена, наводнившие Кавказ, дают евреям новое имя «таты». Евреи, в основной своей массе, занимались земледелием, а на языке тюркских военно-кочевых племён слово «тат» означало «земледелец, подчинённый кочевникам» (Л. Гумилёв. «Древние тюрки», М., 1993 г., стр. 117).

Как свидетельствует Советская энциклопедия (т.7, стр. 18) в те же года в

---

¹ Этим алфавитом евреи Кавказа или горские евреи пользовались вплоть до 1929 года, когда письменность была переведена на латиницу, а в 1938 – на кириллицу.

Азербайджане проживали персы из знаменитой династии Бую-тат, попавшие туда в качестве колонистов. В некоторых областях древнего Азербайджана евреи и персы селились рядом друг с другом, и поскольку обе эти этнические группы были персоязычными и к тому же обе занимались земледелием, тюрки не видели в них особых различий и всех называли «татами».

А. Полак в своей книге «Хазария» (Тель-Авив, 1944 г., стр. 126) пишет: «Татами тюрки называли жителей тех поселений, которые разговаривали на ином языке. На Восточном Кавказе это название распространилось на две группы народов, которые разговаривали на персидских наречиях, – евреи Дагестана и крестьяне-персы Азербайджана. Тюрко-арабский словарь, изданный в Египте в 1313 г., переводит слово «тат» как «фалах», т. е. крестьянин, земледелец.

А у И. Давида в книге «История евреев на Кавказе» (Тель-Авив, 1988 г., т.1, стр. 93) мы читаем: «Название «тат», как кажется, не есть этническое, т. е. не означает известного народа, а определяет только образ жизни и социальное положение».

В XII веке Азербайджан одним из наиболее развитых в экономическом отношении государств в регионе. А такие его города как Табриз (административный центр нынешнего Иранского Азербайджана), Марага, Ардебиль, Байкалан, Гянджа и Шемаха становятся богатыми ремесленными центрами страны.

«Около 1160 г. в горах Северо-Западного Ирана (Древняя Мидия – прим. автора) восстали еврее-горцы во главе с Давидом Алрой, призвавшим к походу с целью освободить Иерусалим» (А. Оксман. «Пути евреев в Российскую империю», Израиль, 1999 г., стр. 50).

Давид Алрой – бесстрашный человек, родившийся в Курдистане и избравший себе новое имя Давид (настоящее имя Менахем бен-Шломо Ал-Руйи) в честь царя Давида, появляется в Азербайджане, провозглашает себя спасителем еврейского народа и начинает набирать армию для освобождения Иерусалима от крестоносцев. Несколько тысяч местных азербайджанских евреев, вдохновлённые речами Давида, вступают в его армию.

Алрой начинает свой поход и захватывает крепость в городе Амадии к северу от Мосула. Но Багдадский халиф, решив, что создание еврейской армии – это прямая угроза его власти, срочно вызывает к себе руководителя еврейской диаспоры (Рош Гола) и выдвигает перед ним ультиматум: либо Алрой распускает свою армию, либо он, Багдадский халиф, отдаст приказ об уничтожении евреев его империи.

Руководители еврейских общин обращаются к Алрой с требованием отказаться от намеченных целей. Но тот категорически противится и, напротив, предлагает им включиться в его борьбу против врагов еврейского народа.

Своим отказом Алрой подписывает себе смертный приговор. Через короткое время он погибает от руки своего зятя, получившего за это убийство вознаграждение от губернатора Амадии. Но даже после гибели Алрой ещё долгое время в Азербайджане (Общая энциклопедия, Тель-Авив, 1978 г.) продолжают существовать военизированные группировки, ставившие перед собой утопическую задачу освобождения Иерусалима.

В середине XII века приходят в упадок и утрачивают своё значение Талмудические академии Вавилона. (С. Дубнов. «Краткая история евреев». С-П., 1912 г.) По этой причине прекращается и поток еврейских юношей с Кавказа в Вавилон. Образование еврейской молодёжи полностью переходит в компетенцию местных раввинов.

Иудейское царство в районе каспийского моря (Беньямин Тудельский – еврейский путешественник начала XII века) продолжало своё существование. Евреи жили общинным строем, поддерживая добрососедские отношения с окружающими мусульманами.

«Уведённые из Израиля раньше разрушения Иудейского Храма, их предки были свидетелями восхода и заката Вавилона, Персии, Мидии, Парфии и Греции. Они, горские евреи, наподобие идиша – языка ашкеназских евреев, создали свой язык с персидским диалектом и древнееврейским алфавитом.

Эта маленькая община, отрезанная от цивилизации и изолированная от других еврейских диаспор, смогла продержаться и продолжала соблюдать еврейские традиции, несмотря на окружение мусульманских горцев. Их традиционная жизнь – в сёлах, также их занятие земледелием и езда верхом несколько не отличали их от соседей.

Они и земледельцы, и охотники, смельчаки и герои. Поистине, еврейские воины – это такая редкость в еврейских диаспорах мира» (Бен-Ами. «Между серпом и молотом». Тель-Авив, 1965 г., стр. 146-171).

В начале XIII века в степях Центральной Азии сложилось сильное монгольское государство. Это событие повлекло за собой последствия, имевшие всемирно-историческое значение. Вступив в союз с некоторыми племенами, обитавшими в степях и предгорьях Центральной Азии и Южной Сибири, монголы во главе со своим вождём Темучином, более известным под именем Чингисхан, в 1207 году начали предпринимать завоевательные походы.

По имени могущественного племенного союза татар соседние народы называли и другие монгольские племена «татарами» (Всемирная история, М., 1957 г., т.3) Отсюда и название «татаро-монголы».

Подчинив себе племена, обитавшие на севере от реки Селенги в долине Енисея, завоевав страну уйгуров в Восточном Туркестане, в 1211 году Чингисхан направляет свои войска в сторону Северного Китая (государства Цзинь), завоёвывает его и разрушает столицу Яньцзинь (современный Пекин), а в 1215 году направляет свои войска в сторону Хорезма – огромного и сильного государства в Средней Азии.

В 1220 году монгольские войска овладевают Бухарой и Самаркандом. Хорезмские войска капитулируют перед отрядами несокрушимого Чингисхана. Хорезм-хан Мухаммед в панике покидает Хорезм и под прикрытием своих телохранителей отправляется в страну Ирана, где находит убежище на одном из островов Каспийского моря. «В XIII веке уровень Каспийского моря был иной, и на море были острова, которые позднее исчезли» (В. Ян. «Чингизхан». М., 1960 г., стр. 184).

После завоевания Хорезма войска Чингисхана проникают в Иран, разрушая всё на своём пути. В 1222 году монгольские полководцы Джебе и Субутей вторгаются в Азербайджан, затем на территорию Северного Кавказа, а оттуда движутся на Русь.

Второй поход монгольских войск происходит в 1235-1239 гг. Они вновь разрушают Закавказье, опустошают Северный Азербайджан, Восточную Грузию и Армению. В результате были разрушены города Гянджа, Шамхор, Ани, Карс, Дербент и др. Азербайджан, благодаря обилию прекрасных пастбищ, стал основной областью кочевания монгол (Всемирная история. М., 1957 г., т.3).

Орды кочевников безжалостно уничтожали зороастрийцев, мусульман, евреев и христиан. Были уничтожены научные книги, погибло много учёных людей (М. Бойс «Зороастрийцы», С.-П., 1993 г., стр.190). Впоследствии монголы становятся более терпимыми к другим религиям, в том числе и к иудаизму.

В эти годы как на территории современного Дагестана, так и в Азербайджане отмачается наличие большого числа евреев (Гильом Рубрук – посол Людовика IX во владениях Золотой Орды 1251-1254 гг.)

Тамерлан.

**Лики правивших династий
в Биологическом музее
им. К. А. Тимирязева**

«Много евреев проживает в Дербенте и южнее этого города» (М. Альтшулер. «Евреи восточного Кавказа». Иерусалим, 1981 г., стр. 43).

После смерти Чингисхана его империя делится на ряд областей-улусов. Улус старшего сына Чингисхана, Джучи, лежал к западу от Иртыша и включал в себя Поволжье, Северный Кавказ, Крым, Хорезм и Низовья Сыр-Дарьи. Этот Улус в летописях именовался Золотой Ордой.

Западная часть Северной Азии, Иран, Ирак и Закавказье составили улус Хулага (внука Чингисхана от сына Толуя), вошедшего в историю под названием государства Ильханов или Хулагуидов.

Таким образом, евреи Кавказа оказались включёнными в состав двух государств с монгольским управлением: евреи, проживавшие на территории древнего Азербайджана, оказались подданными государства Ильханов, а евреи Дагестана – подданными Золотой Орды.

Однако жизнь осложнялась тем, что два монгольских государства вели между собой нескончаемые войны, что, несомненно, отражалось на населении Кавказа. Экономическое положение сильно ухудшилось. Евреи, как и представители других народов и племён, обитавших в этом регионе, вынуждены были искать убежища в труднопроходимых перевалах и ущельях, чтобы оказаться в недосягаемости боевых действий.

В 1251 году Золотая Орда приняла мусульманство, но, несмотря на это обстоятельство, монголы не принуждали евреев переходить в новую религию. Евреям, проживавшим на территории Азербайджана, повезло гораздо меньше. Монгольский хан Газан, правивший в 1295–1304 гг., приняв ислам, требует от евреев немедленно перейти в его новую религию. Любое проявление недовольства или неподчинения указом Гасан-хана жестоко подавляется ильханскими отрядами. От рук этих карателей погибло много евреев, не желавших изменить вере своих отцов.

Некоторые ищут убежища в Курдистане и Иране, где основным городом для евреев становится Исфахан.

Несмотря на то, что Иран, как и Ирак, входят в состав ильханского государства, Исфахан всё же имел особый статус автономного города, где юрисдикция Гасан-хана не имела особой силы. Еврейские беженцы приносят сюда свой язык, не сходный с наречием остального еврейского населения Ирана.

В XIV веке восстанавливается независимость Северного Азербайджана, который отныне называется царством Ширваншахов. А в Южном Азербайджане, который входит в состав государства Джалаиридов, продолжает сохраняться монгольская форма правления, поскольку Джалаириды – тоже династия монгольского происхождения, пришедшая на смену Хулагуидам в 1353 году.

А территория современного Дагестана разделяется на множество феодальных княжеств, которые не имеют между собой чётких границ, из-за чего происходят частые вспышки междоусобной вражды, бытует кровная месть. Столкновения здесь происходят гораздо чаще, чем в других районах Северного Кавказа. К тому же непрекращающиеся походы азиатских племён против народов Юго-Восточной Европы, а так же нашествия Северокавказских племён на страны Передней Азии негативно сказываются на жизни народов и племён, поскольку территория Дагестана, находившаяся на стыке между Юго-Восточной Европой и Передней Азией, становится плацдармом многих сражений. Это обстоятельство вынуждало мирных жителей перебираться из равнинных мест в горные районы.

В конце XIV века у народов Ирана, Закавказья и Северного Кавказа появляется новый враг – Тимур Ланг (в переводе с персидского «железный хромец») или Тамерлан. Этот великий полководец и жестокий завоеватель происходил из монголо-тюркской династии, властелин Средней Азии, основатель империи Тимуридов со столицей в Самарканде.

Тамерланом были завоёваны и разорены Азербайджан, Армения, Грузия. В Азербайджане, севернее реки Куры войска Тамерлана столкнулись с войсками

Тохтамыш, правителя Золотой Орды, проникшего в Азербайджан с Предкавказья ещё до завоевательных походов Среднеазиатского властелина.

Не устояв перед сокрушительными ударами войск Тамерлана и неся большие потери, войска Тохтамыша отступили в Дагестан. Но победители, не довольствуясь достигнутым успехом, преследуют отступающих и добивают армию Тохтамыша у реки Терек на севере Дагестана. Затем Тамерлан стремительной атакой пронёсся по Северному Кавказу, проник в некоторые области Крыма, в южные окраины Руси, грабя и разоряя всё на своём пути.

Не задерживаясь долго в разграбленных землях, Тамерлан поворачивает свои войска в сторону Дагестана и Азербайджана, которые вновь становятся ареной кровопролитных боёв. Подрывая военную и экономическую мощь этого региона, Тамерлан жестоко обходится и с населением.

«При Тимуре многие евреи были вынуждены принять ислам, ассимилироваться, и численность евреев сокращалась» (А. Осман «Пути евреев в Российскую Империю». Израиль, 1999 г., стр. 108). Из Азербайджана в Самарканд были уведены тысячи ремесленников (История Азербайджана. Баку, 1979 г., стр. 76).

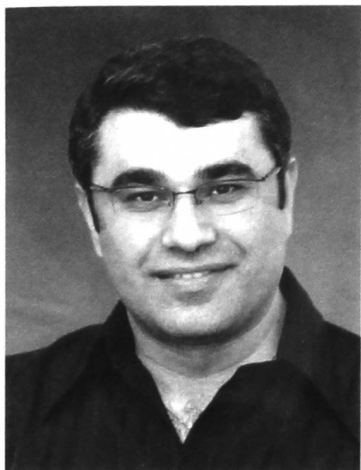
«В Самарканд и другие города переселялись десятки тысяч ремесленников, художников и учёных, вывезенных из завоёванных стран.

Только в Самарканде было до 150-ти тысяч ремесленников и купцов с семьями, переселённых сюда из других стран» (Всемирная история. М., 1957 г., т.3, стр. 573). Евреи разделили участь других племён, еврейское самоопределение в Дагестане было упразднено. Еврейское население Кавказа сильно сократилось.

Некогда многочисленная еврейская диаспора со своей многогранной культурой и славной историей превратилась в незаметный маленький этнос, не играющей теперь особой роли в истории Кавказа. Цветущие иудейские поселения были уничтожены. Уцелевшие от зверств и притеснений Тимуридов евреи, бывшие скотоводы, земледельцы и ремесленники, вдруг оказались без средств к существованию и вынуждены были искать пути выживания.

Продолжение следует...

МИШИЕВ Йонатан

Родился в Дербенте в 1969 г. В Израиле с 1992 г. Журналист, редактор, издатель. Главный редактор «Кавказской газеты», выходящей в Израиле с ноября 2000 г., и директор издательского дома «Мирвори».

Автор многочисленных публикаций в газетах «Страж Балтики», «Ватан», «Кавказская газета».

МОЯ ЛИВАНСКАЯ ОДИССЕЯ

Эта зарисовка была написана для «Кавказской газеты» ровно 5 лет назад, сразу после окончания Второй ливанской войны. Она длилась чуть больше месяца – с 12 июля по 14 августа 2006 года. Чем окончилась – непонятно. Вроде бы, мы победили, но настроение у всех было такое, будто потерпели фиаско. 155 погибших, тысячи раненых и пострадавших... И кадровым военным, и мирным гражданам было понятно: несмотря на то, что солдаты наши воевали героически, на пределе возможностей, но дело своё не доделали. Именно поэтому сейчас, спустя 5 лет, в израильских городах опять звучат сирены воздушной тревоги, падают снаряды, страдают люди. А юный солдатик Гилад Шалит всё ещё находится в плену...

Моя зарисовка была написана с юмором, но читателю, конечно же, понятно, что юмор этот – грустный, потому что я дал ему возможность увидеть «изнутри», что стало с нашей некогда грозной и непобедимой Армией обороны. Боевые операции, проводимые ею когда-то, изучают во многих академиях мира, как беспрецедентные. Что же произошло? Как мы докатились до того, что наша армия – предмет всеизраильской гордости, превратилась... Короче говоря, почитайте и сами всё поймёте.

За полгода до того я получил повестку с датой прохождения ежегодных резервистских сборов – 6 августа 2006 года.

Военные действия, спровоцированные массовой бомбардировкой наших городов, начались 12 июля. Они разворачивались полным ходом, и в моём почтовом ящике новая повестка: извини, дорогой, твой «милуим» отменяется. Стало обидно. Страна воюет, но в моих услугах почему-то не нуждается. Здравствуй, старость.

Через пару дней – новое сообщение: воевать я всё-таки пойду, но не на Север, как предполагалось ранее, а на Юг. От сердца отлегло. Не

«Хизбалла», так «Хамас» – какая разница. Их родная мама не отличит, а мне и подавно всё равно, кому из них морду бить.

Прошло ещё пару дней – новое сообщение: сиди дома, без тебя обойдёмся. Да что у них там творится? Такое впечатление, что всё руководство резервистской службы только тем и занято, что решает: нужен им Мишиев или ну его!

Ночь с пятницы на субботу. Телефонный звонок – «цав шмоне» – экстренный сбор. Ура! Я им нужен! Пару часов на сборы, и в 3 часа ночи я уже на месте. Отметился и получил приказ: ждать!

Ночь, духота страшная. Нас – тысячи! В глазах огонь, боевой дух крепок, все горят желанием немедленно начать «мочить в сортире»! Эх! Если бы нас всех тогда в бой! Бомбардировки быстренько прекратились бы. Некому стало бы бомбить.

Но к утру уже ясно: повоевать удастся не всем – экипировки и оружия на всех не хватает. По рядам прокатился ропот: «Тогда чего звали-то?»

Ещё через несколько часов получаем сообщение: в 10-00 наш полк переводят на другую базу для проведения учений, а после этого – в бой. Сидим, ждём.

10-00. Ничего не происходит. Мелькает догадка: а, может, перепутали 10-00 и 22-00?

22-00. Ничего не происходит. Мелькает догадка: перепутали не час, а день. Перебазирование и вправду началось через сутки. Все немного воспряли духом – вот оно, началось! Прибыли в район Йокнеама и ещё трое суток ждали учений. Кстати, выяснилось, что на всех не хватает не только оружия, но и провианта. Хорошо, что многие догадались запастись водой и едой, иначе госпитализированные в наших рядах появились бы ещё до начала боёв.

Спать тоже негде. Я и ещё несколько русскоязычных ребят нашли себе местечко под пальмами. Соорудили мангал, съездили за мясом. Поели, поспали. Солдат спит, служба идёт.

Наши командиры каждый час получают новый приказ, но выполнять ни один из них не успевают, а иногда и не торопятся – чего суетиться, если каждый последующий противоречит предыдущему. Через трое суток «учений» (некоторым даже удалось пострелять, а остальные так своей очереди и не дождались) нас решительно перебросили в район треугольника Цфат-Тверия-Рош Пина. Здесь стало ясно: в Ливан мы не заходим. Наше дело – тыловое обеспечение, т.е. подготовка и снабжение всем необходимым элитных и танковых частей, идущих в бой. Ладно. Это тоже дело нужное.

Началась настоящая работа. Собираем необходимое снаряжение, грузим на машины и сопровождаем этот груз до границы рядом с Метулой. Отсюда наши войска заходят в Ливан. Чем ближе к границе, тем громче взрывы: с той стороны бомбит «Хизбалла», а справа, слева и сзади – стреляют наши. Бежать некуда – мы на машине с боеприпасами. Через несколько дней уже перестали обращать внимание, привыкли.

Ах, незадача! Командиры у нас разные! Ребята получали приказ «выступать» раньше, чем мы – их снарядить. Вот такая «нестыковочка». Бегаем, ищем

«тремп» – попутный танк, с которым можно им хотя бы покушать передать. Б-г с ними, с боеприпасами. Уже потом ребята из боевых частей рассказывали, что у них порой всего и было, что полбанки туны в сутки на солдатскую душу.

В память врезались две яркие картины: пожилые метульские женщины, несмотря на сирены и вой «катюш», бегают между танками с чайниками и термосами и поят солдат чаем. И мне досталось. Даже спросили, я предпочитаю с «наной» или с «луизой». Когда запасы питья заканчиваются они умоляют: «Не уезжайте, ребятки, мы быстренько!», и бегут, что есть силы, за следующей порцией.

Ещё одна картина: объявлено крупномасштабное наступление, и к границе с Ливаном направляется танковая колонна. Откуда взялись шустрые репортёры CNN? Кто им вообще позволил снимать? Они снимают и транслируют в прямом эфире тот участок границы, откуда в Ливан входят танки, да и сами танки. Хорошая подмога «Хизбалле»: «Смотрите, ребята, именно отсюда на вас идут танки. Если хотите, можете их даже пересчитать. Мы качественно снимаем!»

Все эти накладки и несостыковки выводят из себя, но мы пытаемся не поддаваться эмоциям и делать своё дело честно. Выматываемся страшно. Жара под 40 градусов, большие физические нагрузки. Стараемся использовать любую возможность поспать. Место для отдыха – ангар, в котором кроме нас находятся ещё и машины с боеприпасами – бомбами, патронами, гранатами. Воздушные тревоги каждый час. Укрыться негде. Ощущения не из приятных – одной залётной «катюши» хватит, чтобы на воздух взлетел весь ангар (вместе

с нами, естественно) и всё его ближайшее окружение. Плохо всё-таки работает у «Хизбаллы» разведка. Такую цель проворонили. Это мы так шутили, пока не пришло известие о гибели 12 милуимников в Кфар Гилади. Они выполняли ту же работу, что и мы, и жили в тех же условиях. Командование принимает мудрое решение немного отодвинуть от нас машины с бомбами.

Наконец-то! «Всего лишь» через месяц после начала войны получен приказ о массированном наступлении. Спешно разворачиваются наши части, спешно идут в атаку. Пытаются в спешке наверстать упущенное за месяц, чтобы спасти задницы наших политиков. Результат страшный – около 40 погибших за полтора дня наступления.

Дело солдата – мужество и беспрекословное выполнение приказа. А стратегию и тактику разрабатывают профессионалы. Солдаты делали всё, чего от них требует военное время, и даже более того. Я это видел собственными глазами. Почему же известие о прекращении боевых действий они восприняли как поражение? Почему победившая армия чувствует себя проигравшей?

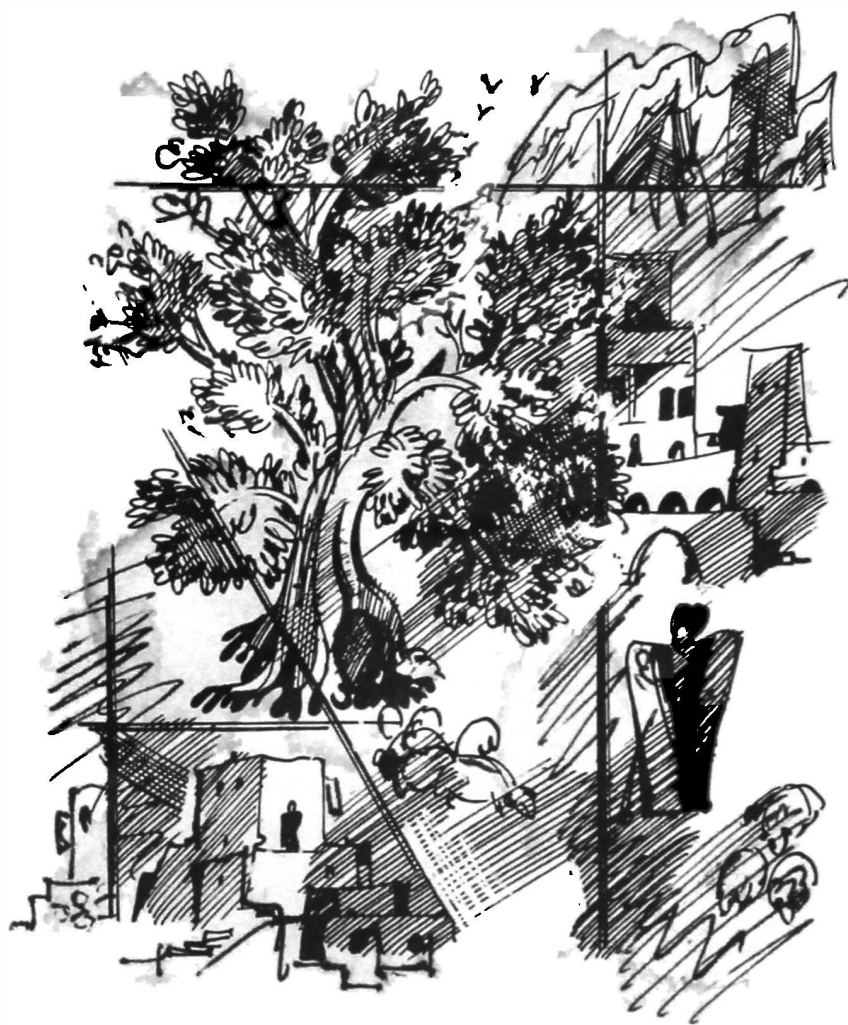
Всем ясно – наша армия себя не посрамила и не проиграла. Проиграли в этой войне политики и командование. Чего им не хватило? Решительности, опыта, силы воли?

Плохо стране, когда в ответственный момент на трех самых важных постах – премьер-министра, министра обороны и начальника генштаба, оказываются дилетанты, которые и понятия не имеют, что надо делать.

Слышал высказывание израильской журналистки в одном из телевизионных ток-шоу: «Заслуги перед Израилем Голды Меир с Моше Даяном и Эхуда Ольмерта с Амиром Перецом – вещи несравнимые. Но первые после кровопролитной войны Судного дня посчитали своим долгом уйти в отставку». Ольмерт и Перец не тех благородных кровей. Они ещё повоюют до последней капли крови. Не своей же!

Р.С. К счастью, сейчас, по прошествии 5 лет, я могу констатировать тот факт, что уроки Второй Ливанской войны для нашей армии не прошли даром. Сегодня это уже не та армия, не то командование, и если, не дай Б-г, нашей стране придётся ещё раз пережить такое... Уверен, результаты будут иными, и наши боевые командиры не посрамят память своих великих предшественников!

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

на азербайджанском языке

АБРАМОВА Батцион

Батцион Абрамова – Бэсти Галбинур родилась в г. Куба в Красной Слободе. В 1974 окончила педагогический институт, факультет иностранных языков и много лет преподавала английский язык в школе. В 1991 году репатрировалась в Израиль, где получила ещё одно высшее образование – окончила Хайфский университет, факультет социальных работников. В настоящее время работает в больнице Гилель Яффе в Хадере. У неё 5 детей и уже трое внуков.

Батцион очень любит родной язык и фольклор, а также фольклор, культуру и литературу других народов. С 2006 года начала писать сама. Успела написать поэму, которая называется «Незаконченная симфония», и ряд стихотворений.

В своей поэме автор затрагивает проблемные темы, которые её волнуют и как женщину, и как мать, и как профессионального социального работника: отношения в семье между родителями и детьми, изменения, которые происходят в наших семьях, и о том, как люди разных поколений на них реагируют.

ДЕЈИРСӘН ЈАНЫНДА ГАЛАЧАҒАМ МӘН

Јарым илин сөһбәти оларды. Гоншу палатаја бир хәстә кәтирилди.

Харичи көрүнүшүндән өмрүнүн 60-чы илләрини јола верән адама охшајырды. Амма, чох гәрибә бахышы варды онун. Бәстә бојлу, кениш алынлы, хурмајы көзлү бу адамын симасында кәдәр гарышыг бир мунислик вар иди. Нәдәнсә сәксәкәли көзләри нәсә горхулу бир шеј баш верәчәјиндән еһтијат едирмиш кими һеј әтрафа бојланырды. Гәрибә орасындадыр ки, көзләриндән кәдәр төкүлүрдүсә дә, үзүндән тәбәссүм әксилмирди. О илк бахышда башгалазындан сечилирди. Әлиндә һәмишә бир дәстә кағыз кәздирәр, һеч кәсә гошулуб, гатылмазды. Бу кағыз парчаларынын үзәриндә мүхтәлиф чизкиләр вар иди, Әксәријјәти су пәрисинә бәнзәр, ох кими һачаланмыш киприкләриндән од јағдыран бир көзәлин сурәти иди. Онун ағ ганадлары мәләкләри хадырладыр, көзләри күлүмсәјирди. Әјниндәки дон өз миллилији илә шәрг мәдәнијәтинин чаларларыны верирди, амма ону дә дејим ки, һәм дә мүасир көрүнүрдү.

Шәклин әтрафында крилл әлифбасы илә јазылмыш јөдәмсиз, анлашылмајан һәрфләр топлусу вар иди. Гәрибәдир, шәклин саһиби исә јерли чамаатын дилиндә данышырды; јәһуди дилиндә.

***

Ишләдијим хәстәханада узун мүддәт руһи хәстәликләрдән әзаб чәкән адамлар мүаличә олунарлар. Вахт өтдүкчә исинишдикләри бу јер онлар үчүн елә бил доғма мәскәнә – һәјатларында сонунчу дајаначаға чеврилир. Елә, ишчиләр дә онлара чох сәмими јанашыр, һәр биринә хүсуси гајғы көстәрирләр, елә бил бунунла һәјатларынын сон аккордлары-

ны вуран бу адамларын һәјатларыны бир аз да узатмаға, бу вахта гәдәр ала билмәдикләри хош анлары чүзүи дә олса онлара чатдырмаға чалышырлар. Бурада хәстәләрин раһатлығы үчүн һәр бир шәраит јарадылмышдыр; вахтлы-вахтында онлара лазыми гуллуг кәстәрилир, һәјатларынына мараг гатмаг үчүн ишчиләр әлләриндән кәләни әсиркәмирләр.

***

Сон вахтлар дәһлиздән кечәндә гулағыма таныш мелодијанын додагалты зүмзүмәси дәјирди, өзү дә јаман һәзин сәс иди бу сәс. Әтрафда радио јох иди. Диск гојуб һәрләтмәјә дә имкан јох иди. Чох мараглы иди. Бу гәрибә, мүәммалы сәс һарадан кәлә биләрди?! Нечә күн иди ки, бу фикир мәни мәшғул етмишди. Оғрун-оғрун бу сәсин изинә дүшдүм. Инана билмирдим, һәр дәфә онун јанындан өтәндә бу сәси ешидирдим. Илаһи, бу одур! Ола билмәз! Билмәдим кәзләримә инаным, ја гулагларыма. Мәһәчәрә сөјкәниб, тәкчә дајанмышды. Елә бил әлиндәки «мәләк ганадлы су пәрисинин» сәһри илә овсунланмышды, шәкли бағрына басмыш, кәзләри исә узаг нөгтәјә зилләнмишди. О бүтүн варлығы илә охујурду:

«Дејирсән јанында галачағам мән,
Чох кәзәл фикирдир, гал сәнә гурбан.»...

М. Мүшфигин – Азәрбајчан шаиринин сөзләринә јазылмыш бу һәзин маһныны бир јәһуди баласынын дилиндән бу торпагда, белә бир хәстәханада ешитмәк?! Јеримдәчә донуб галмышдым. Илаһи, бу ки, мө чүзәдир! Сөз демәјә чәсарәт етмирдим. Елә демәјә дә бир сөз јох иди. Бу сәсдә нечә овсун вар иди, илаһи!!! Елә бил дилими удмушдум. Һандан-һана өзүмү әлә алыб сордум:

- Бу маһныны сән охујурдун?
- Һә.

Үзүндә бир тәлаш вар иди. Елә бил бағышланмаз бир күнаһ етмишди. Көрпә ушаг кими әлләрини мәнә узадыб, нәсә демәк истәјирди, лакин бачармырды. Бу мискин һалына бахдыгча үрәјим сызылдајыр, анчаг она олан марағым даһа да артырды. Онун ким олдуғуну билмәк истәји мәни раһат бурахмырды.

- Адын нәдир?
- Сулико. (дәјишик ад)
- Күрчүсән?
- Һә, Һә, грузин, Грузија.
- Чохдан кәлмисән?
- Отуз ил, отуз ил.

Бу суал-чавабдан руһа кәлиб, давам етди:

- Анам еврейка. Атам Азәрбајчан. Баку, Каспийское море.

Анладым ки, атасы Азәрбајчандандыр. Сорушдум:

- Фамилин нијә күрчү фамилидир?
- Анам, анам Тбилиси, Грузија, – деди, – Я в Баку, һәрбе, һәрбе. В Баку.

Јәни, о Бақыда чох јашајыб. Әлиндәки кағыз јығымыны мәнә узатды:

– Ине, Зејнәб ханум Ханларова. В Баку һарбе, һарбе мүғәнниләр. Рүбәбә Мурадова, Әлибаба Мәммәдов, Сара Гәдимова. Бу мүнванла о, демәк олар ки, кечән әсрин 70-чи иллиринин бүтүн мәшһур ханәндәләри, вә мүғәнниләринин адларыны бир-бир садалады. Сонра јадына нә исә дүшмүш кими, әли илә ишарә етди: «ааа, Елмира Рагимова и Јашар Сафаров. «Сәадәт», «Сәадәт», – деди, вә дәрһал ширин күрчү ләһчәсиндә Азәрбајҗанча охумаға башлады: «Сәадәт, сәадәт, сәсләрәм сәни».

Матым – гүтум гуруду. Һејрәтдәнми, бир шеј баша дүшә билмәдијимдәнми нә дејәчәјими билмирдим. Кағыз топлусуну көтүрүб, бир-бир бахдым. Демәк олар ки, һамысында ејни сурәт чәкилмиши; мәләк чилдли су пәриси, милли либасда. Әтрафдакы һәрфләри охумаға чалышдым. Һандан- һана бу чүмләни охумаға наил олдум: «Республиканын халг артисти Зејнәб ханум Ханларова.»

– Бунлары ким чәкиб, – дејә сордум.

– Мән, мән, – дејә фәрхлә чаваб верди.

– Јазыны да сән јазмысан?

– Һә.

Мән онунла әмәлли-башлы сөһбәтә киришмишдим. Бу пешәдә ишләдијим дөвр әрзиндә чохлу гери-ади һадисәләрин шаһиди олмушдум, анчаг беләсинә раст кәләчәјими тәсәввүрүмә дә кәтирә билмәздим. Мән онунла үздә тәмкинлә данышыр, үрәјимдә исә ағлајырдым. О исә хәстәханада олдуғу вахт әрзиндә ону анлајан бир нәфәри тапдығына көрә чох севинир, һәјечандан өзүнә јер тапа билмирди. Һәр ан бир ајағы үстүнә ағырлығыны ендирир, елә бил јериндә рәгс едирди. Әлләринин һәрәкәти вә дедији сөзләр јарыша кирмиш кими бир-бирини әвәз едир, елә бил узун мүддәт әрзиндә дејә билмәдикләрини бир нәфәсә мәнә чатдырмаға чәһд едирди. Чүмләләри тамамлаја билмир, һәр сөзү ики дәфә демәклә истәдијини мәнә гандырдығына әмин олмаға чалышырды.

Сөһбәт әснасында (әкәр буна сөһәт демәк олсајды) белә баша дүшдүм ки, онун анасы күрчү јәһудиләриндәндир, өзү исә чаван јашларында Бақыда бөјүмүшдү. Мусигијә хүсуси һәвәси варды. 70-чи илләрдә мәшһур олан чохлу мусиги әсәрләри, онлары бәстәләјән вә ја ифа едән шәхсләр, һаггында, һәтта муғматларымыз һаггында мәлуматы вар иди. Шәхси һәјаты, аиләси һаггында исә, демәк оларды ки, һеч нә хатырлаја билмәди.

Бу һадисәдән бир аз кечмиш ону бизим палатаја көчүрдүләр. Јаман севинчәк олду. Һәр сәһәр мәни көрчәк «Дејирсән јанында галачағам мән» маһнысыны охујар, мәндән хаһиш едәрди ки, ону мүшајиәт едим, мән дә онун хаһишини јерә салмаздым. Тәбии олараг маһнылар бир – бирини әвәз едәр, ону вәчдә кәтирәрди. О әјләнирди, мән исә онун јекнәсәг һәјатына јени бир рәнк кәтирдијим үчүн севинирдим.

Кетдикчә бу һал палатада көзәл бир адәтә чеврилди. Хәстәләр һәр сәһәр «Мусиги лөвһәләри»ни сәбирсизликлә көзләјәр, чох вахт өзләри дә тәбә кәләр, севимли нәғмәләрини һәвәслә охујардылар. Елә олурду ки, һәтта ишчиләр

дә бизә гошуларды. Бајрамларда, ад күнләриндә һамы һәвәслә бир јердә шәнләнәрдиләр. Онун палатаја кәлмәси илә бурада һәјат даһа да чанланмышды. Ишә кәлән кими мәним дә көзләрим илк нөвбәдә ону ахтарырды.

Анчаг о чох хәстә иди, вәзијјәти кетдикчә писләширди, артыг ајаг үстә дајана билмирди, ону тәкәрли күрсүдә отуртмушдулар. Буна бахмајараг, онун кәдәрли көзләри сәһәри сәбирсизликлә көзләјәр, додаглары күлүмсәјәр, үрәји исә һәмишә охујарды.

Суликонун бир гардашы гызындан гејри һеч бир кәси јох иди. Бу орта јашлы, сәмими бир гадын иди. Онунла көрүшдүм. Әмиси һаггында хатирәләриндә белә деди:

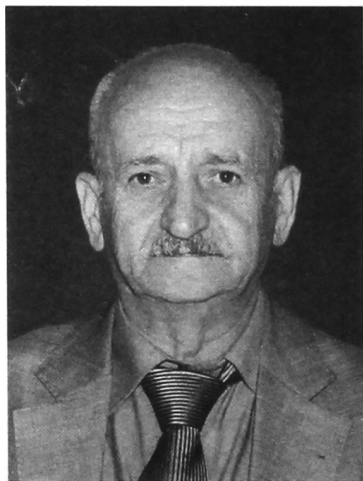
«Сулико хошакәлим, һәлим бир чаван иди. Мусигини вә шәкил чәкмәји чох севәрди. Евиндә чохлу пластинкалар оларды. Азәрбајчан халг вә бәстәкар маһныларыны, муғамлары көчүрүб сахлајарды, хүсуси илә «Дејирсән јанында галачағам мән» маһнысы ағзындан дүшмүрдү. Дејәрди онлары севдији гыза охујачаг.

Гәшәнк бир гыза нишанланмышды, Зејнәб ханым Ханлароваја охшајырды. Бир јердә чох хошбәхт идиләр. Анчаг јазығын бәхти кәтирмәди. Тојуна азча галмыш амансыз хәстәлик чағрылмамыш гонаг кими онун чан евини зәбт етди, руһуна, гәлбинә һәтта јаддашына белә гәним кәсилди. Арзулары үрәјиндә галды, өзү исә, билирсиз, нечә илләрди ки, хәстәханалар дустағына чеврилиб. Инди ондан даһа һеч нә галмајыб. Анчаг гәрибәдир, көр маһнылары нечә јадда сахлајыб, һә?!»

...Бир күн палатаја кирәндә онун тәкәрли арабасыны бош көрдүм. Елә бил мәни илдырым вурду. О даһа јохдур! Сорушдум, зәнним мәни алдатмамышды. Дурдугум јердә јанымдакы күрсүјә чөкдүм. Көзләримин өнүндән онун сурәти кетмирди. Әлиндә мәләк ганадлы су пәрисинин шәкилини тутуб, өзүнү мәнәчәрә сөјкәмишди, кәдәрли көзләри узаг бир нөгтәјә зилләнмиш, үзү күлүмсәјир, додаглары исә охујурду: «Дејирсән јанында галачағам мән»...

Узагдан исә Јашар Сәфәров вә Елмира Рәһимованын ифасында «Сәадәт, сәадәт сәсләрәм сәни» мелодијасы һаваны јарыб, әтрафа јәјылырды...

АЛИЕВ Вагиф

Родился в 1947 году в г. Огуз-Варташен (Азербайджан). По профессии экономист, в 1970 г. окончил институт Народного хозяйства в Баку. В Израиле с 2002 г. Живёт в Тель-Авиве.

Стихи начал писать со студенческих лет, публиковался в районных газетах. Затем в творчестве наступила длительная пауза, вызванная работой на ответственных постах, жизненными проблемами. Но репатриация в Израиль послужила новым эмоциональным стимулом для творчества. И лучшие свои стихи на азербайджанском языке он пишет именно здесь.

Ал чанымы

Сән Аллаһын бэласысан,
Јохса шејтан баласысан.
Хумар-хумар бахышынла,
Бу чанымы аласысан?

Бир күлүсән санки јазын,
Нә көзәлдир хош авазын.
Валлаһ, мәни өлдүрәчәк,
Бу кедишлә шивә-назын!

Нә кечәм вар, нә күндүзүм,
Даһа јохдур мәндә дөзүм!
Тәр чичәји бу јашымда,
Һеч вахт әлим кәлмәз үзүм.

Нижјәтини сыздырма, кәл,
Дүз јолумдан аздырма, кәл.
Мәһәббәтин аловунда,
Үрәјими гыздырма, кәл.

Бу дүнјада көзүм тохдур,
Ојунларын һәлә чохдур?
Сәни көрчәк олурам лал,
Данышмаға дилим јохдур.

Киришмәрәм мүшкулишә,
Һәдәф олмам мән күлүшә.
Мәчнун кими дәли едиб,
Салма мәни дилә-дишә.

Күнәш гүрдә бата-батда
Бәхт улдузум јата-јатда,
Нә салмысан ода мәни,
Өмүр боша чата-чатда.

Һансы јолу сечиб кедим?
Јүз өлчүб бир бичиб кедим?
Галыб чарә бир Аллаһа,
Гоншлугдан көчүб кедим?

Аллаһ, гору нәфисими,
О көзэлә һәвәсими.
Гуртар мәни бу севдадан,
Ал чанымы, нәфәсими!

Хошбәхт олар

Бу дүнјада одур бахан көзүмүз,
Гурбан олар һәр вахт она өзүмүз.
Үрәкләрдә бу севкинин сону јох,
Танры бизә көрмәсин һеч ону чох.

Јумруг бојда үрәји вар бәдәнин,
Мүгәддәсдир һәр гарышы вәтәнин.
Вәтән бизим ајрылмајан чанымыз,
Бу истәклә һәр вахт гајнар ганымыз.

Синәмизи һәр вахт сипәр едәрик,
Вәтәнә биз гурбан дејиб кедәрик.
Хошбәхт олар бу аддымы атанлар,
Шәһидлијин зирвәсинә чатанлар.

08.08.2010

Анадыр

*Институтда охудугум илләрдә
мәнә вә диқар гоһумлара
аналыг гајғысыны көстәрән Набат халаја*

Һеч данышмаз өзүндән,
Дојмаг олмур сөзүндән.
Нур төкүлүр елә бил,
О, меһрибан үзүндән.

Өзү ширин ады тәк,
Чох хејирхаһ о, мәләк.
Һамынын гајғысыны,
Чәкәр, едәр о, көмәк.

Чох јахшы овгаты вар,
Нэ биширсэ дады вар.
Гоһумларын ичиндэ,
Онун башда ады вар.

Дилимиздэ халадыр,
Халалар бир јанадыр.
Һамыја доғма, эзиз,
Хала јох, о, анадыр.

Һүнәрләрә сәсләјирди

*Бөјүк Вәтән муһарибәсиндә дөјүшләрдә
мәрдлилә вурушмуш 7 дәфә јараланмыш,
муһарибә ветераны әмим Хатир Әлијевә*

Сәнкәрләрдән кечә-кечә,
Дөјүшләрдә нечә-нечә,
Азғын фашист күлләсинә,
О горхмадан кәрди синә.

Аловларын ағушунда,
О, өлүмлә үз-үзәјди.
О чүр күллә јағышында,
Сағ галмағ да мөчүзәјди.

Һүнәрләрә сәсләјирди,
Икидләри анна торпағ.
Једди јердән јара алды,
О, чәбһәләр кечди анчағ.

Једди күллә, једди јара,
Һәлә јери говр еләјир.
Амма мәрдлик унудулмур,
Заман кечир дөвр еләјир.

Һәрәнин дә өз сәси вар,
Бу күн зәфәр нәғмәсиндә.
О вүғарла аддымлајыр,
Ветеранлар чәркәсиндә.

Нәсрәтим

Инчә додоғында сәһәр шеһи вар,
Шеһ генчә күл үстә гонубдур керән?
О хош нәфәсиндә ахшам шеһи вар,
Меһ јаз күләјиндән гопубму көрән?
Одлу бахышымдан һеј килә-килә,
Нәсрәтим гәлбинә һопубму керән.

Фаты

Азәрбајчан халг нагылы әсасында

Бир кишинин вар дејинкән, чох һәјасыз арвады,
Сағалмајан бир јарадыр, бир бәладыр бу Фаты.
Ушаглар да горхуб гачар ешидәндә бу ады.
Кишиси дә лап илк күндән бурахыбдыр ипини,
Ахтарсан да һеч тапмазсан онун охшар типини.

Јазыг киши сүбһ сәһәрдән ишә кедиб әлләшир,
Фаты исә евдә, чөлдә һәр күн салыр һәј-һәшир.
Истәмәдән таныш-билиш тез-тез онла үзләшир,
Кишисидә лап илк күндән бурахыбдыр ипини.
Ахтарсан да һеч тапмазсан онун охшар типини.

Бу Фатыны көрән дејир, зәһәрли бир иландыр,
Көзүн јумуб кал сезүјлә үрәкләри чаландыр.
Сејләдији һәр кәлмәси гуру беһтан, јаландыр,
Кишиси дә лап илк күндән бурахыбдыр ипини,
Ахтарсан да һеч тапмазсан онун охшар типини.

Сејләјәчәк һәдә, һәдјан лап кәссән дә әтини,
Өләнәдәк әр керәчәк бу әзабы, чәтини.
Дејән јохдур: - Бәсдир һүрдү! Сусдурсана итини,
Кишиси дә лап илк күндән бурахыбдыр ипини,
Ахтарсан да һеч тапмазсан онун охшар типини.

Данышдыгча ағзы онун көпукләнәр, һеј дашар,
Һеч сәдд билмәз, бу сәдләри утанмадан о, ашар.
Беләсијлә һансы киши емүр сүрүб бир јашар?
Кишиси дә лап илк күндән бурахыбдыр ипини,
Ахтарсан да һеч тапмазсан онун охшар типини.

Нечә кәрә арзусуна јухуларда о чатыр,
Әр, Фатыны итәләјиб, тез гујуја о, атыр.
Јухусунда јухуларда раһат олуб о, јатыр,
Кишиси дә лап илк күндән бурахыбдыр ипини,
Ахтарсан да һеч тапмазсан онун охшар типини.

Јахшы олар кермәјәсиз һирсләнәндә Фатыны,
Бир сөзүјлә чохларынын јандырај јүз гатыны.
Һәлә ки, о бу мејданда ојнадыр өз атыны,
Кишиси дә лап илк күндән бурахыбдыр ипини,
Ахтарсан да һеч тапмазсан онун охшар типини.

08.05.2011

Јетәр

Чох көзәлдир бу Јетәр,
Бахыб назла чан өтәр.
Әтирли бир чичәкдир,
Санки кәзәл, тәзә-тәр.

Бу гыз охун атыбдыр,
Ох һәдәфә чатыбдыр.
Ону мән дә сеvirәм,
Кенлүмә чох јатыбдыр.

Дејин о гыза бәсдир,
Назын бу чана гәсдир.
Өлдүрүрсән сән мәни,
Артыг бу сон нәфәсдир.

Инди мәндә дезүм јох,
Сез демәјә сезүм јох.
Истәрәм тәкчә ону,
Башгасында кезүм јох.

1969

ГУРШУМОВ Эльдар

Родился в 1940 г. в Красной Слободе г. Куба. Поэт, композитор, певец. Окончил муз. школу по классу тар, а затем народную консерваторию по классу композиции и вокала. В 1964 г. окончил физико-математический факультет Азербайджанского педагогического института им. Ленина.

Преподавал в медучилище, занимал должность зав. кафедрой в Институте усовершенствования учителей, а перед отъездом в Израиль работал старшим редактором Азербайджанского телевидения и радиовещания.

В 1998 г. репатрировался в Израиль. С 1999 г. – член Союза писателей, выходцев с Кавказа, с 2003 – председатель этого Союза.

Всю жизнь занимался музыкой и поэзией. В 2005 г. вышла в свет его первая книга стихов «Божественные синагоги Тальхума». В 2007 г. выходит вторая книга «Горькие слезы матери», а в 2009 г. третья – «Божественные строки».

Четвертая книга стихов «70 ве-сен в 70 лет» (70 васат э 70 сал) вый-дет в свет в конце 2010 г. Работает над пятой книгой.

Физулидэн ајыб олар

Бөнүврдән адәт үзрә сәһәр сүбһдән сөкүләр дан,
Талей үчүн шәрәфбәндли әкиз кәләр шүһрәт вә шан.

Көлкәсиндән узаглашмыр өз бәхтини сынајанлар,
Мин дәрд илә үзләшәрләр халг ичиндә шәри јәјән.

Гочаланда учалығы бајраг илә тән тутанлар,
Истедадын зирвәсини кәнч јашындан едәр бәјән.

Мәгамында гijмәтлидир тәјаланмыш саманлар да,
Бриллиант тәк парламасын гызылыны алмаз сәјән.

Јараданын бахышында өз әһдини позан јердә,
Варлығынын һарамыјла су ичимдә батар мајән.

Харигәләр јараданда әсли илә бәһәрләнән,
Абыр-ары сүпүрәчәк әмәлиндән усанмајән.

Башгасынын бирчә күнү чалаг олмаз саф өмрүнә,
Сағламлығы саз оланлар дурнасајаг учар һәр ан.

Мәчнунларын сырасында из салмағла фәхр етмә сән,
Мәһәббәтин кешијиндә Шаһдағ кими арха дајән.

Јарымчыгбәнд дүчарлашар гаранлығын зүлмәтина,
Пешманчылыг чәкмәјәчәк сәнәтини нурлу сәјән.

Ара-сыра шејр гошмаға, Елдар, һәвәс көстәрсән дә,
Физулидән ајыб олар, гәзәл јазсан – утанмадан!

Низамидән бәһрәләнмәк

Үзкә чарә ахтармазлар һөкүмбәндли гәрар үчүн,
Чәһәннәмә јол ачыгдыр һәр Аллаһсыз гәддар үчүн.

Гашдан-дашдан гijмәтлидир садиглијин әләмәти,
Улу Танры пәј көндәрмәз көнүл јаран әғјәр үчүн.

Һәрәкәти олмајанлар көз тикмәсин бәрәкәтә,
Бағбан кәрәк сәј көстәрсин ширинбәндли бол бар үчүн.

Тәбиәтин һөвсәләси түкәнәндә гураглыгдан,
Торпаг ағлар ушаг кими хырда јағыш вә гар үчүн.

Сәбрдән мәһрум, чәкә билмәз гәриблијин әнчамыны,
Фәрли сөзүн бишмәмәси тәлә гулар губар үчүн.

Ана јурда пак олана, тәбиәтин сәрт гышы да
Һәм көзүндә, һәм көнлүндә тәләсәчәк баһар үчүн.

Бирчә ешгә садиг дејил мәнәббәтин шахәләри,
Өз чанындан кечмәлидир Вәтән оғлу дијар үчүн.

Үкәј дәрдә дүчар олмаз – Јарадана садиг галан,
Саф үрәји дөјүнәчәк абыр-һәја, һәм ар үчүн.

Һичранбәндли гәзәлләри чағлајанда руһунда да,
Шаирлијин гурбан вермәз дәвләт үчүн, һәм вар үчүн.

Мин-мин илләр чүчәрмәјә һәр бир нәслин дилиндә дә,
Низамидән бәһрәләnmәк шәрәф олар Елдар үчүн.

Аз олачаг

Үш һәддини ашмамышдан фәрз еләмә јаз олачаг,
Ја да дүшкүн вәчдә кәлиб, гәнәдбәндли ас олачаг.

Илк севкинин мәчарасы тој-бүсата чевриләндә,
Бир анлыға билмәк олмур һансы евдә јас олачаг.

Көз ачандан күл балалар камил билик газанса да,
Бешијиндән гәбрә гәдәр хасијјәтә хас олачаг.

Чәннәтбәндли өмүр сүрәр – мәрдлијинә садиг галан,
Намәрд кәзән торпағларын синәси дә даз олачаг.

Дады-тамы мәлһәмлидир Азәрбајҗан мугамынын,
Шајә јәјмә, – гадын сәси, киши тәһәр, бас олачаг.

Аллаһыны јада салсын, сүфрәсинә һарам гатан,
Јохса, кеч-тез, кәрә-јағы – рәнки гара маз олачаг.

Мүасир дөвр тәкләмәсин мәчнунлары, фәрһадлары
Лејли, Ширин олан јердә, әлбәттә ки, наз олачаг.

Шејр, гәзәл мәчлисиндән көрпә тәки гидаланан,
Низаминин, Физулинин сәнәтинә баз олачаг.

Поезија аләминдә, хош күнләри чәмләјәндә,
Инанма ки, һәр шаирин кејф-дамағы саз олачаг.

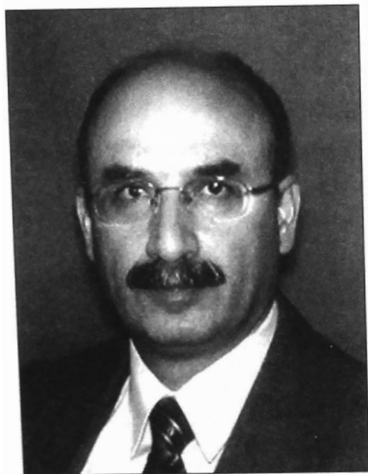
Ачыначаг һәјат сүрмүш шаһ-гәзәлхан Ваһидчүндә,
Бир дәрја јаш төкән олса, Елдар, јенә аз олачаг.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

на горско-еврейском языке

АГАРУНОВ Шабтай

Родился 20 сентября 1961 г. в Азербайджане, в г. Куба, в Красной Слободе. После окончания средней школы в 1978 г. поступил на фельдшерский факультет в медучилище города Баку.

С 1984 до 1990 года служил в рядах Советской Армии в ВМФ, в Каспийской флотилии фельдшером.

С 1990 г. уволившись из рядов ВМФ, приступил к работе в нейро-хирургическом центре в г. Баку, где и работал до репатриации в Израиль.

В 1991 г. репатрировался с семьей в Израиль. Живёт в г. Бат-Ям. Чтобы работать по специальности, прошел все ступени обучения и все необходимые экзамены. Сегодня он дипломированный медбрат (ах мусмах), работает в операционном отделении больницы Вольфсон города Холон.

В 2006 году окончил академический колледж Иудеи и Самарии в г. Ариель, факультет управления системой здравоохранения.

Литературой увлекался всегда. Стихи писал со школьных лет на двух языках - на азербайджанском и на горско-еврейском.

С 2007 года член Союза писателей, выходцев с Кавказа в Израиле.

В 2009 году в издательском доме «Мирвори» вышла его первая книга «Дэдәјлүдә дүңјојмә».

Сәдигә зән – дэдәј мәни

Ә рәһ гисмәт вәдирәмө
Сәдигә зән – у дэдәј мә.
Ә Исројил вәхүшд омо
Сәдигә зән – у дэдәј мә.

Гисмәт овурд инчо урә,
Худолүјә дэдәјмүрә,
Шор сохд амбар дүл имүрә
Сәдигә зән – у дэдәј мә.

Худо һәчи бәрд һисобә,
Дэдәјә дур һишд әз Гүбә,
Динч нә бисдо ә јон бәбә
Сәдигә зән – у дэдәј мә.

Дэдәј сәдиг – сәдиг хори,
Гисмәт дэдәј ә и хори.
Ә и хори сәрә нори
Сәдигә зән – у дэдәј мә.

Һололә зән, нуму тәмиз,
Расдә инсон, һәглү, һәзиз,
Хушхосијәт, дүлү тәмиз,
Сәдигә зән – у дэдәј мә.

Шәхинә ә рују вәбу,
Мәтләбһо ә дүлү дәбу,
Әри һәммә чун сохд гурбу
Сәдигә зән – у дэдәј мә.

Чикәј кофә данусдәнбу,
Бинәј корә данусдәнбу,
Ковләји хәлгә хосдәнбу
Сәдигә зән – у дэдәј мә.

Ә гуншиһо чәвги дири,
Ә шолуми һорој зәри.
Шоләһ гулум-гунши бири
Сәдигә зән – у дэдәј мә.

Шүвәрсүзә салһо дири,
Амбар зәһмәт, дәрд кәшири,
Әри кифләт әрхә бири
Сәдигә зән – у дэдәј мә.

Шəвһо ховсүз амбар мунди,
Нəнəм-нəнуј һəјил хунди,
Нə куфтири ки, вомунди
Сəдигə зəн – у дəдəј мə.

Балаһорə кəлə сохди,
Нəвəһорə кəлə сохди,
Үшүг дори, ковлə сохди
Сəдигə зəн – у дəдəј мə.

Ə сəр сүфрə вəбу нуну,
Əри гиног мусухд чуну,
Əјор һəммə һəчу муну
Сəдигə зəн – у дəдəј мə.

Урə рəһо нəдо гисмəт,
Ə Исрəјил бисдо рəһмəт,
Ə рафдəкиш нəдо зəһмəт
Сəдигə зəн – у дəдəј мə.

Ə һəрүси, гүдүшиһо,
Ə никиһо, ə шориһо,
Кумəк бирə дəс дориһо
Сəдигə зəн – дəдəј мəни.

Ə кəрəки – рəһ норəкор,
Укут, коvnə, дүл дорəкор,
Ə һүрмəт хəлг домундəкор
Сəдигə зəн – дəдəј мəни.

Дəдəјлүјə дүнјəјмəрə
Худо вини амбар мəрə.
Əријү вој əдəм зəрə,
Сəдигə зəн – дəдəј мəни.

Ə дүл хəлəф, нəвə зүһү,
Ə сəр һилом кəшдү рүһү,
Ə кинһидим – əхир рəһү,
Сəдигə зəн – дəдəј мəни.

Дəдəјсүзи – зурба доги,
Иму һисдим – дəдəј соги.
Ə дүл дəри һүмүрбоги,
Сəдигə зəн – дəдəј мəни.

Феврал – апрел 2011

Чү бисдо түрә

Чон дэдәј, куј винүм, чү бисдо түрә,
Ә гәд јә дәгдәгә биһол бисдори?
Һәчи зу хүрд сохди шидрај һүмүрә,
Ә сәс хәләф дијә тү сәс нә дори.

Әхи ә һүмүртү нәчог нә бирәј,
Чү бисдо нәхуши вәпичи ә чун?
Ә гәд сә руз зәһмәт һиломә дирәј,
Чү зу әз руј, әз лов парусдәкә хун.

Әз сәнгә боли тик нә күрди сәрә,
Јовош-јовош кирошд әз дәсһо кәрми.
Чилидә дәсһојтү ләрзундут мәрә,
Әз һол тү кәширүт чүмһојмә нәрми.

Сә рузлә мундәбу бурај ә хунә,
Худо бәсд әритү рәһһој Гүбәрә.
Ә хунәјтү рәһәт нә сохди чунә,
Ә чун нә кәшири хокһој Гүбәрә.

Әрчү кәши овурд и хори түрә?
Нүшдәбири ә гәд хунәј Гүбәјтү.
Худо ә Гүбә рәһ нә дори түрә,
Әритү дорихмиш конләј хунәјтү.

Гүбәрә хәбәр нисд, сәссүзи Шоһдог,
Уһо нә шинирәт һорој сәс мәрә?
Кујит, бил күрүсү Бәнәвшә билог,
Ә овһојү гәриш сохум һәрс мәрә.

Һашданки дарафдәм ә дорунә хов,
Һәммә и корһорә ә хов дирәм мә.
Ә ујоги ә чун вәпичи әлов,
Сухдә-сухдә әз дәрд кобоб бирәм мә.

Садан лүнк-лүнк кәшдә ә тәһәр дәчәл,
Әчә хушу омо инсонә күрдә.
Инсонә дәшәндә ә пәнчәј һәчәл,
Һомунјүрә бурра, чунә вәкүрдә

Инсон насдә әчә кәшдә садану,
Ә Сәдигә хори ә дәс кирошдәј.
Әз гисмәт вирихдә инсон нидану,
Гисмәт Оврум бирор гисмәт тү, дэдәј.

Чутам мұвәһ соху гобул и корә?
Дәдәйлүжә дүнјо муну дәдәјсүз?
Дәдәј, ношумојтү кәшдә дүнјорә,
Тү ә дүнјо нисди, дүнјо нисд түсүз.

Феврал – апрел, 2011

Гисмәт түни

Түрә војисд сохи дүлшор һәммәрә,
Омори вокунди дәр кук-духдәрә,
Дорихмиш бисдори тү һәрә- һәрә,
Зәһм гәриби бил нә кәшү чун, дәдәј,
Гисмәт түни, ә Исројил мун, дәдәј.

Битәв һүмүр вирих-вирих бисдори,
Ә сәс бирор-хәһәр, гоһум сәс дори,
Кумәк бирә тү һәммәрә дәс дори,
Әри һәммә гурбу сохди чун, дәдәј,
Гисмәт түни, ә Исројил мун, дәдәј.

Һич нә вәдәшәнди әз јор Гүбәрә,
Һәр руз чәндбо сохди хәбәрдор мәрә,
Тү инчо нә хосдәј һәчәл, мүрдәрә,
Бәхд һәчини, ә дәрд нә домун, дәдәј,
Гисмәт түни, ә Исројил мун, дәдәј.

Сәрбәһәм нә сохди војкә, мәтләбә,
Гисмәт нә бисдори ә хокһој Гүбә,
Динчи нә вәкүрди ә бинәј бәбә,
Руһһошму мијофдут рәһ, зуһун, дәдәј,
Гисмәт түни, ә Исројил мун, дәдәј.

И дәрд әдәј күшдә сәбәһ-шәв мәрә,
Нә данусдим дошдә әз һәчәл түрә,
Чүмһојмә кирисдә, дүлмә вој зәрә,
Минәт, бәхшләмиши нәдо чун, дәдәј,
Гисмәт түни, ә Исројил мун, дәдәј.

Феврал – апрел, 2011

ГУРШУМОВ Эльдар

Читатели уже имели возможность познакомиться с творчеством Эльдара Гуришумова в разделе «Произведения на горско-еврейском языке».

Сабәһинә һәјилһошму

Шәггә зәрә нә хәндүкү әз суј дүшмә тәрсиракор,
Ә дәс гилинч вакирүкү ә Короглу вәрзиракор!

Ә чәнд чикә бүлмиш бири гәдимлүјә Азәрбајҗон,
Гирәт Вәтән кәширакор әз дү-јаки никују – чон!

Милјон-милјон мусулмуһо дидәркини ә руј һилом,
Јә әзини дәрд нә бири тә имоһој әз дәвр Одом.

Ә сәр гүгһо сәнгә рунди Фүзулијә әдәбијјәт,
Әз чум һәсму һәрс рухунди мугомлујә мәдәнијәт!

Үкәјә хәлг, бәһәр нидү ә фурмәј јә хүшкбәндә дор,
Сабәһ гәлиз митав бирә имбурузи һәсонтә кор.

Сәрвордори ән тәбиәт әз куч әгүл офуррә бор,
Шәш әвирә бәһшә дори рәһмијә дүл Офуррәкор!

Ә пуч буһо кофһорәвоз пар низәнүт гушә хуно,
Кәвүлсүзә бичорәһо һадәр мурав бушә хуно.

Ә тәлһә хов руј нә бурбун, чун ә говрә тә дарафда,
Сабурһорәш гадәрүни әри ә чәнк вадарафда!

Әз су – аташ нијо тәрсит, сәрәнчомә дорә вәһдә,
Рихдә хунһо, амбар-кәмлү, әз һүкм ХУДО ә вор һәгг дә.

Сүрхәбәндлү софлу бошкү ә Гарабог мејилһошмуш,
Бил ә болә нә домуну сабәһинә һәјилһошмуш!

Шолјәһлүјә Сәһиб

Әвир һово рүһ мәбәрү әји зури, әбәдилүг,
Шолјәһлүјә Сәһиб мијним Јершолојим ән ХУДОрәш!
Ә тәбиәт, синәј Хори, нә гәм моров, нә бәдилүг,
Әз вокундә код Мошијәһ, хундә мојим чәнд нуборәш,
Шолјәһлүјә Сәһиб мијним Јершолојим ән ХУДОрәш!

Хисиракор чум мокуну – васаллүјә чүлә хуно,
Ширинидор пак мумуну – һәсәллүјә күлә хуно,
Боворимдор дәрд нивүнү – гәфәслүјә дүлә хуно,
Әз вокундә код Мошијәһ, хундә мојим чәнд нуборәш,
Шолјәһлүјә Сәһиб мијним Јершолојим ән ХУДОрәш!

Ә Овроһом тој мәдиров сәдигирә нур хундәкор,
Ә фурм Давид ә од муров гәлхәндирә бурбундәкор,
Әз Саломон руј мәкүрү коф ләһарә бурчундәкор,
Әз вокундә код Мошијәһ, хундә мојим чәнд нуборәш,
Шолјәһлүјә Сәһиб мијним Јершолојим ән ХУДОрәш!

Әз бәш зуһун чар ни имбу зәһәрмәндә кәлмәј гәрги,
Шолумлүјә гул микәшү әри һәммәј милләт-хәлги,
Чум дүнјоһә товуш мүдү чүн Офтојә үшүг-бәрги,
Әз вокундә код Мошијәһ, хундә мојим чәнд нуборәш,
Шолјәһлүјә Сәһиб мијним Јершолојим ән ХУДОрәш!

Ә сүрхәвоз рач марајү сәјмүн Сарај Офуррәкор,
Ә әшгәвоз сәр мизәнү чәһм парчоһһо әз һәр дијор,
Һозор салһо әри довһо, Әлдар, һич кәс нидү гәрор,
Әз вокундә код Мошијәһ, хундә мојим чәнд нуборәш,
Шолјәһлүјә Сәһиб мијним Јершолојим ән ХУДОрәш!

Чур бошушош

Ә гәтрәји мидомуну зиндәкунју сур бошушош,
Јә мүргларә нихоруну мундәкунју гур бошушош!

Ворушбәндлү рихдәникәш коф-кәләчһој чорәјәти,
Әз шориһо пар низәнү бәхт-мозолу дур бошушош.

Хушә хәбәр тә вәкүрдәш әз сабурһој ән имидһо,
Түвсәләју парт мишәнү финчон дәрду пур бошушош.

Фојдә дүһо сәбәбикәш чапарлүјә гәфәс үлүк,
Әз мичәју һор импалу түртүрлүјә тур бошушош.

Тәлолмәндә гисмәтирәш әз нәфс ХУДО нә чусдәнки,
Ә бим кузки нәс домундә һәјнәлүјә кур бошушош.

Әз гуг мүһбәт мијофдону мочә хилов вәкүрдәкор,
Коф дәһәмә нивәнкәнү хурдә чију шур бошушош.

Үшүгмәнди товә рузәш томом ә вәч нә күрдәнки,
Шәвә хуно тор имбошу Офтобәндлү – нур бошушош.

Тәсрәт дошдә хосдәјирәш, Ләјлисәјәг гуј зәрәнки,
Чәшмишију рүһ импарну јәһәлмишә - фур бошушош.

Әз һәсүлһој обурмәндиш јә нишонә нә мундә вәхт,
Ә јә чүплә чум мокошу иштоһлүјә – хур бошушош.

Нәгдә әз дәс шәндә вәһдәш, ә нисјә бәнд мәбош, Әлдар,
Һәләмәһәл ә дод нијов, Һол-әһволу-чур бошушош.

МИХАЙЛОВА Ирина

Родилась в 1963 г. в Дербенте, гордится тем, что окончила школу №8 в том же городе. Окончила Дагестанский медицинский институт. Работает врачом-ревматологом в городской поликлинике. С 2004 г. начала заниматься общественной деятельностью, создала клуб, куда стали приходить еврейские женщины. При помощи своих подруг собрала экспонаты для музея горских евреев. В настоящее время экспозиция хранится в здании синагоги «Келе-Нумаз» Дербента. Неожиданно для себя увлеклась и журналистской деятельностью. Публикует свои статьи в газете «Ватан», печатающейся в Дербенте, в журнале «Товуши», издающемся в Нью-Йорке. И уже полной неожиданностью стала пьеса-шутка, написанная на родном языке. Эта пьеса – пародия на передачу «Давай поженимся», которая транслируется каждый вечер на российском телевидении.

БИЁ ЭВЛЕНМИШ БОШИМ!

Пьеса-мэхсере

Возисохдегоргьо:

Момо Ханукаева – 40-45 сале зен, гировундегор эн
передача (томоше)
Роспо Абаева – 40-45 сале зен, илчи
Наомо Истахарова – 40-45 сале зен, фолчи
Ирмиё – 45 сале мерд, домор
Динор – 25 сале духдер хуне, суьфдеи гІэруьс
Томор – 35 сале духдер сиро, дуимуйн гІэруьс
Гинонор – 40 сале бие зен, сеимуйн гІэруьс
Дедей эн Динор – 45 сале зен
Бебей эн Динор – 48 сале мерд
Хэьгергили эн Ирмиё – 34 сале зен
Хьэрмэхь эн Ирмиё – 42 сале мерд
Суьфдеи хьэрмэхь эн Томор – 35 сале мерд
Дуимуйн хьэрмэхь эн Томор – 36 сале мерд
Духдер эн Гинонор – 18 сале духдер
Хэьгергили эн Гинонор – 35-сале зен

Суьфдеи перде

И томоше гирошдени гьеме шев э телевизор
иму. (сес э песой сегьне)

Е хунеи э телестудия. Ведироморени Момо
Ханукаева.

Момо: Шев ишму э хьэйр бу, гІэзизе томоше
сохдегоргьойму. Имишев э киму миев е домор
не се гІэруьс. У мивиху эри хуьшде е зен эз се
гІэселле гІэруьс. Э меревоз кумеки мисоху эри
эну илчи Роспо Абаева, не фолчи Наомо Иста-
харова.

ГьэйсэгІэт чек зенит, медиров гІэзизе домор
иму.

Томоше сохдегоргьо чек зеренуьт. Ведиро-
морени Ирмиё.

Момо: Хош омореј, Ирмиё. Кеш нуьшим, гоф сохим. (рафдени нуьшде) Их-дилот сох Ирмиё зиндегуни туьре. Эри чуь туь, огьиле мерд, мундей зенсуьз?

Ирмиё: Шев ишму, эхэйр бу! Зенсуьз эри чуь? Мере бу се зен. (Томоше сохдегоргьо: Ооооооооооооооо!!!) Суьфдеи зен ме бу рач, гьундуьр, жогьил, инчебел. Иму зигьисдебирим чуьн ковтер э ковтеревоз, гІэсэл не ругъэре хуно. Имуре гІэилиш бисдо.

Момо: Песде чуь бисдо?

Ирмиё: Зен ме мере ведекуьрд.

Момо: Чуьтам?

Ирмиё: Мере бисдо е хэгьергили.

Роспо: (чешмекгьоре фуравунде) Чуь, чуь?

Ирмиё: Инжо гьичиш нисди. Гьеме мердгьоре бирени хэгьергилигьо. Зенгьо угьоре михьило сохденуьт. Ме зенмере лап омбар хосденбируьм.

Роспо: Гьемееки михило нисе сохденуьт!

Момо: Песде чуь бири?

Ирмиё: Песде-песдеине. Ме вегуьрдем хосдем и хэгьергилире.

Наомо: Дие эри чуь не зигьисдей э севгили туьревоз?

Ирмиё: Чуьнки э ме гуфдирет: уре е хьэрмехигеш исди.

Наомо: Меселе гуфдирени: месох эри кес zobунире. Худо гьеммере вогордунди эри туь. Эй, Ирмиё! Чуь сохдей туь песде?

Ирмиё: Песде ме рафдуьм э Ершолем. Унжо раче зенгьо омбари, гермини. Шинох бисдоруьм э е зен датиревоз. У вокурдебу парик, парталгьо э дуразе гуьлевоз. Э миква рафдебу. Меш фикир сохдем, у эриме хубе зен мибу. Оммо гьечу не бири.

Момо: Дие э унжо чуь бири?

Ирмиё: Чуь бири-чуь бири (э гІосиревоз). Уре воисденбу ме руш вегьилуьм, э нумаз бурам, Туро хунум. Эри ме се гІэилиш зенд э гьэриш пенж сал.

Момо: Бегем zobуни?

Ирмиё: Zobу нисди. Оммо мере не воисдени ужире зиндегуни. Бегем гьичиш небу мере эри хурде. Гьеммере гуфдиренбу хьэrimi. Хьэлоли е у бу! Э ки энду куьнд омореки гуфдиренбу: гІемел ниёв имбуруз.

Роспо: Дие се гІэил чуьтам бири ишмуре?

Ирмиё: Э кумеки Худоревоз!

Наомо: Тологъ семе дори зен Ершолемми туьре?

Ирмиё: Мере тологъ энду эри чуьни? Кетубо мунугу эри энду.

Момо: Э кирево омореј туь имбуруз?

Ирмиё: Э е хьэрмехэвоз, не э е хэгьергилиревоз.

Роспо: Чуь, чуь? Эгене хэгьергилигьо?

Ирмиё: У ужире хэгьергили нисди.

Момо: Бошгу, бошгу. Имуре имиди, чуьнки у коргьо мунди э е вехдгьойге. Имишев эри шинох бире э домор имуревоз, оморот се гІэселле духдер.

Дуьмуьн перде

Момо: Шинох бошит э суьфдеи духдеревоз. (Э Динор э хэндеревоз) Хош омор, гъэзизе Динор!

Динор: Согъбоши!

Момо: Э киревоз омореи туь?

Динор: Э деде-бебеймеревоз.

Момо: Хош оморейт, софо овурдейт! (э Динор) Ихдилот сох эриму зиндегунитуьре.

Динор: Чуь гуюм эришму? Ме хундем варасдем школере, институте. Мере екиш небу, ме э гьемме жиге рафденуьм э бебе-дедереваз.

Момо: Те бисдпенжсали? Э и вэгІдойму!

Динор: Чуь сохум?

Момо: Туьре хъэз оморени эз ижире домор?

Динор: (чумгьоре зофру гуьрде, гъэйбе-гъэйб) Эри. Чуь бие сохде биёв, эз чоресуьзи!

Момо: Той бебешмуни ки у. (Э ки деде, бебе чаруьсде) Ишмуьреш хъэз оморени эз домор иму? Муйиш не вери ки ире?

Бебей эн Динор: Гъэйгуь нибу. У хуьшдере хуб не бурмундге, мундигьомуйгьореш еки-еки мивекенуьм, ез сер духдерме е муйлеш офдоге.

Момо: Доморе хуне нисди, жиге нисди, кор нисди, оммо чор гъэил гІисди.

Бебей эн Динор: Эри энущ коргьом сер ишму дор медуьгу. Ме эри энущом ху-неш мосдонуьм, мошиниш мидуьм, эки хуьшде э коргьиш мегируьм.

Роспо: Коргьом Ирмиё бисд еки!

Момо: (чаруьсде э лой дедей эн Динор) Эри туь чуьтам оморе домор?

Дедей эн Динор: Мерди дие. Мерд бие мердиети хуьшдере соху. Динорлей дедей говле гердо! Э дес иму офтоге Ирмие неки бебей Ирмиеш мол эвруьшуьмире хуно мибу. Шуьвер ме бегем эз у дур рафди.

Бебей эн Динор: Э зен! Зугьун туьре кутэхь сох!

Дедей эн Динор: Ме чуь гуфдирirem бегем? Жугьургьом гуфдирени: «Моле –сэхьиб гереки, гІэиле – деде».

Момо: Ишму Ирмиере «мол не гІэил» хисоб сохденит?

Дедей эн Динор: Мерд исди мум э дес зен. Э чуь гьолуб доногеш, у меди-ров. Шуьвермере э жогьили гуьрдегориш небу ки. ГІелем гъейсэгІэт эдее екем хомуш бире. Мерде зен сохде. «Воисдге парчо мисоху, не воисдге – хьомбол».

Бебей эн Динор: Э зен, жигей туьре дан.

Дедей эн Динор: Ме и бисд шешсал э туревоз эдем жигей мере гешде.

Момо: Бошгу, э бэхс мепоит. (чаруьсде э лой томошес охдегоргьом) Женг зен не шуьвер – воруш васалини. (чаруьсде э лой эн Динор) Чуь бэхш овурдей эри имбурузине домор?

Динор: Ме э бебеймеревоз э еки эдем хунде мэгІни.

Бебе не Динор эдет хунде мэгІнире. Э дес духдер тефд дери.

Жон духдерме, жун духдерме
Эри туь дуьгуьр хируьм?
– Хир, бебе, гъэдойтуь э ме,
жон бебе, гъэдойтуь э ме.

Жон духдерме, жун духдерме
Эри туь булши хируьм?
– Хир, бебе, гъэдойтуь э ме,
жон бебе, гъэдойтуь э ме.

Жон духдерме, жун духдерме
Эри туь тирох хируьм?
– Хир, бебе, гъэдойтуь э ме,
жон бебе, гъэдойтуь э ме.

Жон духдерме, жун духдерме
Туьре э шуьвер дуьм?
Нэгл, бебе, гъэдойтуь э ме,
жон бебе, гъэдойтуь э ме.

Жон духдерме, жун духдерме
Дуьм туьре э севдегер?!
Воро-воро, жунме бебе
Э севдегер мере меди,
Эз у мере дусд-ер нибу
Э хэёл пул –девлет мибу.

Жон духдерме, жун духдерме
Туьре э нэхирчи дуьм?
Нэгл, бебе, гъэдойтуь э ме,
Жон бебе, гъэдойтуь э ме.

Омон, омон, жон туь бебе,
Э нехирчи меди мере.
Себэхь мирав эз зусери,
Шев могордуй глоси – диври,
Гоф мисоху э хьуьршевоз
Микую мере э чомохэвоз,
Омон, омон, жон туь бебе,
Э нехирчи меди мере...

Жон духдерме, жун духдерме
Туьре э эшуьгъ дуьм?,
– Ди бебе, гъэдойтуь э ме
Ю мизенуь, ме межегуьм
Жон бебе, гъэдойтуь э ме

Момо: Чув раче мэгІэнини. Согъбоши, бурайт э утогъ ишму, денишит.
(чаруьсде э лой хьэрмэхьгьой Ирмиё) Чувтам оmore Динор эришму?
Хьэрмэхь эн Ирмиё: Духдер лап жогъили. Ирмиере эри чувни у?
Хьэгьергили эн Ирмиё: У духдере гІэил нисди, ур мою дуь-се гІэил зенде.
Ирмиё кей дошде, келе сохде угъ гьиллере? У герек нисди Ирмиёре.
Момо: Ме варасируьм ишмуре. Виним гІэрусьгойгереш.

Сеймуьн перде

Момо: Изму шинох бошит э дуймуьн гьэрусевоз, нум комики гьисди Томор.

Ирмиё взхуьшдени эз жигей хуьшде

Томор: (эдей дес доре Ирмиере) Томор.

Ирмиё: Ирмиё.

Томор: Ме омбар шорум имбуруз э инжо оmoreм гуфдире.

Ирмиё: Меш шорум, Томор.

Момо: Кешит, нуьшим шинох бошит. (Э Томор) Э раче духдер, туьре чув овурди инжо? Туь гьейчув не дануьсде э шуьвер рафде? Ихдилот сох эри му.

Томор: Эйчув не дануьсдем? Мере гьеммише бу хьовиргьо, хьэрмэхьо, песде бу чувтам гьейсэгІэт гуфдирениге гражданский шувергьо.

Момо: О! Ижире коргьош бу! Дие чув бисдо?

Томор: Песде екире ме шендуьм, екийге мере шенд. Гьечи мундем е тэхно дуь согъэ руз.

Роспо: Чув? Дуь согъэ руз? Дуь руз чувни? Кимигьо э салеревоз денишире э шуьвер. Шуьвер эри туь булши нисди ки э и зури эри офде. Тойгьойту гьэлем э шуьвериш не рафдики.

Наомо: ГІэилле исди туьре?

Томор: Эри, дуь гІэили мере.

Наомо: Чув мисохит ишму эвленмиш бисдоритге? Ирмиёре чор гІэил, туьре – дуьдуь?

Томор: ГІэилгьой Ирмиёре зенгьо мидошдуь, гьэилгьоймере – гражданский шувергьо. Иму дуь э екиревоз мизигьим, хьэз мисохим.

Роспо: И чув гІэлемэте кори!

Момо: Э киревоз оmoreйт ишму?

Томор: Э дуь хьэрмэхевоз.

Роспо: Чув хьэрмэхьо? Гражданскигьо?

Томор: НэгІ, нэгІ. Хьэрмэхьгьой гьэилли.

Роспо: (Э ки Ирмие) Ижире фиш-фишлие гІэруьс гереки имуре?

Ирмиё: Виним дие.

Роспо: (чаруьсде э лой хьэрмэхьгьой Томор) Чувтам оmore эришму домор?

Суьфдеи хьэрмэхь: Ирмие омбар зигьисди э гьулом, омбаре зенгьо винири.
Э Томоревоз у хуб мизигьу.

Дуимуюн хьэрмэхь: Эриме оморени Томор уре зу мишенуь. Эри энз Ирмие пири. Томор чуьн джейрони.

Момо: Бошгу, бошгу Руспо. (э лой Томор чаруьсде) Бэхш чуь овурдей?

Томор: Мэ эри гьемме еки бэхшгьо овурдем. Эри Момо отрез (мол) шевиот, эри Роспо келегъэи, эри Наомо – диск э прогноз астарэгьоревоз.

Момо: Гьеммей эн и коргьо хуби, эри домор чуьни?

Томор: Эри домор? Менуьм ки бэхш.

Эдей вежегъисде твист э иловлей Ирмие.

Момо: Согъбоши, бурайт э утогъ ишму, денишит.

(чаруьсде э лой хьэрмэхьгьой Ирмиё) Чуьтам оморэ Томор эришму?

Хьэрмэхь эн Ирмиё: Раче духдери, Ирмиё э уревоз тенги нисоху. Хьэгьергили эн Ирмиё: Гьемме руз тозе хьэрмэхьгьо миору э кин Ирмиё. Э еки минуьшуьт, е еки мивэхизуьт.

Наомо: Астарэгьош эдей гуфдире Ирмие не Томор э еки омбар низигъу.

Чормуьн перде.

Момо: Пэзизе томоше сохдегоргьо, иму шинох бисдорим э дуь глэрусевоз. Имогъой оморэ сеймуьн гъэруьс. Чек зенит.

Ведироморени Гинонор, бие зен.

Гинонор: Гинонор.

Ирмиё: Чуь раче нуми.

Гинонор: Нум келедедеймени.

Момо: Кешит, нуьшим,гоф сохим.

(Э Гинонор) Имогъой омори възд туь эри ихдилот сохде о товун зиндегуни туь.

Гинонор: Чуь гуюм? Э възгъдой хуьшде бисд сале биренге рафдем э шуьвер. Шуьвер ме гъунши-мехъэлеиму. Е динже глэил, корсохе глэил. Эдебу э завуд шлифовальный кор сохде. Пэилиш бири имуре. Песде сер гирди перестройка. Шуьвер мунди корсуьз. Ме сер гирдем эри алвар сохде. Рафдем э Китай, Турция, э базаргьо поисдем, чигьоре эри фурухде, гуьрде кифлете. Шуьвер умогъой нуьшди э хуне, ичку хурде э хьэрмэхьоревоз. Ме чэнгъэде възгдо тоб дорем, гъечи дануьсдем кор миофу, ичкуре не хьэрмохой пьенискогьире фурмуш мисоху. Оммо у руз бе руз эдебу зобуте бире, сер гирдебу гьелем мере эри куьшде. Эри чуьни мере ужире шуьвер? Ме ведекуьрдуюм угьре.

Момо: Э киревоз оморей туь?

Гинонор: Э духдеревоз не э е хьэгьергилиревоз.

Момо: (э духдер Гинонор) Туь разини дедешму э Ирмиё э шуьвер бурав гуфдире?

Духдер Гинонор: Дедеймуре воисдге, гъейчуь нэгІ. У келе одомини. Эри хуьшде у векили.

Момо: Чуь хубе духдере келе сохдей туь, Гинонор!

Роспо: (чаруьсде э лой хъэргьргили Гинонор) Туь чуь фикир сохде э товуней домор?

Хъэргьргили Гинонор: Чуь гуюм? Зобуне мерд нисди. Ки дануьсде песде чуь мисохуге? Е хъэргьргили миофу, е мивириху э эржой бисдо? И гъэйсэгъэтине мердгьоре ки дануьсде?

Роспо: Меш гъе уре эдем гуфдире. Гъэйсэгъэтине мердгьоре ки дануьсде?

Момо: Туьре Роспо е мэгІэнини. (чаруьсде э лой Гинонор) Э зен, бэхш туьре бурмун.

Гинонор эдей бэхше бурмунде. Бэхш эн Гинонор гъисди сэгІэт суьрхи.

Ирмиё: Омбар согъбоши!

Момо: Согъбоши, бурайт э утогъ ишму, денишит. (чаруьсде э лой хъэрмэхгьой Ирмиё) Гуит дуьмитгьошмуре э товуней Гинонор?

Хъэргьргили эн Ирмиё: Гинонор хубе зени. Мере хъэз омори эз у. У той Ирмиёи.

Хъэрмэхъ эн Ирмиё: Мере эз бэхш эн у лаб хъэз омори. Гьеммише ижире бэхшьо сохдге эри хъэрмэхъ иму, ме разинуьм, Ирмиё биё хою уре.

Момо: (Чаруьсденки э лой томоше сохдегоргьо) Оммоне, мерайт! Эз пенж минутиге миданим кире вихдиге Ирмиё!

Ме, Момо, Роспо не Наомо имогьой гьеммише э ишмуревоэ э телефониш. Зенг зенит, иму несигІэт мидим чуьтам зигъитге, чуь хуритге, еже бурайтге, чуь сохитге, чуь вокунитге.

Пенжмуьн перде

Момо: Духдергьо рафди э утогъо. Иму биё гоф сохим. Э Руспо туь чуь весиет доре Ирмиёре?

Роспо: Эри Ирмиё гьемей эни духдергьо гІемел нисе оморе. У Динорле духделей хуне. Хэйф эн у духдери. Бебешу мидануь эри эн у хубе шуьвер офде, гъэдуьр эн духдерире дануь гуфдире. Ирмие э дес бебе-дедей эн Динор дарафдге осгъугьой Ирмиере эз дастар мигировунугъ угъо. У Томор! У чуьни! У гражданский шувергьо, у хъэрмэхгьой гІэилли. У бегем гІэруьси? У хунеи нисди ки. У духдере эри овурде эри хуней хуьшде нисди у. У духдер сирои ки. Э хуней дуьшмеш медараво ужире гІэруьс. Гинонор хубе зени. Уре гъисди хуне, духдер. Уре э Ирмиё чуь дери рафде, бебей чор гъзил. Алиментгьой энуре эри доре? Гинонор эз гІэтош хилос бири э элов эдей дарафде.

Момо: Бошгу, бошгу, Роспо. (э лой Наомо чаруьсде) Э гуьзеле Наомо астаргьо чуь гуфдире э товуней имбурузине доморгьо-гІэрусгьойму?

Наомо: Астаргьо эдее гуфдире ки Ирмиё не э менгевоз, не э чуьшмеровоз э рэхъ рафденигьо нисди. У тэхсири эри зиндегуни хуьшде. Гьемме асдарагьо

чаруьсдени э лой духдергьо, асдарагьо эдее гуфдире: «Эри ижире мердгьо гьич зенгьо офд мегердо».

Момо: Э Ирмиё, вир сох гуфдиногоймуре, гуш вени э дуьлтуь. Вих эри хуь-шде е зен, э комики белки мугуи: «Биё эвленмиш бошим! Э метлеб иму расим!»

Гьеммееки рафдени. Перде сэхд бире.

Шешмуьн перде

Ведироморени Ирмиё э се гъэрусевоз.
(Хундени мэгІэни).

Ленге холе.
Эже бире хунешму,
Чуь нуьми сэхъибтуьре?
Илчи фуьрсуьм эри туь
У ленге холей мере.

Момо: И небиригьо кори, Ирмиё. Туь гъэрсере хосдени?

Ирмиё: Мере эз гьеммей эн и зенгьо-духдергьо хьэз оmore.

Момо: Гьечуь гІэмел нисе оmore. Се зен ние бу одомире. Туьре э гъээмет минуьшуьну. Зенгьойтуь муй екире еки-еки медешенуь.

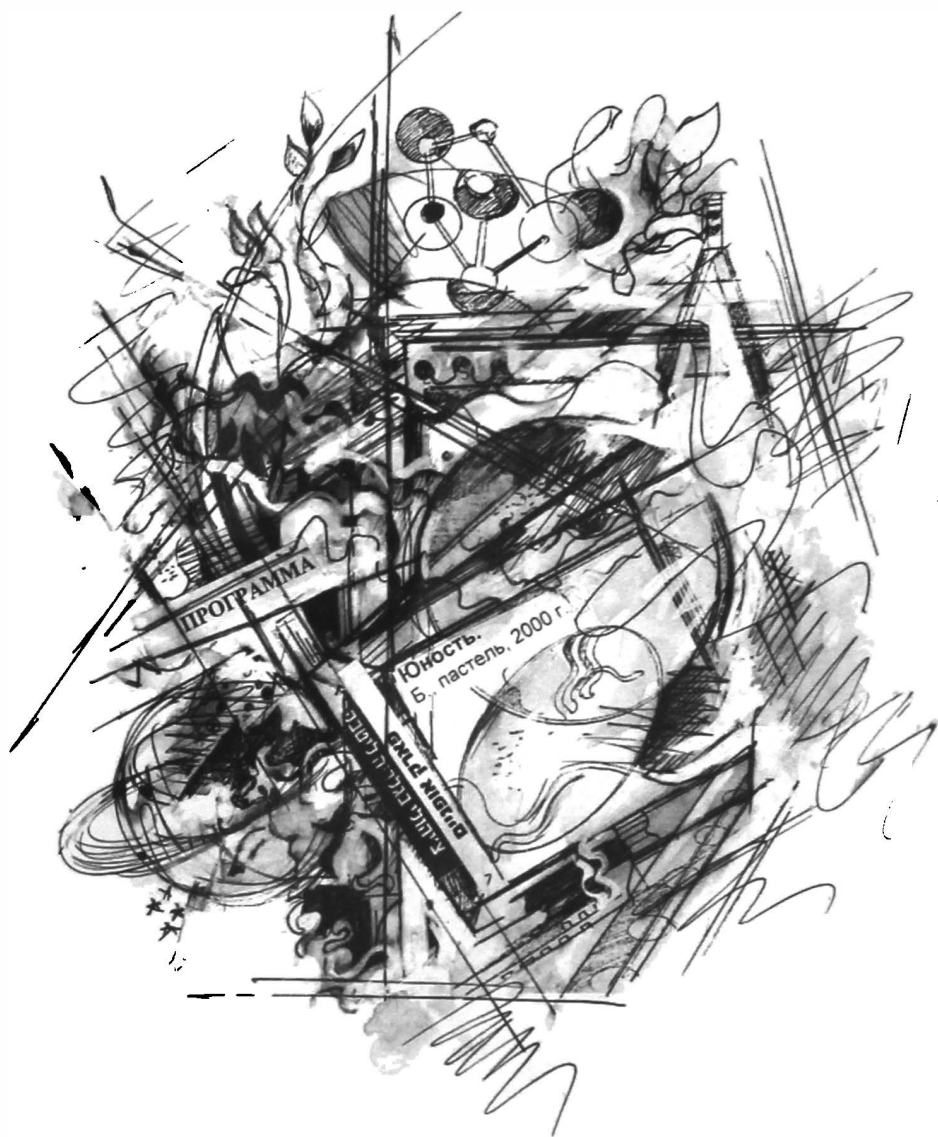
Ирмиё: Гьечуьниге, гІэмел оморениге ме сзбехиш гьегенде миём. Мере лап хьэз оmore инжо.

Момо: Чуь биё сохде биёв? Эри Ирмиё гІэмел миёв е гилейгеш эри оmore.

(Хундени Ирмиё) Если б я был Султан, я б имел трех жен и тройной красотой был бы окружен. Не очень плохо иметь три жены, но очень плохо с другой стороны. Тещи тоже три. И т.д.

Момо: Себэхь биейт кура бошим! Кире воисдениге э метлеб хуьшде расире биейт э киму! Эришмуш гьерки бисдо гьергой бисдо белки мугую: «Биё эвленмиш бошим!»

БИБЛИОТЕКА

рецензии, аннотации, критика

«И МОРЕ, И ЗЕМЛЯ, И НЕБО»

(69 белых пятистиший)

Литературно-художественное издание.

Автор: Борис Ханукаев.

Издательский дом «Мирвори»,

Израиль, 2007 г.

Мягкая обложка, формат 13,5х21, 84 стр.

69 белых пятистиший. «Почему именно 69?» – спрашиваю автора. «Так получилось, – отвечает задумчиво. – Написано много. Начал выбирать лучшие, и остались именно эти».

Обидно было бы смириться с тем, что всё так просто. Хочется верить: рукой Поэта движет Муза, а сердцем – непостижимая нашим обывательским разумом Сила.

Читаю, перечитываю, вчитываюсь. Всплывает в памяти магический знак «Инь-Ян» – вселенское соединение женского и мужского начала. Его каждый читает по-своему. Для меня – это шестёрка и девятка, слившиеся воедино и образовавшие круг – Круг жизни.

С чего начали – к тому вернёмся, от чего оттолкнулись – к тому приблизимся.

69 белых пятистиший – словно бусинки, нанизанные на невидимую Нить. Концы Нити стремятся друг к другу и, переплетаясь, опоясывают Круг жизни.

Не надо понимать буквально – это не Круг жизни автора. Автор ещё молод и способен нанизать на свою Нить немало новых ярких бусин. Но в его книге перед нами плавно и неспешно прокручивается Нить жизни человеческой. Её исток в «янтарном детстве»:

С насмешкою смотрит
Рыбак на меня.
А мне не нужен улов.
Я беседую с морем
Как с другом янтарного детства.

«Рыбаку» не понять. Он взрослый, ему надо думать о хлебе насущном. Но ведь и он когда-то умел мечтать, умел бескорыстно любить, бескорыстно дружить. Он умел любить море только за то, что оно Море. Но прошли годы, и он воспринимает его, как водное пространство, из которого можно кое-что «выудить».

С этого утеса
Мы прыгали в море.
А теперь вода поднялась.
И утес
Не так высок.

Почему сегодня мне так близки именно эти строки? Видимо, я нахожусь на том этапе моего Круга жизни, когда высоты, которые я с юношеским задором штурмовала когда-то, кажутся мне мелкими и не стоящими брошенных на них усилий. Меня тяготит боль о растраченном попусту драгоценном времени, которого нам отпущено совсем немного. Слышу, как тикают часы, сбрасывая в бездну секунды.

Перечитываю эти строки вновь и с грустной улыбкой думаю о годах немудрой юности, когда не было преград, когда всё казалось под силу, когда сначала совершали, а потом – просчитывали, сначала говорили, а потом обдумывали. Тогда всё было можно, всё прощалось. Но эти счастливые сладкие годы ушли безвозвратно.

А мы продвигаемся дальше, минуя «дым воспоминаний», входим в сегодняшний день. Остались в прошлом седой Каспий, восторг первой любви и «бесшабашное счастье». Нить неумолимо движется вперёд, мы вынуждены подчиниться её стремительному бегу и погружаться в реальность, где нас ждёт «ночь Дельфинария», где сердце может стать «надкушенным яблоком», где чувства контролируются разумом:

Солнцу
На мгновение
Улыбнулось смущенное сердце ...
Сгорая в томлении –
Между любовью и долгом.

Мне кажется, книгу можно поделить на две части. Линией раздела станет не поэтическая, а вполне реальная пограничная черта между Страной вчерашней и Страной сегодняшней.

И сегодня, как вчера,
В море вхожу.
Ждут меня
Акулы и дельфины.
Начало дня.

Эту книгу нельзя пролистать, просмотреть, пробежать. Её надо читать. Медленно. Вдумываясь в каждую строку. И вы откроете ... себя.

Каждое пятистишие при новом прочтении вызывает и новые ассоциации. Я

перечитываю, и чувства сменяют друг друга. Одно пятистишие вызвало воспоминание о каком-то, давно забытом, радостном событии детства, другое напомнило о безвозвратной утрате, третье – о первом ярком чувстве, четвёртое – о нестерпимой боли разочарования. Вполне возможно, что автор закладывал в них иной смысл, иные переживания, к которым мои и ваши не будут иметь никакого отношения. Но в этом-то и вся прелесть избранного им жанра. Нет конкретной рифмы, нет чётко выписанных рамок. Только пульс ритма, чувства и ассоциации, которые, естественно, у каждого свои, неповторимые, уникальные.

69 белых пятистиший. Некоторые из них вы примете, а вернее, почувствуете сразу. Другие поймёте чуть позже или не поймёте вовсе. Не беда. Значит, в вашем Круге жизни этой бусинки нет или ещё нет. Для того чтобы всколыхнуть вашу душу и задеть самые тонкие её струны хватит и принятой части.

Желанная песня
Еще не пропета.
Но арпеджио быстрые
Яростных волн
Финал приближают.

Все мы порой ловим себя на подобной мысли. Но радостно сознавать, что не этим пятистишием завершается книга. Оно шестьдесят восьмое. Завершающим штрихом стал «Иерусалим» – город-символ, город-мечта, город-надежда. И пусть «одинокая скамья», пусть «тоскующий парк», но жизнь продолжается, и в ней есть ещё место «желанной песне».

Маргарита КОЗАКОВА

«В ЧЁРНО-БЕЛОЙ МЕТЕЛИ...»

(Сборник стихов)

Литературно-художественное издание.

Автор: Лев Абрамов.

Издательский дом «Мирвори»,

Израиль, 2011 г.

Твёрдый переплёт, формат 12х17,5, 112 стр.

Отношения с поэзией у меня сложные... Нет, не так! Глупости какие. С Поэзией у меня отношения самые что ни на есть любовные. Одна талантливая строчка может привести в

щениячий восторг! Я буду кружиться с ней, носиться, как с самой большой ценностью, буду стараться найти того, с кем можно поделиться неожиданной радостью, кому можно продемонстрировать свою потрясающую находку.

Но как редко в последнее время доводится переживать такой восторг... Что ж тут поделаешь – «издержки производства». Как и любому редактору, мне приходится перечитывать груды такого... «не дай Б-г каждому» (это из «Ширли-Мырли», если кто подзабыл).

Но какая же это удача, какой праздник, когда среди огромного количества поступающей в редакцию писанины вдруг блеснёт – оно, настоящее...

Наверное, такое ощущение испытывают искатели кладов или рудокопы, которым приходится перелопатить тонны пустой породы, прежде чем...

И точно так же, как тот рудокоп, невольно себе, редактору приписываешь заслугу: «Это же я! Я нашла, я обнаружила. Копала-копала и докопалась...» Хотя, конечно, никакой моей заслуги тут нет. Прочла бы я эти строчки или не прочла, они всё равно бы не потускнели и остались бы такими же глубоко-поэтичными, каковыми их и задумал автор:

...Ты играй, скрипач, играй, прошу.
Нерв струны натянут и во мне.
Безысходность, что в себе ношу,
Я спалю в спасительном огне.

Между струн дрожит моя душа,
Звук уносит вдаль от суеты.
Внемлю, как молитве, не дыша –
Здесь алтарь несбывшейся мечты...

Раскройте свои изболевшиеся, натруженные души и вчитайтесь. Вы слышите музыку? В этой книге она везде: на обложке, на каждой страничке, в каждой строчке. Нежная музыка ноктюрнов Шопена, яркие, жизнеутверждающие моцартовские пассажи, тревожные бетховенские аккорды, полифония Баха...

Мне кажется, что если бы стояла такая задача, то к каждому стихотворению можно было бы найти музыкальный фон, звучавший в сердце автора в момент его написания. Хотя, конечно, тут легко и ошибиться, ведь у каждого человека своё собственное восприятие и поэзии, и музыки.

Интересно, что услышите вы, прочитав вот эти строчки?

...В лёгком воздухе хмелево-сладостном,
С губ срывая раскатистый смех,
Вальс рассыпался звуками радости,
Поднимаясь куда-то наверх.

И от нашей дурманящей близости
Полной чашей восторга дышу.
Этим ритмом, кружением, живостью,
И любовью, что в сердце ношу...

Да это же Хачатурян! Вальс к клермонтовскому «Маскараду». Тот же напор, та же страсть и безудержное кружение долгожданного выстраданного счастья, та же тревога – ведь в любой момент оно может внезапно закончиться.

А хотите Грига? Так вот же она, вот – песня Сольвейг, но только в оригинальном мужском исполнении:

...Губы мягкой ватой
На моё дыханье,
Жест замысловатый,
Сон – воспоминанье.
Липнут к нежной коже
Запахи и звуки,
И снести не можешь
Ожиданья муки...

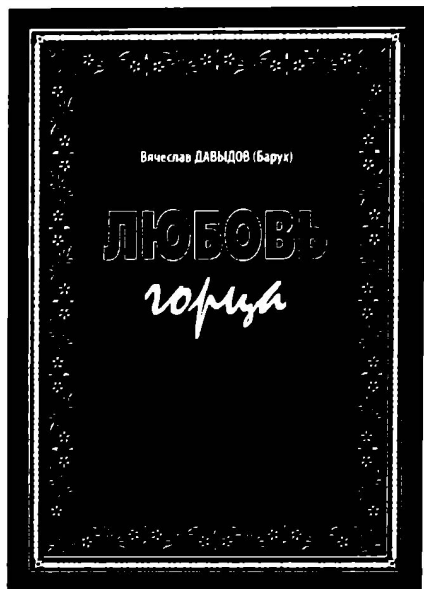
Мне пора закругляться, иначе я весь сборник разложу на партитуры, а это – «не есть хорошо». Зачем навязывать вам мои ассоциации, когда вы обязательно, я уверена в этом, найдёте свои, непостижимые чужому слуху и чужому вкусу.

Но прежде, чем вы перевернёте страничку и попадёте в дурманящий мир музыкальной поэзии Льва Абрамова, позвольте небольшой совет человека, уже в этом мире побывавшего: не читайте эту книжку впопыхах, на ходу, в транспорте или в обеденный перерыв. Дождитесь вечера, когда все сегодняшние заботы закончены или отложены на завтра, все дела переделаны, работы отработаны, споры отспорены, все «посторонние шумы» отшумели или отправились спать... Вот он – самый подходящий момент побыть наедине с собой и перенестись в мир, отогревающий сердце, воскрешающий самые дорогие ему мгновения.

Включите свою самую любимую музыку, откройте книгу и читайте...

Маргарита КОЗАКОВА

ТРИ ПЬЕСЫ ВЯЧЕСЛАВА (БАРУХА) ДАВИДОВА

В 2009 году издательский дом «Мирвори» выпустил в свет книгу – пьесу Вячеслава (Баруха) Давыдова «Любовь горца», которую он по жанру определил как повесть для театра в 2-х действиях.

Её автор – бывший москвич, доктор искусствоведения, музыкант, поэт, член Союза писателей Израиля. И вот В. Давыдов предстаёт перед нами в новой ипостаси как драматург, хотя он в драматургии не новичок. Как он пишет в предисловии к пьесе: «это не первое моё обращение к жанру драматургии. Ей предшествовали три пьесы, две из которых были созданы в России, а третья – в Израиле».

Свою новую пьесу он написал в результате знакомства и общения с известным деятелем горско-еврейской культуры Хаимом Агаруновым, к сожалению не дожившим до выхода пьесы в свет. Вот почему автор посвятил своё произведение его памяти.

Моё знакомство с творчеством В. Давыдова началось со стихотворения «Горским поэтам», опубликованного в № 1 «Кавказской газеты» (2000 г.). Тогда же состоялось и наше личное знакомство благодаря поэту (ныне покойному) Алексею Якубову.

С тех пор я внимательно слежу за его творческим ростом и ценю многогранный талант Вячеслава и его неугасающее стремление к изучению истории и культуры горско-еврейского народа. Потому я был польщён, когда получил от автора в подарок новую книгу, пахнущую свежей типографской краской, с его автографом.

Поскольку «Любовь горца» – первая пьеса, посвящённая жизни горских евреев в Израиле, это налагает на её автора как на первопроходца определённую ответственность за точность и глубину знания темы. Но после первых же фраз героев пьесы я почувствовал, что попал в знакомый мир образов и ситуаций. Более того, образ мудрого старика Хаима написан как будто с моего покойного брата, прожившего в Америке 15 лет и приезжавшего к нам в гости в Израиль. У меня было такое ощущение, что я не читаю пьесу, а сам являюсь её действующим лицом.

Сюжет пьесы – приезд Хаима из Америки в Израиль на свадьбу своей внучки Мазаль – я нахожу очень удачным, поскольку такой ход позволяет взглянуть на жизнь горских евреев на Земле Обетованной новым, свежим

взглядом. В пьесе довольно большое количество действующих лиц (14) разных возрастов: от мальчика 13 лет до 80-летнего ветерана войны.

Автор показывает трудности, с которыми сталкиваются люди старшего поколения в Израиле. Родители невесты, Моше и Батцион, и мать жениха Тамара (его отец погиб в теракте), не сумев основательно выучить иврит, были вынуждены забыть о своих инженерно-педагогических дипломах и согласиться на не престижную работу в охране, за кассой, по уходу за престарелыми и т. д.

Зато более удачно складывается судьба горско-еврейской молодежи: не только парни, но и девушки охотно служат в израильской армии, где, кстати, Мазаль и познакомилась со своим будущим женихом Шимшоном. Она собирается стать преподавательницей музыки в школе, увлекается живописью, а Шимшон, работая после армии механиком в гараже, серьезно мечтает заняться бизнесом.

Шауль, младший брат Мазаль, поступив в ешиву, выбрал путь служения Богу, о чем он и мечтать не мог на доисторической родине.

Красной нитью через всю пьесу проходит идея необходимости сохранения горцами Кавказа в условиях израильской действительности своего языка, обычаев, культурного наследия. На мой взгляд, автору удалось отразить в пьесе наш кавказский колорит. События пьесы разворачиваются во дворе домика на окраине города с компактным проживанием горских евреев. Мы видим большую террасу, фруктовый сад, виноградник, что было характерно для выходцев с Кавказа на их первой родине. Мы слышим в пьесе большое количество горских пословиц и поговорок. Батцион угощает прибывшего из Америки отца национальными блюдами. А Хаим даёт тринадцатилетнему Алику, младшему брату Шимшона, урок любви к своему народу, произнося фразу, подобно герою пьесы Горького «На дне»: «Горский еврей – это звучит гордо!».

Особое значение в пьесе приобретает спор между закадычными друзьями – ветераном войны Исроилом и пенсионером Нисимом, у которых противоположные взгляды на вопрос, должны ли горские евреи сохранять в Израиле свой язык, традиции, культуру.

И тут на сцену выступает ещё один важный женский персонаж в лице жены Нисима Любы, которая в Израиле обнаруживает поэтический талант и начинает писать стихи на горско-еврейском языке. Именно в уста Любы автор вкладывает ответ на этот «каверзный» вопрос: «Должны не только сохранять, но и развивать свой язык и культуру! Потому что, забыв свои корни и лучшие традиции, мы перестанем существовать как горско-еврейский народ. Но мы никогда не допустим этого!»

Появляющийся в конце пьесы руководитель музыкального ансамбля Эдик напоминает, что горско-еврейские свадьбы также служат сохранению национальных традиций. И не случайно пьеса заканчивается кавказским зажигающим танцем лезгинка!

И всё же главной темой пьесы является, как и заявлено в её названии, любовь горца. Это не только любовь с нетерпением ожидающих свадьбу молодых Шимшона и Мазаль, успешно проходящих через первое в их жизни серьёзное испытание, которое им устраивает подруга Мазаль Шошана. Это и зарождающаяся любовь Хаима, потерявшего за два года до приезда в Израиль свою жену, к Любе, которая собирается разводиться с Нисимом, отрицающим её право на поэтическое творчество. Возможно, они сойдутся, и будет ещё одна счастливая семья...

И последнее... В. Давыдов назвал свою пьесу повестью для театра, как мне думается, не случайно. Она представляет собой синтез двух жанров: по содержанию это повесть, причем как повесть может считаться самостоятельным литературным произведением, а по форме – театральное действо.

Вячеслав остается верен той же теме и в своих последующих пьесах. «Развод по-кавказски» написан для горско-еврейского театра в Хадере и посвящен его основателю и руководителю, замечательному режиссеру и артисту Роману Изъяеву. Автор торжественно вручил пьесу Роману, который заявил, что она будет поставлена в его театре. Кстати, ее перевод на наш язык джуури уже осуществил сын Хаима Агарунова, Рафаэль Агарунов, и этот перевод будет положен в основу постановки пьесы в хадерском театре.

Сюжет пьесы «Развод по-кавказски», по жанру – народной комедии, построен на том, что две женщины Девлет (50 лет) и Изабелла (55 лет), бывшие жительницы Куба, уже давно матери и бабушки, пришли к раву Давиду с просьбой оформить развод. Действительно, в Израиле, в отличие от Кавказа, значительно участились случаи разводов в наших семьях, что приняло характер эпидемии.

Главным героем комедии становится рав Давид, который в результате умелой разъяснительной работы на основе еврейских традиций и законов Торы добивается всеобщего примирения.

Автор как тонкий психолог точно подмечает особенности жизни нашей общины в Израиле. В комедии проводится идея о том, что наши горские женщины в условиях Израиля раскрепощаются и начинают чувствовать себя свободными от оков старых семейных предрассудков. Девлет добивается права учиться на курсах вождения, а Изабелла стремится к освобождению от тирании свекрови. Пьеса увлекательна, сценична, и пронизана сатирой, смехом, юмором и читается на одном дыхании.

Третья пьеса В. Давыдова «Он и Она в отсутствии скамейки», опубликованная в 19-ом номере литературного альманаха «Хронометр», прежде всего, удивляет необычностью своего названия. Вячеслав так объясняет его в предисловии «От автора»: «Когда-то в России была очень популярна пьеса А. Гельмана «Скамейка», в которой мужчина и женщина выясняют свои непростые отношения. Позже эта пьеса стала идти в Израиле под названием «Московский роман в Тель-авивском парке». И вот мне пришла в голову

идея: а как будут вести себя мои герои в условиях израильской действительности и в отсутствии на сцене скамейки? Что из этого получилось – судить читателю и зрителю.

В пьесе всего два действующих лица: супруги – репатрианты из Баку, Роман (45 лет) и Надежда (40 лет). Роман – бывший большой чиновник-нефтяник, Надежда – кандидат наук. В Баку у них было абсолютно все: должности, кабинеты, дачи, машины, ордена и почет. А в Израиле приходится начинать жизнь с нуля. Надежда в отчаянии: деньги кончились, а надо жить, оплачивать счета и т. д., а Роман отказывается от «любой» работы. Выяснение отношений происходит на пустыре, где нет ни одной скамейки. Нет сомнения, что это удачно найденный автором символ неустроенности, неопределенности, отсутствия точки опоры.

И все-таки, как и следовало ожидать от автора, финал пьесы оптимистичен. Роман соглашается идти на не престижную физическую работу на раскопках во имя детей, во имя сохранения любви и семьи.

Я от души поздравляю Вячеслава Давыдова с выходом в свет трех его пьес и желаю им долгой и счастливой жизни на сцене нашего и других театров не только на русском языке и джуури, но и на иврите.

Соломон АБРАМОВ

К ЮБИЛЕЯМ
КЛАССИКОВ

СЕМЕНДУЕВ Александр

Александр Шаулович Семендугев родился в 1916 г. в Дербенте. Окончил 7 классов, педагогические курсы и в 1932-1934 гг. работал учителем начальных классов еврейской школы. Его ранние стихи печатались в газете «Захметкеш» и вошли в первую антологию горско-еврейских поэтов, выпущенную в этот же период под редакцией Ехишлы Мататова.

По окончании 2 курсов рабфака (1936 г.) Александр поступил в Тамбовское артиллерийско-оружейное училище, которое окончил в 1939 г. Прошёл всю войну, в 1947 г. окончил Высшую артиллерийско-техническую школу вооружённых сил и продолжил службу в Советской армии на различных должностях. Демобилизовался в 1960 г. в звании гвардии подполковника технической службы. Награждён многими орденами и медалями. С 1960 по 1993 работал в средней школе учителем труда.

Начав ещё в юности писать стихи, А. Семендугев не расставался с творчеством всю жизнь. Очень интересны его фронтовые стихи и заметки. В 80-х его произведения регулярно печатались в альманахе «Ватан советим». Вышли в свет два сборника «Моё время» (1991) и «Волны жизни» (1993).

ВОСПОМИНАНИЯ

(в сокращении)

Вниманию наших читателей мы предлагаем воспоминания Александра Семендугева об отце – известном народном поэте Шауле Симанду, которые увидели свет благодаря Геннадию Семендугеву, сыну поэта, выпустившему уже после кончины отца (в 2001 г.) книгу «Звезда моя – Астарайму».

Мой отец Шаул Симанду, родился в 1856 году в Дербенте. Он был седьмым ребенком, самым младшим в семье. Конечно, о получении образования или даже настоящей профессии в такой многодетной семье, глава которой сам был неграмотным поденным рабочим, не могло быть и речи. В те давние времена образование было привилегией богатей.

Отец рано лишился родителей. Он стал работать с семи лет, уезжал со взрослыми на уборку хлеба (э бичин).

Мальчик рос крепким и трудолюбивым и, спустя некоторое время, выполнял работу наравне со взрослыми. О своем трудном детстве, о преждевременном взрослении он вспоминал очень редко и только тогда, когда мы – дети нуждались в этом напоминании. Он, как и его сверстники, рос гордым и независимым.

Пришло время, когда старшие братья напомнили Шаулу, что ему пора жениться, но он отказался под предлогом отсутствия у него средств и надежной специальности. Он хорошо знал, что родители не оставили никакого состояния, часть которого мог бы получить при разделе с братьями. Была лишь комната-временка с плоской крышей, покрытой гудроном. Строение из мелких необработанных камешков на глине по Колодезному переулку 7. В этом дворе жила вся многочисленная семья. Старшие братья, обзаводившись семьей, оставались здесь же, но в отдельных временках, расположенных в разных концах небольшого двора...

Шаулу Симанду еще в молодости пришлось в течение многих лет работать по найму перекопщиком, поливальщиком, обрезчиком лозы, приходи-

лось рыть траншеи и сажать новые сорта винограда. Крепкий от природы, упорный в достижении намеченной цели, он тем временем присматривался к специалистам-бондарям, изготавливавшим бочки для вина. Эта работа считалась высококвалифицированной, хотя физически очень трудной.

Спустя много десятилетий, когда отцу было за семьдесят, он вспоминал, что его рабочий молоток весил пять фунтов, но специальности рабочего-бондаря, которую избрал, он никогда не изменял. Но для овладения профессией надо было идти в подмастерье и продолжительное время быть в посыльных. Он решил идти другим путем: поначалу стал закупать самый необходимый инструмент, выкраивая деньги из своего скудного заработка, и вечерами, после 10-12 часовой работы на хозяина, осваивать специальность бондаря самостоятельно.

Шаул Симанду побывал к тому времени во многих аулах и селениях, там усвоил языки народностей Дагестана. Уже в молодые годы у него было обширные знакомства, а иногда и близкие дружеские отношения со многими земляками не только горских евреев и азербайджанцев, а также лезгин, даргинцев, кумухов и многих других народностей. Он всегда говорил, что наши предки пришли в Дербент из горного селения Аба-Саво, и его всегда тянет в горы: там целина, там самобытность.

В начале сентября 1982 года автор этих строк с Рафоилом Ильевичем Ильевым (учителем физики средней общеобразовательной школы г.Дербента), поднялись в горы и посетили Аба-Саво – бывшее поселение наших предков, горских евреев. Здесь мы увидели площадки из-под разрушенных когда-то строений, кладбище с памятниками, на которых можно было, правда, с трудом прочитать время, имена и отчества захороненных...

Шаул Симанд женился в 28 лет. Свадьба не отличалась особой пышностью на обеих половинах (мужской и женской), так как и родители жены не были состоятельными людьми. Невесту привели в ту самую комнату-временку, выделенную ему старшими братьями по разделу. Началась новая самостоятельная жизнь, со своими радостями и горестями. Но отец был счастлив.

Оптимист, последовательный и настойчивый в достижении цели, правдолюб и безгранично чуткий к людям, отец не чурался никакой черновой работы. Повседневный, непрерывный труд, общение с людьми всех слоев и категорий обогатили его знаниями их жизни и психологии. Поэтому, только-только перешагнув рубеж молодости, он своим отношением к труду, доброжелательностью и прекрасным пониманием человеческих достоинств и недостатков приобрел особую привлекательность среди товарищей-сверстников и даже многих старших его по возрасту.

Присутствуя на свадьбах и других торжествах у друзей, на которых песни и вино лились как из рога изобилия, отец многое слышал и о многом высказывал свое мнение. Традиционные в таких случаях диспуты, неперемненные комментарии религиозных положений, высказывания по интересующим вопросам уважаемых стариков и их поэтический фольклор собирали массу слушателей. Отец во всех случаях оставался справедливым и непреклонным в поисках и утверждении истины, и оппонентам, «сражавшимся» с ним, приходилось порой очень туго.

О людях невоспитанных и распущенных он иносказательно говорил: «Уре сер-

нугум биё тэхте-тэхте соху, гьер тэхтей юре ранде зенуь эеки гуьнжуну, песде эз у одоми бу» – «Его необходимо вновь разобрать по клепкам, прострогав, подогнать их друг к другу, и тогда будет толк».

Время летело быстро. Ему приходилось много работать у разных хозяев, чтобы обеспечить семью. Мама как-то рассказывала, что отец, работая вечерами дома, постоянно напевал и, выстукивая молотком в тон песни, выбивал какие-то трели и мелодии. Мы – дети, заслышав «переплетенных звуков ряд», вначале вздрагивали, боялись, но постепенно привыкали к его дробу и засыпали под нее, как под колыбельную песню. Потом мы стали догадываться, что эти перестуки для отца были своего рода песней, музыкальным откровением его души.

Хозяевам, на которых он гнул спину, не нравилась твердость его характера и прямота. Но он шел своей трудной дорогой жизни, радости и печали которой возникали и гасились только трудом, и не хотел с нее сворачивать.

Человек с вольнолюбивой поэтической душой, он не мог не задуматься над сложностью жизни своего народа. Позднее поэт Сергей Изгияев в своем произведении «Усдо» скажет:

Шли годы. Дети подрастали, и забота о них была самой главной для отца, но не последней и не единственной. Он купил в рассрочку у одного из садоводов-богачей пустующий клочок земли, расположенный прямо у дороги. Как выяснилось позже, богач, сбывая участок, преследовал сразу несколько целей. Он хотел избавиться от неплодоносящей земли и заодно отгородиться от проезжающих по «большаку» людей. И ещё поговаривали, что с этого участка через «большак» очень часто перед восходом солнца проползала змея, оставлявшая след шириной в две четверти.

Выплата денег за участок лежала тяжелым бременем на плечах отца. В первый же год он прорыл глубокими траншеями весь участок вдоль и поперек, очистил его от камней и обильно поливал. А вскоре, по наружному обводу были посажены несколько деревьев. Только на второй и частично на третий год были высажены виноградные черенки (чубуки) специально подобранных сортов: ойзуьми (скоро-спелка), хатми, гуьлоби, хэй-тогъи, огыдеи и другие. Многолетний непомерный труд склонял его, но он не сдавался. Распрямляясь, засучив рукава, опять брался за свой тяжелый бондарный молоток, совмещая работу на участке с бондарной, чтобы продолжить жизнь. В работе на участке принимали участие все члены тогда уже большой нашей семьи, включая детей школьного возраста. Иногда нам помогали многочисленные родственники: племянники, племянницы и даже соседские дети. Через несколько лет участок преобразился и стал вознаграждать за любовное отношение к земле.

Виноградный сад был для нашей семьи вторым домом. Однако пребывание в нем не было праздным отдыхом. Для каждого из нас находилась здесь работа.

Зато неопишуемая радость охватывала всех нас во время сбора винограда: песни, веселье и шутки раздавались по всему саду, самые трудные работы выполнялись с необыкновенной легкостью, настроение было приподнятое, праздничное, словно на больших торжествах. Если кто-либо, проходя по рядкам, где уже был снят урожай, находил случайно листьями прикрытые гроздья, чаще всего это бывали небольшие,

то поднимался шум, и каждый хотел попробовать хоть одну ягодку из обнаруженного, потому что эти ягодки казались вкуснее всего. Так интересно и весело проходили дни сбора урожая.

Прошло уже много лет с того дня, когда наш сад был передан государству, но все эти годы благодарные люди, проходящие по большаку, вспоминают перекресток, где находился сад Шаула Симанду.

К месту под огромным ветвистым тополем, где обитала змея, нам запрещалось подходить, чтобы не накликать беды. Я не помню, чтобы от змеи хотели избавиться, хотя все знали, как это сделать: надо было снять широкое кольцо коры на дереве, после чего оно засохнет, и змея оставит свою нору. Но отец не хотел никому зла, он говорил, что в природе нет ничего лишнего, что в ней все соразмерно и человек обязан ее беречь. Он никогда не рвал и никому не советовал рвать незрелый плод. Из ветвей деревьев и виноградных лоз выплетал широкий зеленый свод, чтобы подарить людям тень в жаркий солнечный день.

Ошугь Шоул – Шоул бондур
Э гюширгьо нигуьрд хотур,
Гофе мизе шогь э сифет,
Эй косибгьо у бу гьэлхэнд.

Ашуг Шаул – Шаул бондарь
Богачам не делал снисхожденья
Словами хлесткими бил в лицо,
Для бедняков он был защитой.

Шло время. Тесно стало в нашем жилище. Комната-временка давно уже не годилась для размещения большой семьи. Поэтому в нижней части города (ныне улица Ленина, 19) была снята квартира во дворе К. Парфенова.

К. Парфенов – царский офицер, получивший большой надел земли за долговременную службу, был к тому времени крупным помещиком-садовладельцем. Сады К. Парфенова, находившиеся в горных районах недалеко от Дербента, были неполивные, виноград отличался высокой сахаристостью и ароматом. Марки его вин были известны всему Кавказу и многократно отмечались золотыми медалями на выставках. На этикетках, пробках и фольговых колпачках обозначались его фамилия и инициалы. На К. Парфенова работали многие горожане, но больше всего спускавшиеся с гор в поисках работы люди. Семья Парфеновых занимала отдельный дом в верхнем дворе (ныне ул. Ленина, 21) окнами на улицу. Нижний двор (ныне ул. Ленина, 19) имел сообщение с верхним через выходы подвалов. Кроме хозяев, в обоих дворах проживало около 10 семей-квартиросъемщиков, одной из которых была и наша. Позднее многим квартиросъемщикам постепенно были проданы занимаемые ими квартиры, в том числе и нашим родителям. Бывшая наша квартира-временка была превращена в бондарную мастерскую и частично в подвал, где хранилось виноградное вино.

Помню, как мне, шестилетнему мальчику, приходилось из мастерской везти продукты домой на специально сделанной отцом для меня коляске. Таким образом, я был при деле и получал огромное удовольствие, когда выполнял такое задание.

Мама, несравненная, любимая и постоянная моя защитница, никогда не упускала случая поблагодарить за работу, лаская, крепко обнимая, она говорила какие-то

древние слова, подчас мне непонятные, суть которых состояла в добрых пожеланиях в настоящем и будущем.

Продолжая ходить в бондарную мастерскую, я с удовольствием смотрел и удивлялся тому, как отец без всяких мерительных инструментов, строгая клепку, точно подгонял их друг к другу без всяких зазоров, ловко управлялся с обручами у наковальни при клепании. Иногда я помогал отцу: поддерживал обруч, приносил какой-либо инструмент или подавал его – все это ему очень нравилось.

Он говорил со мной о работе, не навязывая своего мнения, иногда напевал самому себе, как будто никого не было рядом. Слов почти не было слышно. Казалось, что его рабочие движения облекаются в музыку напева. Бывало, умолкнет на время, работая усердно и сосредоточенно, затем спросит что-нибудь и опять уйдет в свою стихию. Уходя из мастерской, я долго слышал еще звон наковальни, тяжелого молотка и тихий отцовский голос, напевая, он подбадривал сам себя во время работы.

Однажды в мастерской я обратил внимание на исписанное дно винной бочки и побеленные стены. Потом мама мне сказала, что отец таким образом пишет стихи. Для меня это было открытием. Спросить отца о его сочинениях я не мог: слишком большим авторитетом он пользовался в моих глазах, и вопрос этот был бы с моей стороны нетактичным. С ним я всегда говорил с полуопущенной головой. Его светлое, всегда приветливое, без единого пятнышка лицо никогда не покидал естественный румянец. Крупные глаза с ярким оттенком голубизны, белая аккуратная борода и белоснежные зубы, скрывавшиеся за губами удивительно красивого очертания, украшали его мужественные черты. Он говорил коротко, иногда жестко, но всегда убедительно.

Иногда он поручал мне принести с базара, расположенного поблизости, свежей рыбы или зелени к столу. Он никогда не садился есть один, всегда искал человека, который составил бы ему компанию. Мне часто приходилось зазывать гостя. Для этого я выходил на улицу и обращался к любому проходящему с просьбой от имени отца зайти к нему в мастерскую. Незнакомый непременно ласково спрашивал: «Чей же ты будешь, мальчик?» Услышав ответ, что я сын Шаула Симанду, знакомый доброжелательно отвечал, что не смеет отказывать мастеру (усдо) в просьбе.

Поздний завтрак или обед часто затягивался и, видимо, зависел от живости разговора с собеседником. В это время я мог заниматься какой-нибудь безделушкой и заодно посмотреть на днища бочек и на стену, которые были заполнены уже новыми записями.

Он никогда не печатался, несмотря на то, что народ распевал его стихи и песни. На предложение собрать его произведения и выпустить отдельным сборником он, неподдельно скромный, отшучивался и всерьез добавлял, что этого делать не надо. Однако без ведома отца, еще при его жизни и неоднократно позже, когда его уже не было на свете, старший брат отдавал его произведения для опубликования товарищам, так или иначе связанным с литературой. И каждый раз у них находились причины, чтобы не издать стихи и не вернуть подлинники. Так множество сочинений пропало безвозвратно. Может быть, отец был прав, когда отказывал в публикации своих сочинений, заведомо зная и предвидя порочность и нечестность некоторых людей?

Только в 1946 году, после возвращения с фронта, я получил доступ к единствен-

но оставшейся записной книге с толстым переплетом и к исписанным клочкам бумаги, беспорядочно вложенным в эту же книгу. Наряду с произведениями отца на страницах этой книги и на клочках были записаны стихи и песни азербайджанских авторов, распеваемые некогда в народе. Все это – ивритским алфавитом, как тогда писали евреи. Просматривая все записанное, я отобрал произведения, известные мне по названиям, содержанию и подписи под ними – ШэСбобо или ШэС. ШэС означало Шоул Симанду, бобо-дед. Это встречается и в его стихах. Так, например, в «Алфавите» сказано: «Шоул Симон диди бу дуьньёгь лепердуьр», а в «Дестоне Зарбоил» – «Бу бедьелери диюбтуь Дербетлуь ШэСбобо шогыьр».

Тогда же, после длительных и горячих споров со старшим братом Ильей по сути отдельных слов, выражений, их правописанию я переписал в новую тетрадь: «Дестон Зарбоил», «Алфавит», «Гуьлен», «Сталин» и еще два стихотворения без заголовка.

Спустя некоторое время эта записная книга с толстым переплетом исчезла из отцовского дома, конечно, не без участия злых невежественных людей, которые могут перекопать всю землю, чтобы вместо роз посадить чертополох...

Помню по рассказам мамы, что отец очень много занимался общественными делами. Его приглашали для разбора конфликтов между друзьями, налаживания семейных отношений, ликвидации раздора, возникшего у компаньонов, выяснения взаимоотношений родителей и детей, родственников и т. д.

Не перечесть случаев, говорила она, когда с помощью отца жена возвращалась к мужу, а бродяга-мужчина бросал свои похождения, становился настоящим отцом семейства и воспитывал своих детей. Восстанавливались нарушившиеся взаимоотношения между бывшими друзьями, близкими людьми, налаживались семейные связи. Но были ситуации затянувшейся вражды и подчас кровной, а иногда попадались несговорчивые, упрямые люди – тогда вопрос оставался открытым, нерешенным, о чем отец очень переживал. Трудно ответить на вопрос обо всех пружинах его воздействия на умы и действия людей. Бесспорным было то, что он испытывал безграничную любовь к людям, и поэтому авторитет его был безупречным. Справедливость во всем, широкий кругозор и знание жизни, богатейший дар логического мышления, подкрепленное знанием многих языков Востока – вот что отличало от других Шаула Симанду.

Весенняя путина на рыбных промыслах юга Дагестана была исключительно удачной. Каспий расщедрился. В Дербенте создавались бригады бондарей, которые отправлялись на промысла для ремонта чанов, бочек и другой деревянной посуды под рыбу, а также для откупорки и закупорки готовящейся к отправке засоленной продукции потребителям во многие города России. В одну из таких бригад был завербован и бондарь Шаул Симанду. Руководил этой бригадой некий Зарбоил, родом из Кубы, прозванный «Гьучи». О том, как Зарбоил верховодил, эксплуатировал молодых, плохо организовал питание, отец написал песню.

Дестон Зарбоил

Бир Гъучи алуьб мени гитмишидиг бетогъое,
Гидуьбени чатмемишден иши салди гъэдэгъе.
Гьер гъие донишенде сеси ухшерди бугъе,
Одини суъзе деим Гъуболу гъучи Зарбоил.

(Припев)

Эй гъезорет суъзе деим
Гъуболу гъучи Зарбоил.

Один Гъучи завербовал меня на рыбные промысла.
Не успев прибыть к месту, дело подчинил запретам.
Каждый раз при разговоре голосом походил на бугая,
По имени он гъучи Зарбоил, родом из Кубы.

(Припев)

Эй, люди, вам говорю,
Он родом из Кубы, Гъучи Зарбоил.

Бейле кимиг гъучилеруьн сеси улур улмез гуъжи,
Ишлетер жовонлери истемез вермэгъ буржи.
Менде бир гуъже фиргъони истерем чалим гъилинжи,
Бисмиллогъ димишем, буюр мейдоне Зарбоил.

У таких гъучи голос есть, не бывает силы,
Эксплуатирует молодежь, не желает вернуть долги.
Я тоже старый потомок хочу жердь скрестить,
Начинаю, говорю, выходи на середину, Зарбоил.
(Припев)

Гъейле гелди мейдонуме оз гъолхиздуьм чоносинден,
Уъзин салдуьм игремчее суьмуьи совди синесинден.
Гевлуьме вел-веле дуьшди хъокимлеруьн белосивден,
Межмуни лей-лое салди мени бу гъучи Зарбоил.

Только приблизился ко мне, я, слегка приподняв подбородок,
Зажал его в обхват, затрещали в груди кости.
Тревога вкралась в сердце за неприятности с властями,
Одержимого в беду втянул этот гъучи Зарбоил.
(Припев)

Элли нефер фегълеси вор ехдур гӀзмеллуь чойчиси.
Уъзи зурбо игитиди Ханукоевун гъучиси.
Балажа довгӀо улди, атуълмеди тапанжеси,
Гъей дидуьм гъое салди гъэчуьбен гитти Зарбоил.

Пятьдесят душ рабочих, нет пригодного питания,
А считался он героем Ханукаевых гъучи.
Малая война была, не стреляли револьверы,
Я поднажал, он «ой» сказал, поспешил убежать Зарбоил.
(Припев)

Уники нефер елдаш иди эйлондурериди бу иши,
Бир параси эркэгиди, бир параси ранги диши.
Баракеллогъ Геврил огъли Мететиё гӀзсуьл кииш
Ишлери садуьшетуьб, гъэчуьбен гитти Зарбоил.

Двенадцать товарищей в бригаде было.
Одни из них настоящие мужчины, другие – нет.
Молодец Мететье Гаврила сын
Конфликт уладил весь, а Зарбоил убежал.
(Припев)

Бир бейле зурбо игид кечмишлерде вориди Ёил,
Угълунун оди Эзеръё, фомилеси иди Моил.
Бу бедьелери диибтуьр Дербетлуь ШэСбобо шогъир,
Девроси гъоне дунуб гъэчуьбен гитти Зарбоил.

Еще один такой «герой» в старину был Ёил,
Сына звали Эзерье, по фамилии Моил.
Эти строки рассказал дербентский ШэСбобо поэт.
С губами красными от крови убежал Зарбоил.
(Припев)

Шаул Симанду читал или напевал свои произведения на людях во время работы или в другой подходящей обстановке, люди подхватывали сразу, а потом передавали из уст в уста, пели и читали на встречах, свадьбах и других торжествах.

Таким образом, каждое новое произведение входило в его собственный дом через окружающих его в тот момент людей. Когда нарушалась связь с его местопребыванием и людьми, его окружавшими в какой-то день или час, когда он читал новое, то терялось высказанное и растворялось в народе. Так произведения, например, «Абас Кули», «Инспектор» и многие другие, прочитанные Шаулом Симанду, но сразу не записанные, потеряны безвозвратно. Произведение «Дестон Зарбоил», характеризующее обстановку, условия и порядки, установленные на промыслах Каспия, являет-

ся, пожалуй, единственным, имеющим точную дату написания – 1913 год.

Забегая вперед, надо сказать, что почти все остальные произведения, дошедшие до нас, не имеют точной даты возникновения, их можно предположительно определить по событиям, в них описанным. Если «Дестон Зарбоил» сохранился полностью, то этого нельзя сказать об общеизвестном среди евреев произведении «Абас Кули», написанном в 20-х годах нашего столетия.

Дело в том, что некоторые азербайджанцы в Дербенте, поддерживавшие с Шаулом Симанду личные связи, знали о том, что он пишет стихи и песни на их языке. Когда эта весть дошла до азербайджанского поэта Абас Кули, проживавшего тогда (в 1920-25 годах) в Дербенте, последний был сильно удивлен и решил удостовериться в этом лично.

Х.Д. Авшалумов – поэт, прозаик и драматург, лауреат премии им. С. Стальского, заслуженный работник культуры РСФСР и ДАССР, видный, большой мастер еврейского языка – в своем рассказе «По поводу поэта Шоул Симанду» на радио в 1989 году, сказал: «Когда я приезжал в Дербент (1935 г.) для работы в газете «Захметкеш», Шаул Симанду рассказывал мне по поводу одного из своих стихотворений «Абас Гъули». В то время не только наша народность, но также азербайджанцы Дербента знали, что Шаул Симанду является поэтом. Азербайджанец из Дербента – Абас Гъули тоже был известен в городе как поэт. Один раз А. Гъ. заказал Ш. С. изготовить ему бочонок. Ш. С. заказ его выполнил, но А. Гъ. медлил с оплатой за труд. Несколько раз Ш. С. приходил-уходил к воротам А. Гъ., чтобы получить за свой труд, но «его не оказывалось дома», мать А. Гъ. давала «от ворот-поворот», прогоняя его. Ш. С. не знал, что это сам А. Гъ. затеял какое-то хитрое дело. Так, со слов Ш. С., однажды на верхнем базаре он случайно встретил А. Гъ. «Я-говорит Ш. С. – взял руку А. Гъ., чтобы поздравить его с «приездом» и так зажал в своей, что А. Гъ. вскрикнул и завыл от боли. Его рука не выдержала сжатия моей, натренированной тяжелым молотком руки, поэтому ему стало очень больно, когда я зажал его руку. Он попросил, чтобы я отпустил его руку. Я ответил, что до тех пор, пока он не уплатит мне, рабочему, за мой труд, я не отпущу его руку. В это время вокруг нас собрались люди – азербайджанцы. Они поставили перед нами условия: не уходя с места, где мы стоим, мы оба должны сочинить друг о друге стихи. Если я обыграю словами и своей поэзией, мне он (А. Гъ.) уплатит двойную плату за мою работу, если же он – с него мне не причитается ни одной копейки. Я согласился. Не уходя с места, я прочитал ему стихи о том, как он и его мать меня неоднократно прогоняли от своих ворот, когда я приходил за получением платы за мой труд:

Абас Гъули, дай мои деньги, проводи.
Не ты сказал вчера, вечером приходи,
Твоя собака во дворе покусает всех,
Абас Гъули, дай мои деньги – проводи.

В последнее время к уже приведенным вариантам добавился новый, взятый у жителя Дербента тов. Рафаилова Сиона – почитателя и знатока поэзии Шаула Симанду. Приведу запись:

Абас Кули вер пулуми юле сал.
Сен димедуьн дуьнен бу вэхд гел апар?
Гене себегъ сени ким гелуьб тапар,
Абас Кули вер пулуми юле сал.
Эзборувде бир ит вор элеми гьупер,
Абас Кули вер пулуми юле сал.

Со слов Шаула Симанду я понял, что в этом поэтическом споре Абас Гьули не сумел его превзойти. Абас Кули, после высказанного ему обвинения (в чайхане), встал со своего места и сказал: «Шоул Эми! Себегъ верирем пулуви». На это Шаул Симанду ответил:

Нейнеедем Шогъ догьинде мен богьи,
Кофориде улен куьллуь буёгьи.
Истемесев чихэрттерем гьуршогьи,
Абас Кули вер пулуми юле сал.

Зачем мне нужен сад на горной вершине
За Кефори – поля разнотравья.
Коль не хочешь, разбросаю обруча!
Абас Кули, дай мои деньги, проводи.

Последняя находка углубляет и расширяет понятие о происходившем и одновременно подтверждает, что народ знал и любил своего ашуга. С другой стороны, эта находка свидетельствует о незаурядных поэтических возможностях ШэС, отпарировавшего своему оппоненту сильнейшим четверостишием, в котором имеют место мягкая ирония, решительность и просьба, поставившие Абас Кули в невероятно трудное положение.

Возможно, существуют в народе еще какие-то другие строки этого стихотворения, но ясно одно: произведение никем не было записано, как говорят, по горячим следам.

Худшая участь постигла стихотворение поэта под названием «Инспектор». Одно время в Дербенте был введен порядок обложения налогами мелких садоводов до или во время цветения винограда. Инспекторы, как говорится, на глаз определяли будущий урожай и соответственно этому назначали сумму налоговых взносов. Случилось так, что во время посещения инспекторов в саду оказался сам Шаул Симанду. После того, как инспекторы объяснили причину своего посещения, Шаул Симанду в стихотворной форме высказал всю абсурдность выполняемой ими задачи. Инспектора были ошеломлены его познаниями в виноградарстве, в законах жизни и человеческих отношений. Попросив прощения, налоговые инспектора ушли, пообещав прийти только тогда, когда скажет поэт, труженик и усдо Шаул Симанду. Очевидно, если бы налоговые инспектора не обнародовали эту быль, то никто, кроме семьи поэта, никогда не узнал бы о происшедшей встрече инспекторов с Шаулом Симанду на виноградниках и о полученном ими уроке.

Да, Шаул Симанду никогда не кричал об урожае, пока он не свезен под крышу. Удивительным было то, что он, ни одного дня не сидевший за ученической партой за свою долгую жизнь, знал много языков народностей Дагестана. Более того, никогда и нигде не изучавший технику писательского ремесла, утверждал, что наряду с другими немаловажными требованиями к устной поэзии, в стихах и песнях слова должны идти «в обнимку» («гофгьо екире бие гьэл гуьруьт»), если этого нет, то поэтическое произведение несостоятельно.

В связи с этим было бы уместным остановиться на стихотворении известного поэта Сергея Изгияева «Мастер» («Усдо»), посвященном Шаулу Симанду.

В стихотворении говорится о том, что «Ошугь Шоул – Шоул бондур» заметил ёго, молодого поэта Сергея Изгияева и, как хозяин – хранитель богатств, имеется ввиду поэтических, со связками ключей в руках по порядку приоткрывал для него двери – секреты стихосложения, напевая стихи и подсчитывая на пальцах количество слогов, объяснял строфу за строфой. Незабываемый завет и вдохновение, оставленные Шаулом Симанду, дали ему, молодому поэту, возможность петь для народа.

Одним из распространенных и любимейших произведений у нас является «Алфавит» Шаула Симанду, четверостишия которого помнят и престарелый Пинхасов Юханан, и пожилой Рафаилов Сион, и относительно молодые Семендуевы, и многие другие. Трудно представить, как передавались его стихи и люди, не прочитав ни одной записанной на бумаге строки, знали наизусть более двадцати куплетов. Так, сегодня Рафаилов Сион читает наизусть все четверостишия «Алфавита» почти без единой ошибки и свободно разъясняет прочитанное. А ведь автора «Алфавита» нет на свете около 50-ти лет.

«Алфавит» написан в нравственно-этическом духе. Родитель рассказывает сыну, каким правилам следовать в жизни. И, прежде всего, это прекрасные моральные, нравственные, этические и духовные качества.

В стихотворении дано религиозное толкование существования Земли, напоминание об ожидающем каждого Судном дне, о приходе мессии – все это элементы присутствия в сознании людей тех давних времен догматов религии.

Алфавит

Эвел угьул сене несиглэт бериим
Воре бейбофолугь гьилме дуьньёгде.
Черх артинде гьегь яратуьб зомини,
Шоди хуьрем улуб гезде дуьньёгде.

Сначала, сын, советую тебе,
Не совершай неверность на свете.
Под колесом (солнечным) создана земля,
Высокомерным не ходи на свете.

Бири ехшилугъдуър, бири ёмонлугъ,
Бири гьолур, бири куьчер дуьньёгьден.
Бири тожиругъдуър, бири беззолугъ,
Гьич бириси бине гьурмез дуьньёгьде.

Одно хорошее свершение, одно – плохое,
Одно остается, одно уходит из мира.
Одно благополучие, одна бедность.
Ни одно из них не вечно в мире.

Гевуъл гезде бейбофолер долине,
Меил верме хинзёхэн элине.
Гуьзуьви тикме бу дуьньёгьуьн молине,
Улер гьолур сен куьчерсен дуьньёгьден.

Сердцем не следуй за изменниками,
Не якшайся, покрывающими руки хной,
Не надейся на все богатства земли,
Они останутся, ты уйдешь из мира.

Дугъри дулан сене гьилер муьрогьет,
Гьем тоюве улмеесен хиёнет,
Мегьшер гуьни чекмеесен хижолет,
Бир гуьл улуб учежэгьсен дуьньёгьден.

Живущий правдой тебе выразит одобрение,
От сверстников не будет упреков,
В судный день не подвергнешься унижениям,
Преобразившись в цветок, улетишь из мира.

Гьеми улгинен молла, гьеми ул гьози,
Унутмегинен гуьнде уьч взхд номази.
Мегьшер гуьни гьурулежэгьдуър терози,
Сургъу сугьол алажэгьдуър дуьньёгьден.

Будь как мулла, будь как гози,
Не забывай в день трехкратной молитвы.
В судный день сооружатся весы,
Допросы, подробности спросятся из мира.

Воре жуьвонуьбен гезде жонуьве,
Сэглэтуьб томом инсон гирмез гьонуьве.
Илми мосугъ гелуьб гирсе жонуьве
Олиф жуьмлем эзбер иле дуьньёгде.

По молодости не делай ущерба здоровью.
Коль час настал человек не войдет в твою кровь.
Учение высшее, если проникнет в душу,
Алфавит жизни выучи наизусть на свете.

Зэхьмет верди аллагъ одом атая,
Хьово ана бир оз гирди хэтое.
Меил верме элде гезен путое
Хориж улуб куьчежегьсен дуьньёгде.

Муки дал бог Адаму-отцу,
Ева-мама немного согрешила.
Не увлекайся той, кто пошла по рукам,
Потеряв все перекочует из мира.

Хьэлол дулан унден улер бир куьрпи,
Ялан дисев тутмэгъз улмез гьуьлпи.
Илми шогьодетуьн суьзи будурки:
Эшгьуьви мешгьийе верме дуьньёгде.

Честная жизнь создает мосты,
Ложь скажет – не поймать звеньев речи (сути).
Учение свидетельствует словами:
Вдохновение безделью не посвящай на свете.

Дурне кимик бошуьви эгуьб гезгинен,
Утуз алтини ал синевде ёзгинен.
Себогычуьн гьэровуллер дуьзгинен,
Суьрогьи сегьбон гьурме дуьньёгде.

Как журавль ходи с опущенной головой,
Тридцать вторую на груди запиши.
На завтрашний день караульных подготовь,
Сытость безмерную не совершай на свете.

Ёлгуз гезде угьул жонуве дегер хэто,
Моллае, гъозие гидме миннете.
Локо урме гъегъ буюрен суьннете
Сениинен куьчежэгъдуьр дуьньегъден.

Не ходи, сын мой, один, душе грозит беда,
К молла и гози с просьбами не ходи,
Не запятнай священные предания,
С тобой они перекочуют из мира.

Хэто улен жуьвон гид ер Сибири,
Хьэлолсуьз, кефенсуьз гидер гъэбуьре.
Мин туьмени дегишдуьрме сабуьре,
Гьержи хьуьжуьр гъолежэгъдуьр дуьньегъде.

Юноша-преступник отправится в Сибирь,
Без почестей, без савана в могилу уйдет.
Тысячу туманов не сменяй на выдержку.
Безделье, кутежи не красят на свете.

Лебеби шербет серрогьиден ичерсен,
Эзроилуьн гьилинжинден гъэчерсен.
Бир гуьн улур у зиндонден кечерсен
Фоне улуб угьул учежэгъсен дуьньегъден.

Прекрасный шербет наслаждаясь выпьешь,
От прута неверного убежишь.
Будет тот день – через горнило жизни пройдешь,
Закончив путь, сын, улетишь из мира.

Мегьти гелуьр куьллуь гъолам гъирилуьр,
Бир гуьн улур могьлугъэтлер дирилуьр.
Гъэзиз жунлер жегъендеме суьруьнуьр,
Бир покизод Нота неби гъолур дуьньегъде.

Мессия явится, людей многих не станет,
В один из дней народности заговорят.
Близкие люди в небытие перенесутся
Один правоверный останется на земле.

Небоде кечгинен Голим уьзинден,
У донишен ширин шербет суьзинден.
Юз эллимин нече келме суьзинден
Улери гъуюб соил гидме дуьньёгден.

Не надо избегать ученых личностей,
Говорящих сладкими, как шербет словами.
Сто пятьдесят тысяч предложений сказанных
Оставив, не уходи сиротой из мира.

Сотамдуьр гьегь гуьруьнмез гуьзе,
Нече медет юлдуьр ойден илдизе.
Бир бохгинен гьегь яратан гъарпузе
Не ётедуьр, не итедуьр дуьньёгден.

Совершенен он, не видится глазам,
Какая протяженность от луны до звезд.
Посмотри, каков созданный арбуз,
Не ложится, не теряется в мире.

Големуьн тумидуьр бир одом ата,
Мелоиклер ерде улмез бейхэто.
Ульуьмуьн чоьгьинде гидмез миннете
Пэзо, жозо унден гьолди дуьньёгье.

Жизни семя один отец-Адам,
Ангелы на земле не безгрешны,
Смертным не пойдут на просьбы.
Болезни, муки от него остались в мире.

Пингьон-пингьон мэьгфилерде огьлерем.
Шомое бохуьб сидгьилери богьлерем.
Улиматан гьегьгьуьн суьрин согьлерем,
Мегьшер эхир зомон гелуьр дуьньёгье.

В одиночестве скрыто заплачу.
Посмотрев в небо сердечные чувства свяжу.
Хоть умру, тайну правды сохраню,
Последний день придет в мир.

Сеёдинуьн гьорлуь догьлер ейлогьи,
Гьэретикон куллери, гуьлишон богьи,
Ала гуьзлуь гьэре туьрпогь утогьи
Хьэзи, нази, сази гьолур дуьньёгьде.

Просторные, снежных гор, яйла,
Черных колючек кусты, райские сады,
Прекрасные глаза – черной земли каморка.
Веселье, кокетство, наслаждение останутся в мире.

Гьирилуьр дуьньёгь улур покизор,
У элвон хьэромлер гьолмез гуьлизор.
Эрше чекуьлежэгьдуьр элвон лолезор,
Неби Юсуп мегьшер гелуьр дуьньёгьде.

Истреблен будет мир, станет чистым,
Чудесные дворцы потеряют смысл.
Пеленой покроется все вокруг.
Святой Иосиф останется на земле.

Рузи мегьшер руьхьлер дурер сефсефде,
Бейчорелер бегьишди имез муьфде.
Гьолупдилер уьч юз алтмиш беш хифде,
Уружи, номази эзбер иле дуьньёгьде.

В день суда духи встанут прямо в ряд,
Осужденные ничем не откупятся.
Осталось триста шестьдесят пять времен.
Уразу, молитву знай наизусть на свете.

ШэСбобоем илмилери безетен.
Ойрулмегинен рибуьн-гюлмин ёзуьден.
Покизод ул ер уьстинде Гьозиден,
Мергьеббе гьилсуьн жосетуьвде дуьньёгьде.

ШэСбобо эти уроки сочинил.
Не чуждайся всевышнего писания,
Достойней и чище будь на земле, чем гоzi,
Чтобы хвала читалась душе твоей в мире.

Томом улуб уьмуьр кесилер сеси,
Шоди хуьреминен геймез хэлгГэт либоси.
Ики юз гьирх секкиз инсон эгьвоси
Шогьодетуьн рузи мегьшер дуьньёгде.

Конец жизни придет, прекратится голос,
Бесплодная жизнь не оденет саван почетный.
Двести сорок восемь наций
Свидетели этого дня на свете.

Шоул Симон диди дуьньёг – лепердуьр,
Биносуьз сарое дивор епедуьр,
Суьз лозими илмилерден тападуьр,
Эшит угьул юз ёшерсен дуьньёгде.

Шаул Симон сказал: жизнь – волна.
Без фундамента валится стена.
Необходимые из науки (ученья) черпаются слова.
Слушай, сын, сто проживешь на свете.

Шаул Симанду был человеком с большой буквы. Его повседневная жизнь была постоянно полна заботой о семье, работе и окружающих его. Часто навещали его седобородые Хьизгьийёй Эмин, Рэхьмил Гуьршуьм и многие пожилые, имена которых, к сожалению, не помню; даже останавливали на улице по любому вопросу, а иногда из-за одного непонятного, откуда-то взятого слова часами ждали его, чтобы получить от него ответ, зная наперед, что это будет истиной.

Я горько, горько сожалею, что в годы расцвета Его творческого дарования был слишком мал, а позднее, когда повзрослел, уехал на учебу. Так оборвалась моя живая связь с отцом еще при его жизни, за исключением времени каникул. Досадно до боли сердечной, что не смог я сделать большего для сохранения огромного поэтического наследия отца.

Он был физически и духовно сильным человеком, мог радоваться в счастливые минуты. Сеятель добра и добрых чувств, которые светились в его голубых глазах. Он хорошо знал цену свадеб и иным торжествам. Но мог сжаться в кулак в недобрые часы, а во время наката страшного горя, тяжелых испытаний его сердце, способное к выдержке и страданию, не растворялось, разум не давал отбоев.

Когда говорят о человеке, что он прожил долгую или короткую жизнь, имеют в виду, чаще всего, абсолютное время. Но в то же время Человек – явление общественное, созидатель, самый прекрасный феномен природы среди множества и множества других явлений, поэтому чрезвычайно важно, как и насколько отвечал своему назначению в жизни на Земле. Люди активные утверждают, что время течет очень быстро. Есть и такие, которые считают дни, часы и минуты и восклица-

от недовольно, что время течет медленно. Предельно ясно, что время – категория постоянная и течет независимо от воли и желания людей. На самом деле, все эти суждения зависят от фактора занятости, увлеченности любимым делом. Люди, занятые вдохновенным трудом, неважно каким, не следят за временем, и поэтому им кажется, что время течет быстро.

Когда в жизни человеческой наступает время подведения итога пройденного пути по жизни, приходится ответить самому себе, как она прожита: не глядя на часы или мучительным поглядыванием на них.

Ю. Олеша считает безнравственным описывать смерть героя, заставляя его умирать как можно более выразительно и тем самым уводить это печальное событие в область красоты. Развивая эту мысль, утверждает: «А может быть, вводя страдание в область красоты, художник тем самым платит страдающему за его муки какой-то высшей ценой?»

Говорят, что чудес не бывает, это так, но чудеса, согласитесь, читатель, имеют место в человеческой жизни, о них можно говорить и говорить...

В то утро Шаул Симанду поднялся, как всегда, рано. Через несколько минут ушел на рынок за покупками к завтраку, и в этом тоже ничего нового не было. Через некоторое время после возвращения, где-то около десяти часов, он попросил приготовить теплой воды, чтобы привести себя в порядок. Мама, как всегда, засуетилась сразу и, набирая воду в посуду, никак не могла объяснить, к чему бы это, ведь он с такой просьбой всегда обращался после трудового дня, на ночь, а тут с самого утра, и как будто невзначай сказала вслух: «Вечером было бы лучше...»

Он с самого начала заметил ее нерешительность в действиях и, когда услышал поставленный вопрос, ответил: «Мне уже пора, надо идти к своим предкам». В сердце матери что-то оборвалось, она чуть не упала, но, собрав последние силы, удержалась на ногах. Чтобы не выдать свое состояние, сказала: «Ах, зачем ты так шутишь, разве можно?» Сама же мама решила переговорить со старшей дочерью о только что состоявшемся разговоре. Через несколько минут женщины вместе хлопотали по дому, а он сидел на полу-матраце (нимдер), прислонившись спиной к стене.

Отец был таким же, как всегда, но отдельные черты его лица спокойно выражали ожидание... это надвигалась беда, тихо подкрадывалась...

Вода была уже готова, и, когда ему об этом сказали, ничего не ответив, поднялся и стал готовиться к умыванию... Все это длилось недолго. Переодевшись в чистое белье, он лег в постель, попросил маму позаботиться о детях и тут же заснул, но уже навсегда, теперь уже навечно, не сказав больше ни единого слова.

Что это? Предчувствие, предвидение неминуемой катастрофы, окончание жизни, проявление чувства исполненного долга на земле...

Такому завершению жизни может позавидовать каждый смертный, когда поймет, что и его этот день не минует. Такое можно облекать в красоту и даже в прекрасное.

В последний путь (21 декабря 1939 г.) Шаула Симанду провожал весь город – и стар, и млад. Несмотря на холодную зимнюю погоду, улица перед домом и все переулки были переполнены людьми всех и всяких национальностей города: евреи, азербайджанцы, армяне и многие другие.

СОДЕРЖАНИЕ

От издателя	3

Проза на русском языке

АБРАМОВ Ефим.....	6
КОЗАКОВА Маргарита	18
НИСАНОВА Тейло.....	20
СИМАНТОВ Геннадий.....	25
СИМАН ТОВ Шауль.....	30
ХАНУКАЕВ Борис	33
ХЕЙЛИ Мирьям	43

Поэзия на русском языке

АБРАМОВ Лев	50
АМИРАМОВ Ефрем.....	55
АШУРОВ Симха	59
БАКШИЭЛЬ Арон	61
ГАВРИЛОВ Семён.....	63
ДАВЫДОВ Вячеслав	67
ХАНУКАЕВ Борис	71

Публицистика на русском языке

АГАРУНОВ Михаил	74
ЕФИМОВ Иосиф	80
ИЛЪЯСОВ Павел	87
МИХАЙЛОВ Эмиль	90
МИШИЕВ Йонатан	97

Произведения на азербайджанском языке

АБРАМОВА Батцион	102
АЛИЕВ Вагиф.....	106
ГУРШУМОВ Эльдар	111

Произведения на горско-еврейском языке

АГАРУНОВ Шабтай	114
ГУРШУМОВ Эльдар	118
✓ МИХАЙЛОВА Ирина	121

Библиотека

Рецензии, аннотации, критика	130

К юбилеям классиков

СЕМЕНДУЕВ Александр	140

«Мирвори» № 8

Литературно-публицистический альманах

Главный редактор Й. Мишиев
Редактор и корректор (рус. яз.) М. Козакова
Редактор и корректор языка джуури М. Агарунов
Дизайн и компьютерная вёрстка Э. Алиев
Иллюстрации — С. Ашуков

Подписано к печати 20.08.2011
Формат: 70х100 1/16. Гарнитура Times New
Печать офсетная. Усл. печ. листов 12,9

***

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «МИРВОРИ»
Издание книг, брошюр, буклетов, каталогов, календарей.
Компьютерный набор, корректура, редактирование.
Художественный дизайн, графика и вёрстка.
Консультации по всем вопросам книгоиздания.

Мы пройдем с вами весь путь от рукописи до выхода книги.
«МИРВОРИ» — ваша книга в надёжных руках.

***

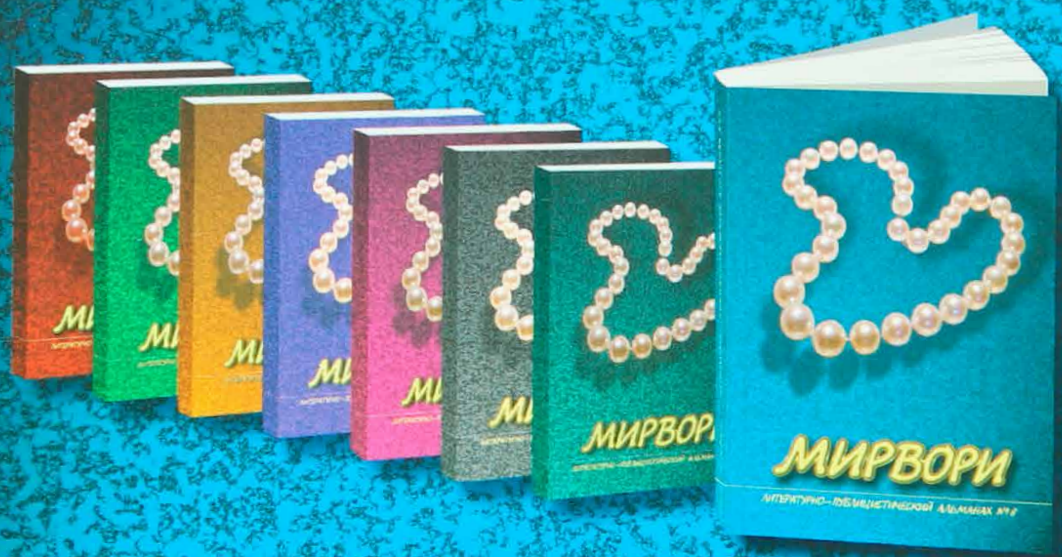
Адрес редакции: Израиль, Нетания, ул. Бренер 10
Адрес для писем: Israel, 42441, Netanya, P.O.B. 359
По вопросам приобретения и заказов обращаться по тел.:
международные — 972-9-8840855, 972-9-8870811, 972-54-7766822
в Израиле — 09-8840855, 09-8870811, 054-7766822
Электронная почта: mirvori@mail.ru

Литературно-публицистический альманах «Мирвори» выходит в свет с июля 2006 г. и на сегодняшний день является единственным в мире изданием подобного рода. За прошедшие годы он приобрёл известность и популярность. В нём публикуются произведения современных поэтов и писателей, выходцев с Кавказа, проживающих ныне в разных странах мира. Многим из них альманах открыл дорогу к большой читательской аудитории.

Каждый очередной выпуск альманаха вызывает горячий отклик не только в Израиле, но и в России, Азербайджане, Германии, Канаде, США.

Альманах «Мирвори» представляет интерес для широкого круга читателей, любящих современную литературу, и в особенности для тех, кто интересуется развитием культуры евреев, выходцев с Кавказа.

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
МИРВОРИ

ISSN 1565-8228

Израиль, 2011